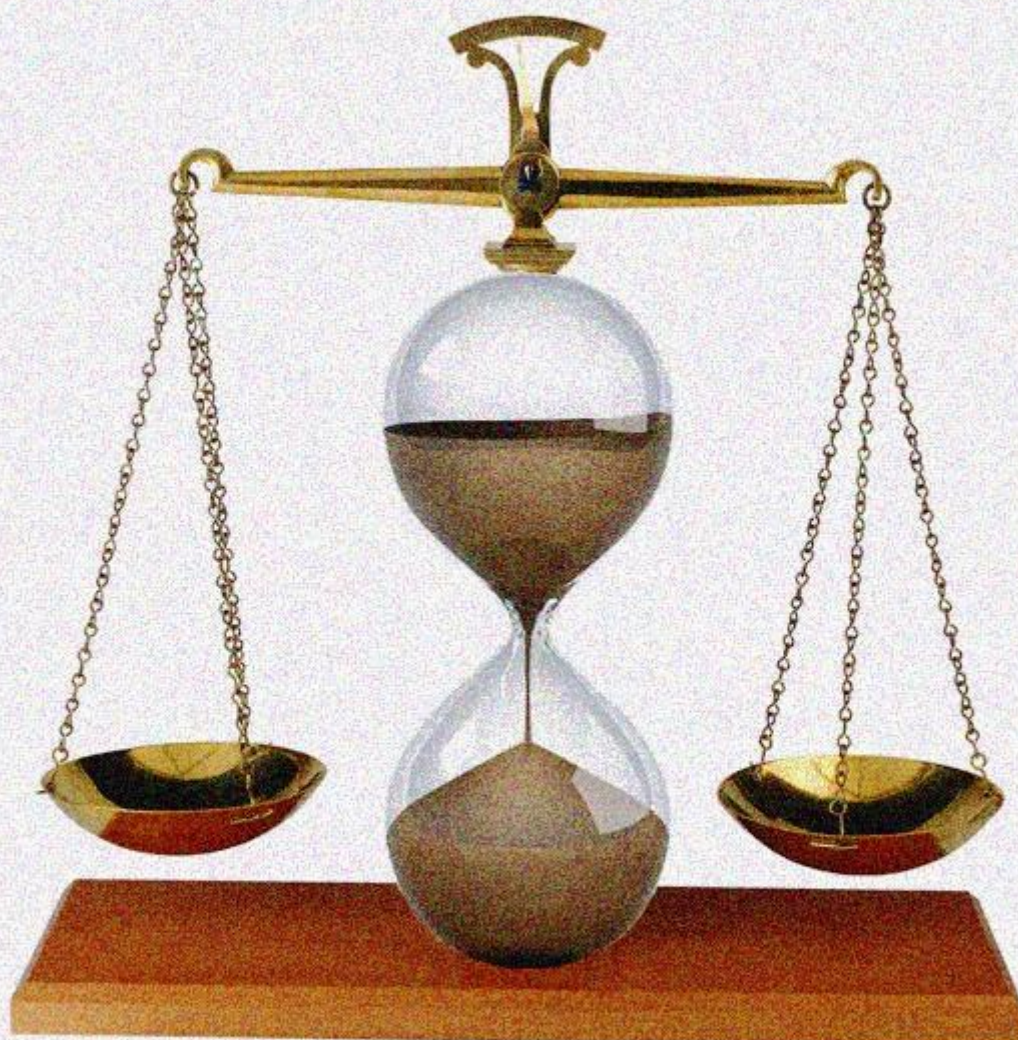

Олег Антонов

Осознанный выбор

Оглавление

Ещё один шанс.....	3
Проблема	27
Несун.....	44
Проще пареной репы.....	50
Полевые испытания.....	65
Штуковины	85
Акция	108
Диспут на заданную тему	130

Антонов Олег Борисович

Еще один шанс

Дворик для прогулок был зажат между зданиями и больше походил на кирпичный колодец, глубиной в три этажа. Сверху его закрывала металлическая сетка, через которую даже воробей не смог бы пролезть. На потемневших стенах, будто плесень белел солевой налет от дождей, асфальт под ногами был неровный и покрыт сетью трещин, через которые весной может и пробьется несколько травинок. Небо вверху было бледно-синим, осеннее солнце освещало верхнюю часть восточной стены, и тень от сетки была нечеткой, ломаясь на неровной кладке.

- Шестнадцатый, прогулка закончена, - раздался голос конвоира. Человек в сером поношенном костюме бросил последний взгляд вверх, по диагонали квадратного дворика, позвякивая цепью, отсчитал последние двенадцать шагов до двери, и усмехнулся своим мыслям. За дверью его привычно осмотрели, хлопали по бокам, и повели домой, в камеру. Но в длинном коридоре не повернули к лестнице на второй этаж, где находилась его камера, а повели дальше. Охранник у двери в соседнее здание сделал запись в журнале, придирчиво осмотрел подпись старшего конвоира и только после этого открыл крепкую металлическую дверь. Шестнадцатый только плечами повел, когда понял, что его ведут не в камеру, а в лазарет.

Обычно медицинская проверка проводилась по средам, а сегодня была пятница, но это даже хорошо, решил Шестнадцатый. Хоть какое-то разнообразие. Конвоиры еще дважды расписывались в журналах и когда его ввели в знакомый кабинет, с обычным больничным запахом, он уже настроился на то, что сможет переброситься несколькими словами с дежурным врачом. Разговаривать с заключенными не разрешалось, но врач должен задавать обычные вопросы, касающиеся состояния заключенного, поэтому можно было отвечать на эти вопросы коротко, а можно было и поболтать, не ограничиваясь прямыми ответами, спросить совета по поводу насморка или бурчания в животе. Врач ведь обязан следить за их здоровьем, поэтому Шестнадцатый всегда старался растянуть посещение лазарета. Там можно было увидеть что-то новое, пусть даже это было мелкой деталью, например новые пузырьки с лекарствами в шкафу. Врачи на его болтовню внимания не обращали, разговоров на посторонние темы не поддерживали, ведь старший конвоир присутствовал при осмотре и мог потом доложить о нарушении режима начальству.

- А вот и номер шестнадцатый, - как обычно сказал молодой, но уже лысеющий врач в халате и шапочке, Шестнадцатый про себя называл его Занудой. Заключенным не полагалось знать имена охранников и врачей, поэтому каждый придумывал для них какие-то клички, но обращаться к ним можно было только обезличенно: конвоир, охранник или доктор.

Нарушение этих правил влекло за собой ужесточение режима, могли и прогулки запретить. Во время осмотра Зануда всегда задавал одни и те же вопросы, а если ему жаловались на головную боль или ломоту в суставах, то всегда начинал досконально выпрашивать о том, что было за день до этого или раньше. На вопросы, не относящиеся к медицине, не отвечал и на шутливые замечания не реагировал, лениво стуча по клавиатуре. Иногда, если было что-то серьезное, давал лекарства и потом проверял результат, чаще просто говорил: «Чепуха» и отправлял заключенного в камеру, не обращая внимания на слабые протесты. Второй врач, которого Шестнадцатый называл Козликом, за то, что тот носил очки и имел редкую неухоженную бородку, был более щедрым на таблетки и любил рассказывать анекдоты на бытовые темы во время осмотра. Конвоиры на это не жаловались, им самим было скучно.

- Здравствуйте, доктор! — Шестнадцатый улыбнулся сидящему за столом врачу. — Как ваше здоровье, как семья? — Он спросил это по привычке, зная, что ответа не будет.

- Здравствуйте, - буркнул Зануда и кивнул конвоиру, тот защелкнул цепь, сковывающую наручники и ножную связку в фиксаторе смотрового кресла и отошел к двери, где ему полагалось ожидать завершения осмотра.

- Состояние пациента хорошее, никаких отклонений от возрастных изменений не обнаружено. Сейчас проведем стандартную процедуру осмотра, режим «А».

Врач обращался не к нему и заключенный только сейчас заметил, что в кабинете находится еще один человек, тоже в белом халате, белой шапочке и темных очках, сидящий в углу, рядом с застекленным шкафом. Перед ним на столике-каталке стоял раскрытый компьютер в металлическом корпусе. Шестнадцатый сразу определил, что это армейская модель, титановый корпус, мощная машинка для среднего командного звена. Ему не понравилось, что он сразу не заметил постороннего при входе. Незнакомец кивнул врачу, будто давая разрешение начать осмотр.

- Извините, что не поздоровался, - сказал заключенный, приветливо улыбаясь незнакомцу. — Здравствуйте!

В ответ он увидел только отражение ламп в стеклах очков. Зануда пощелкал клавишами, встал из-за стола, подошел к заключенному и привычно закрепил датчики на

теле. Надев белый пластиковый шлем с торчащим рожком антенны, так, что видно было только обеспокоенное лицо Шестнадцатого, он вернулся за стол и снова принялся щелкать клавишами, вглядываясь в экран. Заключение громко вздохнул и повозился, устраиваясь поудобнее в смотровом кресле. Не нравилось ему это, особенно тревожило его присутствие незнакомца, который молча сидел в своем углу. Раньше никаких посторонних на осмотрах не было.

- Знаете, доктор, что-то у меня вечером горло заболело... Может, посмотрите?

Зануда поднял голову, посмотрел на него с раздражением, потом нехотя кивнул. Надев обруч с зеркалом, подошел к креслу и приказал открыть рот. Осмотрев горло, он укоризненно покачал головой, будто Шестнадцатый его обманул.

- Чепуха. Обычная ангина. — Смазав небо и язык ватным тампоном, пропитанным какой-то едкой жидкостью из темного пузырька, Зануда вернулся за стол и, посмотрев на экран, удовлетворенно кивнул головой.

- Все в норме, хотя общий тонус и низковат. Думаю, что витамины не помешают. Как вы считаете, коллега?

Заключение повернул голову и посмотрел на незнакомца в углу. Тот поднял голову и согласно кивнул врачу, затем снова уткнулся в свой компьютер, будто происходящее его вовсе не интересовало.

- Значит, все в порядке, доктор? — кривясь от горечи во рту, спросил заключение и сглотнул. — Это что-то с йодом, да?

- Да. Теперь займемся витаминами, - негромко ответил Зануда, подошел к столику у стены, надел тонкие резиновые перчатки и вытащил из стерилизатора шприц. Осмотрел его на просвет, проверил, как ходит поршень и надел иглу. Из плоской картонной коробочки без этикетки достал ампулу с прозрачной жидкостью и, сломав наконечник, набрал жидкость в шприц. Когда брызнул фонтанчик из иглы, заключение, наблюдавший за действиями врача затаив дыхание, встревожено шевельнулся.

- Это что такое, доктор? Что за гадость вы собираетесь мне вколоть?

- Витамины. Внутривенная инъекция, - флегматично ответил Зануда и подошел к креслу, держа шприц в руке иглой вверх. Заключение вжался в кресло, потом, что-то почувствовав, глянул в угол. Незнакомец теперь внимательно смотрел на него, откинувшись на спинку стула. Конвоира заключение видеть не мог, тот стоял у двери, но он знал, что стоит только врачу сказать слово, как тот в два шага окажется возле кресла и поможет сделать укол. Сопrotивляться было бессмысленно.

- Не волнуйтесь, это только вам на пользу, - сказал незнакомец, внезапно

оказавшийся справа от заключенного, В стеклах очков Шестнадцатый видел только свое искаженное отражение и это его раздражало, здесь ведь не пляж, даже окон нет, чего ж такие очки носить? Зануда уже протер ему кожу тампоном и пальцами пережал левую руку выше локтя, запахло спиртом. Почувствовав укол, Шестнадцатый вздрогнул, но промолчал. Доктор сделал укол умело, а незнакомец все говорил, будто отвлекая внимание.

— Витаминная инъекция, заключенный. Вас ведь не балуют фруктами, а впереди зима. Организм должен иметь высокую сопротивляемость, вот Минздрав и побеспокоился о вашем здоровье.

Заключенный проводил недоверчивым взглядом незнакомца, вернувшегося в свой угол и снова уткнувшегося в компьютер. Зануда оставил тампон на месте укола и отошел.

- Что-то раньше государство такой заботы не проявляло, - едко заметил Шестнадцатый, глядя в спину врача, снимающего перчатки. За него снова ответил незнакомец.

- А теперь проявило, цените эту заботу, заключенный. Вам ведь еще долго здесь жить. Шестнадцатый бросил быстрый взгляд на него и сразу отвел глаза, было что-то пугающее в бледном лице с темными стеклами, закрывающими глаза. И непонятно было, с издевкой он сказал это, или просто так.

- Спасибо, благодетели..., - заключенный под внимательным взглядом врача бросил тампон в урну, застегнул манжету рубашки и опустил рукав костюма. Ничего необычного после укола он не чувствовал и теперь ждал, когда с него снимут датчики и шлем.

- Вот и все, Шестнадцатый. Завтра посмотрим на общий тонус организма, а пока можете отправляться. И не мочите место укола. — Врач кивнул конвоиру и тот подошел к креслу, чтобы отстегнуть заключенного. Шестнадцатый выходил из лазарета обеспокоенный и раздраженный. Надо узнать, что это за незнакомец и что ему вколол Зануда. Это может сильно повлиять на его планы, тщательно разработанные и близкие к осуществлению.

- И что это даст, господин полковник — спросил раздраженно врач, когда ампулы закончились. — Это что, действительно витамины?

Полковник снял очки и посмотрел на него, слегка приподняв брови. Врач смотрел на него с вызовом. Не нравилось ему все это, но приказы начальства не обсуждаются. Только вот спрашивать потом будут с него, если что случится, поэтому хотелось услышать хоть какое-то объяснение тому, что происходило в их тихом омуте последние три дня. Свалились, как снег на голову, привезли какие-то препараты, заставили делать

одним инъекции, другим давать какие-то драже... Треть заключенных оставили в покое, обозвав контрольной группой. Ох уж эти эксперименты, они до добра не доводят. В этом он был убежден.

Главным в этой суматохе был полковник, которому без всяких проволочек разрешили здесь хозяйничать, а остальным даже не соизволили сообщить, кто он такой. Полковник Иванов и точка, да только знаем мы таких Ивановых. Приказали оказывать содействие и выполнять все распоряжения. Черт знает, что такое... Хотя догадаться, что он из какого-то секретного института труда не составляло, да только кроме начальства никто его документов не видел. Все это мышинная возня, когда-то врач и сам работал в такой конторе, пока не понял, что совершил самую большую ошибку в своей жизни... Но об этом уже пора бы забыть.

- Мы проводим испытание нового средства, господин врач. Не беспокойтесь, это никак не отразится на здоровье ваших ... пациентов. Я думаю, что вы не испытываете к ним симпатии, это ведь даже не люди... Просто жуть берет, когда читаешь справки. Этот, например, шестнадцатый номер... Сколотил целую армию, объявил себя новым Адольфом, целый регион терроризировал, сколько людей погибло... А с виду и не скажешь, на дядю моего похож, тот был мирным обывателем, бухгалтером работал. Или третий номер, это же серийный убийца, куда там Джеку-потрошителю.

Врач пожал плечами и хотел сказать, что да, симпатии он к заключенным не испытывает, но отвечает за их здоровье как врач. Зарплату за это получает. Но этот молчаливый тип с серыми глазами и сам был врачом, по крайней мере, он так заявил при знакомстве. Полковник поднялся и, пройдясь вокруг смотрового кресла, остановился перед столом врача. Без очков он выглядел вполне обыденно, никакой таинственности и внушительности, которые появлялись, стоило ему только надеть темные очки. Светлые редкие ресницы и брови, мешки под глазами, лет ему под сорок. На улице на него и внимания бы никто не обратил.

- Это новое средство не является лекарством в привычном понимании, это... как бы сказать, средство контроля... Да, мы создали средство, позволяющее контролировать поведение преступников. В любое время, в любом месте и при любых обстоятельствах они теперь будут находиться под контролем, не внешним, что обычно невыполнимо, а под внутренним... Это совершенно новая область медицины, на стыке наук... Так сказать, в авангарде науки и техники.

- Так значит, в ампулах были не витамины? — уточнил врач, испытывая желание взять полковника за лацканы халата и встряхнуть информацию. Но полковник с улыбкой покачал головой.

— Почему же нет, там были витамины. Причем полный комплект, весьма полезно для ослабленных организмов...

- Тогда что же там было еще? — врач покосился на столик, где лежали пустые ампулы в картонной коробочке без каких-либо надписей.

- Кое-что еще в них, несомненно, было, - самодовольно покивал полковник, глядя на ампулы. — Только не лекарство, а продукт высоких технологий. В подробности вдаваться не буду, но это что-то вроде искусственных микроорганизмов, весьма сложных в устройстве и очень дорогостоящих... — Полковник поднял вверх указательный палец и снисходительно улыбнулся врачу. Тот поморщился, такой пафос был не для него, его больше интересовало, чем это обернется для заключенных. Видимо, полковник прочитал этот вопрос в его глазах.

- Вы ведь знаете, где работаете, коллега, — недовольно, будто непонятливому ребенку, пояснил полковник. — Здесь содержат преступников осужденных на пожизненное заключение, тридцать лет назад их просто уничтожали, как и полагается, но теперь общество стало гуманным, и убийц просто держат в камерах, пока они не вымрут сами. Пожизненное заключение!... Ах, этот гуманизм... Как глупо это слово применительно к вашим пациентам, доктор!

- Тем не менее, они остаются именно пациентами. Никто не освобождал меня от моих обязанностей и как врач я хотел бы знать, чего следует ожидать... Что они могут, эти ваши микробы? Как они действуют? Какие-то проявления их деятельности будут видны, или вы решили выступить в роли карающего меча? — Врач понял, что говорит лишнее и, чтобы скрыть охватившее его возбуждение, встал и подошел к столику, принялся укладывать инструменты в стерилизатор.

- Ну зачем же так... Мы не звери, мы тоже медики и не собираемся причинять вред этим ... заключенным, - развел руками полковник. Он почувствовал себя виноватым после слов врача, но быстро оправился от смущения и с раздражением заговорил, постепенно повышая голос, будто старался убедить не только врача, но и себя.

- Наши микроорганизмы, вернее кибернетические механизмы, кстати, мы дали им название «нанокиб» за их малый размер, будут выполнять функцию регулятора поведения. Я не могу говорить о механизме действия, это информация секретная, но в общем... Могу рассказать о том, как это будет работать в принципе.

- Это интересно, - врач включил стерилизатор и вернулся к столу. На мониторе еще оставались данные последнего осмотра и, криво усмехнувшись, врач выключил компьютер. Что-то теперь будет, подумал он с беспокойством. Не дай бог, если об этом

узнают за пределами тюрьмы.

Полковник, не обращая на его озабоченный вид внимания, присел на смотровое кресло боком и, мечтательно поднял глаза на нависающий колпак осветителя с выключенными лампами.

- Представьте себе ситуацию: преступник готовит план преступления, он обдумывает детали, расписывает по шагам свои действия, учитывает каждую мелочь... Наконец, наступает время действовать, и тут... тут его ждет сюрприз! Как только дело доходит до действия, оказывается, что он не может ничего сделать! А, каково? Он не сможет нажать на курок пистолета, не сможет ударить ножом, не сможет даже дать пощечину... Вот где проявится наша работа, здесь в действие вступают наши «нанокибы», они отслеживают работу отдельных частей мозга, потом блокируют выделение ферментов агрессии и... преступника можно брать голыми руками, на месте преступления, так сказать. В момент, когда надо действовать, преступник оказывается связан собственным организмом, мозгом, который, с нашей помощью, надевает на него, как говорится, смирительную рубашку!

Врач недоверчиво покачал головой: - Я читал о «наномашинах», но пока они использовалось только в тех областях медицины, где требовалось тонкое хирургическое вмешательство, где скальпель или даже лазерный луч невозможно использовать... А вы утверждаете, что теперь эти механизмы могут действовать на психику... Каким образом они смогут определить, когда надо действовать и каким именно образом? Мозг настолько еще мало изучен, а вы беретесь управлять его работой... Это больше похоже на... разновидность лоботомии, но ведь такие опыты опасны и, насколько я знаю, запрещены.

- Нет, нет. Никакого физического воздействия, никакого вреда, все гораздо тоньше. Нанокибы работают на молекулярном уровне, это очень сложные системы, которые учитывают такое количество факторов работы мозга, что для обработки информации требуется компьютер, который как раз в них и содержится... А что касается запретов, то мне кажется, что вы слишком беспокоитесь об этих..., - полковник пренебрежительно махнул рукой. — Это уже не люди, доктор, только расходный материал. Ваш коллега, Паршин, относится к этому совсем по-другому, как положено относиться к преступникам. А вас что, совесть мучает? Или эти пациенты вызывают симпатии? Уж не после того ли случая? Лет восемь назад, кажется, вы работали в группе Артюхова...

- Какое отношение мое прошлое имеет к сегодняшнему дню? Вы что, собираетесь начать широкомасштабную акцию по обработке всех преступников? — Врач сжал кулаки, сдерживаясь, чтобы не кричать.

- Если опыты пройдут успешно, то благодарное человечество не будет вспоминать

о нескольких заключенных-смертниках, которым дали шанс хоть один раз, да принести пользу обществу. Или вы считаете, что лишить их возможности проявить благородство, подвергшись незначительному риску, будет лучше? Они ведь потом смогут даже гордиться тем, что были первыми. Если, конечно им расскажут... - Полковник покосился на врача и усмехнулся, заметив недоумевающий взгляд.

- Не беспокойтесь о заключенных, это безопасно, вы уж поверьте. Странный вы какой-то, - потеряв лицо ладонями, он встал с кресла. Врач молча следил за ним взглядом, ожидая продолжения, но полковник подошел к своему компьютеру и закрыл его, мягко щелкнув фиксаторами. Надел очки, посмотрелся в стекло шкафа, поправил сбившуюся набок белую шапочку и, сунув серебристый компьютер в коричневую сумку, подошел к столу и сухо отдал распоряжения.

- Завтра начнем осмотр после обеда. И не забудьте, что вы подписали определенное обязательство. Это в ваших же интересах, доктор Измайлов, вам тоже дается еще один шанс принести пользу науке. И не пейте вечером, завтра вы должны быть в форме.

- Хорошо, - устало отозвался врач и посмотрел на глазок видеокамеры, укрепленной под потолком. Дверь за полковником закрылась, а он еще долго сидел, раздумывая о том, что еще известно о нем полковнику. Вполне возможно, что он многое знает о его прошлом. Второй шанс, а как же, шел бы ты с ним...

Активация нанокибов, выполнивших первую часть программы и добравшихся до определенных частей мозга, прошла успешно, все восемь заключенных теперь содержали в своем мозгу микроскопические механизмы, призванные изменить их жизнь. Полковник был очень доволен и после того, как последнего заключенного отправили в камеру, разговорился с врачом. Ему, видимо, не с кем было поговорить на равных, два сержанта-техника, которых он привез с собой, к таким разговорам не располагали. Они сворачивали аппаратуру сканирования, тоже компактную и уместившуюся в двух чемоданчиках и уносили в соседнюю комнату-палату, где стояли койки для редких пациентов, и где теперь обитала команда полковника. Кроме них и полковника входить туда никому не разрешалось, хотя врачу очень хотелось посмотреть, что они еще с собой привезли. Такого оборудования он давно не видел, но его никто не приглашал. А напрашиваться не хотелось. Полковник не обращал внимания на неприязнь врача, или делал вид, что не замечает подчеркнуто обезличенного обращения. Хотя что ему, приехал на неделю-другую, оказал честь... А на брудершафт они не пили, да с таким вряд ли получится. Но вот с ним, так сказать, коллегой, пусть лишь частично посвященным в суть эксперимента, он мог соизволить пообщаться, причем, только по своей инициативе, без оглядки на секретность.

А может, он считает, что его полномочия дают ему защиту от наблюдающих камер? Или во время его присутствия в лазарете их отключают? Этого доктор Измайлов так и не смог решить для себя, голова была тяжелой с похмелья, но внешне это не проявлялось. Да и две таблетки анальгина, принятые с утра, немного помогли.

- ... Все очень просто и надежно. Во время лабораторных испытаний у нас не было возможности проверить работу нанокибов в реальных условиях, хотя один из сотрудников и вызвался добровольцем, но это было совсем не то... Нужен настоящий преступник, а не тот, кто пытается его изображать. Да, конечно, можно было найти добровольцев и среди той уголовной швали, что переполняет обычные тюрьмы, но... Тут возникает проблема с последствиями, понимаете, доктор?

- Да, вполне представляю себе, - хмуро ответил врач и посмотрел на часы, осталось полчаса до шести. Потом полковник уйдет и можно будет выпить граммов сто спиртику, прежде чем отправляться в казенную квартиру при этом проклятом заведении, где его никто не ждет.

- Нет, доктор, - потирая руки, ходил по кабинету полковник. — Ничего вы не представляете, сидите тут, в глуши и спиваетесь. Найти добровольцев не проблема, посули скостить срок и очередь выстроится... А попробуй-ка потом остановить болтливого уголовника, который по-пьяни зарезал подружку, а за деньги готов продать мать родную... Он ведь болтать начнет, что над ним опыты ставили, газетчики тут же пронюхают и начнется карусель. Нет, нам нужен был первоклассный материал, когда ясно и доказано: вот он, убийца, хладнокровный и расчетливый, убивающий не по случайности, а убежденно. Который верит в свою избранность и вседозволенность. Вот это для нас годится, а такие подонки только в таких конторах, как ваша тюрьма, и водятся. Наконец-то дали нам зеленый свет, теперь дело пойдет. Недельку мы за ними понаблюдаем, посмотрим на поведение, а потом и ко второй фазе перейдем...

Врач заметил, что полковник остановился в углу и начал растирать лицо, словно пытаясь содрать с него недовольное выражение. Наверное, спохватился, что болтает лишнее. Да только наплевать, что он там болтает, этот залетный полковник. Его ведь одно только волнует — доказать, что эксперимент удался, машинки действуют, можно начинать поголовную вакцинацию. Такое ведь уже было в нашей истории...

Повесит потом себе орден на грудь, получит повышение, если эксперимент удастся. А не удастся, так он найдет себе оправдание, а козлами отпущения нас сделает. А про подопытных и не вспомнит никто, даже если все они загнутся. Видали мы таких благодетелей мирового масштаба... Вот ведь незадача, хотел спрятаться в глуши, так ведь и тут достали. Опять на мою совесть ответственность повесили, куда теперь бежать? От

себя не убежишь, не получается...

Полковник снова быстро собрался и, предупредив, что в любом важном случае немедленно ставили его в известность, ушел. Врач хотел, было спросить язвительно, какие случаи надо считать важными, а какие нет, но, посмотрев в темные стекла очков, передумал. Разберемся сами, не впервой. Да, оборудование у полковника первоклассное, видно на хорошем счету у начальства. Только в работе с людьми не оно важно.

На четвертый день, а вернее, в ночь на четвертый день, заключенный под номером семь пытался покончить с собой: разбил в камере унитаз и острым осколком перерезал себе вены. Пока охранники открывали камеру, он, будто торопясь умереть, полоснул осколком себе по шее. Охранники вызвали дежурного врача и тот, наскоро остановив кровотечение, отправил Седьмого в военный госпиталь, благо тот был недалеко. Лазарет ведь занят, где его держать?

Полковник тут же примчался, охранников заменили и взяли в оборот, администрация безропотно подчинялась его указаниям, видно хорошо нажали сверху. После допроса охранников, ничего не давшего, полковник с одним из своих сержантов, захватив оборудование, выехал в госпиталь, потребовав усилить наблюдение за поведением заключенных в камерах. Вернулся он только к обеду и тут же вызвал второго врача.

- Что произошло? — спрашивал полковник врачей, но те только плечами пожимали. Дежуривший ночью Паршин никаких сигналов тревоги от охранников не получал до самого происшествия, а днем Седьмой выглядел как обычно.

— Почему он сделал это? Сделайте сравнительный анализ, данные из госпиталя уже закачаны в вашу базу. Важно любое отклонение... Начинайте, — полковник махнул рукой на компьютер врачей, возле которого сидел угрюмый сержант, при этих словах тут же освободившего место. Врачи переглянулись и пошли к столу, второй стул им принес из угла сержант, которого полковник тут же отправил дежурить в блок наблюдения, на пару с дежурным оператором. Сам полковник занял смотровое кресло, боком привалившись к спинке.

- А как там Седьмой? — поинтересовался Измайлов. Полковник раздраженно махнул рукой: - Выживет, не таких спасали. Не отвлекайтесь. Найдите причину, коллеги. Работайте, работайте... Я немного подумаю, - пробормотал он, стянул очки и сжал их в руке. Через пять минут раздался храп. Врачи недоуменно переглядывались: какие отклонения они должны искать и как это может быть связано с попыткой самоубийства Седьмого?

Очки выпали, ударились о кафедра пола, но стекла остались целы. Полковник сразу

проснулся, резко сел, сморщившись, принялся растирать затекшую шею. Помаргивая, он осмотрелся, не вставая с кресла, потянулся за очками. Сунув их в нагрудный карман халата, полковник встал и подошел к врачам, сидевшим за столом уже третий час.

- Хватит спать, Паршин! Измайлов, что выяснили?

- Ничего, - зевнул, прикрывая рот ладонью, врач и толкнул в бок дремлющего с поникшей головой коллегу. Тот дернулся, покрасневшими глазами угрюмо уставился на полковника, который оперся на стол костяшками пальцев и переводил взгляд с одного врача на другого.

- Это мне не нравится, - протянул полковник и, оттолкнувшись от стола, принялся расхаживать перед столом, всем своим видом показывая недовольство врачами.

- А что вы хотели, чтобы мы в физиологических данных нашли следы психологического воздействия? Так что ли? Или увидели с помощью своих датчиков химические процессы, происходящие тут? — Измайлов постучал согнутым пальцем по лбу. Паршин угрюмо кивал, глаза его перескакивали с одного предмета на другой, будто он не в силах был сосредоточиться на чем-то одном.

- Вы же снимаете показания мозговой деятельности, у вас есть шлем ЭГ, - ткнул в застекленный шкаф полковник. Врач посмотрел на него и усмехнулся, вот же медик, шлемведь только во время осмотра заключенным надевают. Чтобы заметить изменения надо этот шлем постоянно носить.

- Конечно есть, только данные мы снимаем в лучшем случае два раза в неделю, несколько минут во время осмотра... Это дает возможность выявить только общие изменения за большой промежуток времени, а здесь... По двум-трем замерам ничего не заметишь. Так можно обнаружить какую-то патологию, на что и нацелены наши осмотры. Чтобы видеть динамику, надо носить шлем постоянно, или использовать ваш сканер.

- Да это я и сам знаю, - резко ответил полковник, будто понял, что его обвинили в несостоятельности. Подошел к столу и, постукивая пальцем по корпусу монитора, приказал:- Всех наших подопытных с завтрашнего дня обследовать дважды в сутки: утром и вечером. Я дам команду администрации, чтобы в случае любого отклонения в поведении эков охрана сразу вызывала вас. А еще лучше, устроить круглосуточное дежурство. Не уходите, я сейчас...

Полковник стремительно развернулся и, едва ли не бегом, выскочил из лазарета. Врачи растерянно переглянулись: что еще придумал полковник? Паршин с ухмылкой покрутил пальцем у виска и снова опустил голову, хоть подремать можно, пока полковник суетится.

Дежурство в блоке наблюдения было утомительным, но полковник настоял, чтобы

врачи тоже дежурили, поочередно с его сержантами. Врач в последний раз пробежал взглядом по мониторам и, ссутулившись, отправился к кушетке, чтобы забыться в беспокойном сне на четыре часа. На его место сел техник-сержант из команды полковника и невозмутимо шевеля челюстями, принялся рассматривать картинки на мониторах. Сидевший рядом оператор снял наушники, из которых позвякивала музыка и, потянувшись, так, что суставы захрустели, налил себе чая из термоса. Ему то что, подумал врач, отсидит восемь часов у мониторов и пойдет домой, помоемся, ляжет в чистую постель... А может перед сном и водочки выпьет, как белый человек.

Измайлов укрылся серым одеялом, пахнущим какой-то дезинфицирующей гадостью, закрыл глаза и тоскливо вздохнул. Сколько теперь еще придется провести здесь времени? Этот болван полковник хочет выслужиться, а сидеть на казарменном положении и пялиться на экраны приходится им. И непонятно, чего надо ждать, то ли когда все подопытные себе глотки перережут, то ли впадут в протрацию, как Двенадцатый, которого приходилось теперь кормить чуть ли не с ложечки. Шесть дней уже прошло, а толку нет. Скорей бы уж полковник переходил ко второму этапу, да убирался со своим экспериментом. Заключенные уже что-то почуяли, забеспокоились, вопросы задают... Наверняка ведь кто-то из охраны болтает, да только что они знают? Только я да Паршин знают о том, что происходит, а команда полковника не в счет, им болтать — только себе вредить. Конвоиры - но они знают не больше других, при них ведь разговоров никаких не велось. Витаминаы, полковник, витаминчики... Вот объявят голодовку или начнут на охрану кидаться, тогда тебя и клюнет петух жареный... Выкинут отсюда, останешься ты на бобах. Хотя такие обычно не тонут...

В длинном зале с мраморными колоннами, уходящими ввысь метров на шесть над зеркальным полом из коричневого гранита, в котором отражались громадные разлапистые хрустальные люстры с множеством горящих лампочек перед группой толстых людей в расшитых золотом мундирах стоял полковник, по бокам - две рослые фигуры в черных костюмах и черных очках. Полковник бледен и сутулится, глаз не поднимает, губы сжаты полоской. К нему из группы выдвигается квадратный человек со щеками, спадающими на воротник и в фуражке, надвинутой на глаза. Этот человек с большой звездой на золотых погонах рычит на полковника, который еще больше сутулится.

- ... Ишь ты, благодетель какой выискался, решил преступность искоренить? А как ты собрался среди людей преступников выявлять? Или мы должны ждать, пока они кого-нибудь не убьют, сначала? Тогда ты им своих нанокибов воткнешь в мозги, и они станут тихими и спокойными, да? Или ты предложишь всем поголовно этих кибов вводить, чтобы не рисковать? Так не пойдет... Не позволим!

Квадратный человек машет перед лицом полковника ставшего еще меньше ростом толстым пальцем и снова рычит так, что изо рта его брызжет слюна.

- Такого права мы тебе не дадим, чтобы нас за подопытных животных держать! Мы сначала тебя подопытным сделаем! — Квадратный человек с красным лицом протягивает руку и срывает с плеч полковника погоны, непонятно как оказавшиеся на штатском костюме. Погоны выдираются с мясом, какие-то нитки тянутся за ними, будто толстая черная паутина. Погоны летят на пол, рыдающего полковника с перекошенным от страха лицом хватают за руки двое в черных очках и полковник начинает извиваться, как червяк, скользя по полу ногами. Квадратный человек уже держит в руке шприц, из которого брызжет струйка, распадаясь на сверкающие капли, и игла втыкается прямо в лоб полковника, который широко открывает рот в беззвучном крике, глаза его широко раскрываются и он повисает на руках, а квадратный человек брезгливо стряхивает клетчатым платком сверкнувшую каплю с рукава мундира...

Утирая пот со лба ладонью, врач осторожно покачал тяжелой головой. Вот же приснится гадость, кошмар сплошной. И откуда только берется... Глянув на часы, он спустил ноги и, нащупав ботинки, принялся всовывать в них ноги. За мониторами все так же сидели жующий сержант и оператор в наушниках. Еще двадцать минут до смены, можно пойти в душевую и помыться. Все тело было липким от пота, надо будет и рубашку сменить, да и носки тоже...

Протянув к нему руки, скованные наручниками, Восьмой со слезами на глазах твердил как заведенный, не обращая ни на что внимания.

- Не могу я так, не могу... Помогите доктор, помогите... Не могу я так...

- Да подожди ты, - попросил Измайлов, дрожащей рукой наливая в стакан на глаз валерьянку. Не хватало ему только истериков, послать бы этого чертова полковника с его экспериментами подальше. А еще лучше начальнику пожаловаться, пусть наведет порядок в своем заведении. Балаган какой-то устроили, психушка, а не тюрьма...

— Вот, выпей валерьянки и объясни толком, что случилось.

Стуча зубами по краю стакана Восьмой выпил все, облизнулся и наладился было снова скулить, но врач прижал палец к губам и прошепел: - Т-с-с.

Это подействовало и Восьмой, глядя круглыми глазами на него, быстро и неразборчиво зашептал.

- Хочется мне доктор, а я не могу... И так пытаюсь, и этак. А не могу, хоть головой в стену... Дайте мне чего-нибудь, может я смогу тогда... Не вынесу ведь... страшно... будто наказание божье...

Врач беспомощно морщил лоб, пытаясь понять его, но ничего не понимал. Восьмой уже завладел его рукой и поглаживал ее нежно и продолжал шептать, умоляюще глядя в глаза, и уже сулил что-то, криво улыбаясь и подмигивая. Врач почувствовал отвращение, будто его засасывало в темное болото безумия и резко отпрянул, выдернув свою руку из цепких пальцев Восьмого, едва не свалившись со стула.

- Стой, стой... Сейчас, погоди, - начал он бормотать, пытаясь собраться с мыслями, но мельком заметил ухмыляющегося конвоира у двери и, разозлившись, вскочил. Восьмой опять заскулил.

- Молчать! — заорал вдруг врач, неожиданно для самого себя и глядя при этом на конвоира. Тот испуганно вытянулся с приоткрытым ртом, с лица его исчезла эта ехидная улыбочка, которая была отвратительна, будто врач делал что-то непотребное. Восьмой обиженно скривился, испуганно прикрылся скованными руками, будто ожидал от врача удара.

- Совсем спятили, идиоты! - чувствуя, что краснеет, пробормотал врач, утирая ладонью вспотевший лоб, и прошел к столу. Сев за стол он начал выстукивать пальцами, пытаясь что-то вспомнить, гадость какую-то о Восьмом, но не мог, и глядел перед собой невидящими глазами. Потом он опустил взгляд на свои пальцы, выстукивающие по столу и сразу понял, что ему нужен монитор, вернее данные о Восьмом. Что-то такое было в его досье, что могло дать разгадку его поведения, было ведь...

Полковник появился в самый неподходящий момент, врач только сделал первый глоток из стакана и только почувствовал расходящееся внутри тепло и расслабление.

- Что тут у вас? — полковник прошел к столу и, пошевелив своим длинным носом, презрительно усмехнулся. — Опять пьете... Что с Восьмым? Докладывайте, доктор и где, черт возьми, тут стул?!

Измайлов только усмехнулся, когда полковник выжидающе посмотрел на него. Я тебе не сержант, это ты ими командуй, со злостью подумал он, я тебе стулья носить не буду. И полковник сдался, отвел глаза и пошел сам за стулом. Говорить о своих догадках врач не стал, хотя до прихода полковника вроде бы собирался поделиться мнением, а теперь вдруг расхотелось. Пусть сам догадается, если такой умный. А доложить — доложу.

- Истерика, вполне ожидаемая реакция... Я сделал укол успокаивающего, к утру отойдет.

- Почему ожидаемая? — сняв очки, уставился на него полковник недовольно.

- Ну а как же, вся тюрьма уже обсуждает ваши эксперименты: мол, ставят какие-то уколы, а потом люди на себя руки накладывают. Вроде как искупление, так сказать грехов

своих... Мол, решили их всех извести, чтобы место не занимали, укол сделают, и человек сам себе казнь придумывает и своими руками осуществляет.

- Вы что несете? — приподнявшись, оскалился полковник, и врач непроизвольно отодвинулся, ему показалось, что полковник сейчас вцепится в него.

- Это не я несу, это заключенные так считают... Кто их надоумил, не знаю. Скорее всего, кто-нибудь из охраны пошутил, а они всерьез все восприняли...

- Л-ладно, - протянул сквозь зубы полковник и сел. — Значит, вся тюрьма знает... А кто им это сообщил? Кто здесь отвечает за охранников? Набирают всякую шваль, которая языки распускает... Ладно, они у меня запомнят, как надо работать.

Он выхватил из внутреннего кармана телефон и принялся нажимать кнопки, кривя губы и шепча ругательства. Врач с сожалением покосился на недопитый стакан, вздохнул.

- Послушайте, а нельзя ли как-то это прекратить... Ну, отменить этот эксперимент? — он понял, что говорить этого не следовало. Полковника так и перекосило от злости, он даже про телефон свой забыл, который уже прижал к уху.

- Ты что говоришь? Тебя кто спрашивает, а? Нет, нет, это я тут... на месте. Господин генерал, это третий говорит. Да, да... Нет, нет. Вы не так поняли, это по делу... - Полковник с покрасневшим лицом выскочил в коридор, продолжая оправдываться.

Врач посмотрел на дверь, взял стакан и опрокинул содержимое в рот. Медленно выдохнув воздух, он понюхал рукав халата и поморщился. Все-таки, какая сволочь этот полковник. Ясно ведь, что эксперимент провалился, теперь жди неприятностей. Так нет же, прёт как танк, звездочку на погоны хочет заработать. Да какая разница, звездочку или орден он хочет. Только теперь эксперимент пошел наперекосяк, какая тут чистота эксперимента, того и гляди, что заключенные бунтовать начнут. И понять их можно, все они жить хотят, а тут эти слухи... Действительно ведь страшно, а им ничего не объяснишь, они теперь ни во что не поверят. Надо их успокоить, а пока полковник здесь, покоя не будет. И что там у него за второй этап? Может, он решил на практике проверить действие этих нанокибов, устроить какую-нибудь заварушку, чтобы эки на охрану кидаться начали или друг друга поубивать решили? Только ведь они все в одиночках сидят, вместе их сводить запрещено... Надо же, как все закрутилось, это тебе не парадом командовать, полковник. Вот и Восьмой не просто так испугался: действуют эти кибы, работают... Он ведь куклу себе сделал из шмоток, одеяло не пожалел, педик проклятый, по ночам, видно, вспоминает, как на воле мальчишек душил, после того, как натешится, зверюга. А тут не смог закончить, ему ведь надо задушить свою куклу чтобы оргазма достигнуть, а не получается, сил нет или адреналина маловато... Для этих кибов все равно ведь, куклу он душит или человека, эмоции то одни и те же, химия-то одна. Вот он и задергался гад,

решил, что его так наказали, бог или полковник, для него не суть важно, он ведь днем поклоны отбивает, грехи замаливает, а ночью... ночью за старое принимается. Вот же грязь какая...

Охрану первого блока заменили, начальник тюрьмы сам лично присутствовал на вечернем разводе, был зол и мрачен, на полковника не смотрел. Не удалось, видно, ему объяснить, что охрана и так постоянно тасуется, чтобы предотвратить сговор с заключенными. А тот делал вид, что не замечает недовольства начальника, на косые взгляды заместителей и вовсе не обращал внимания. Не захотел полковник понять, что поздно уже охрану менять, только график дежурств сбил, упрямый осел. Люди теперь по две смены подряд должны дежурить. А заключенные ещё больше волновались, словно чувствовали в смене охраны какой-то подвох. Как их теперь на прогулку выводить будут, да ещё по трое сразу? Добился своего полковник, как бы не обернулось это бедой...

Врачи сидели в лазарете и смотрели, как полковник сидит в углу за монитором, боится, как бы они лишнего не увидели. Им даже не разрешили уходить на ужин в столовую, техник-сержант принес им поесть прямо в лазарет. Измайлов с тоской представил еще одну ночь дежурства в комнате наблюдения и кусок ему в горло не полез. Паршин же съел все, его трудно было заставить забыть о еде, он к жизни относился проще.

- Сержант, - задержал своего помощника полковник, - готовьте аппаратуру, завтра будет перевозка наших ... пациентов в Центр. И проверьте, чтобы работало все как часы.

Сержант молча кивнул, собрал посуду, термос с чаем Паршин ему не дал унести, так же, как и тарелку с нарезанным хлебом, и неторопливо вышел.

- Так что, коллеги, может, обсудим процедуру еще раз? - обратился к врачам полковник, удовлетворенно откидываясь на спинку стула и опуская крышку своего компьютера. — Работа проделана по графику, все сроки выдержаны. Препарат сработал как надо, вы это знаете и должны подтвердить в своих отчетах...

Измайлов ковырял зубочисткой во рту лежа на смотровом кресле, куда перебрался, чтобы не видеть опостылевшего полковника. Паршин сидел за столом и жевал оставшийся хлеб, шумно отхлебывая горячий чай. Не обращая внимания на их молчание, полковник встал, потянулся с хрустом и принялся расхаживать, от двери в угол и обратно, сунув левую руку в карман халата, а правой размахивая перед собой. Очки свои он оставил на столике у компьютера.

- Заключенные, которым ввели нанокибов, чувствуют себя вполне нормально. Никаких особых отклонений в их поведении не замечено, но этого и следовало ожидать.

То, что один из них пытался покончить с собой, а другой впал в истерику, картины не меняет, не так ли, Измайлов? Это ведь просто от страха, сами себе напридумывали глупостей, а на деле ничего не изменилось. На прогулках они вели себя смирно, на охрану ни разу не кинулись, так ведь доктор?

- Можно сказать и так, - негромко ответил Измайлов. В зубах он перестал ковырять и теперь рассматривал потолок. Полковник то ли себя уговаривал, то ли готовился к докладу начальству и на реплику врача не обратил внимания.

- Значит, остается только проверить, как будут действовать нанокібы в условиях, когда заключенным представится возможность задумать преступление и попытаться его осуществить. А такое в тюрьме невозможно. Значит, надо создать им такие условия. И эти условия мы им создадим, но уже в нашем Центре, где всё подготовлено к приезду.

Полковник сделал паузу, ожидая вопросов врачей, но Измайлов только покосился на него, а Паршин на секунду застыл с кружкой в руке, потом шумно отхлебнул и продолжил жевать. Полковник, ожидавший большего интереса, хмыкнул недовольно, но продолжил. Видимо ему очень хотелось услышать отзывы врачей о своей работе, хотя сам он был и без этого доволен собой.

- Да, это будет хорошей проверкой, - довольно потирая руки, расхаживал он по лазарету. — Теперь мы дадим четверем испытуемым возможность проявить себя в реальной ситуации, когда... Но это вам знать не положено, - ехидно ухмыльнулся полковник, на что опять никто не отреагировал. Это его не смутило.

- В общем, настоящий результат будет известен в ближайшие дни. А через месяц-другой можно будет внедрить нашу разработку в производство и тогда всем преступникам останется только локти кусать от бессилия. Представьте себе, насколько уменьшится преступность после того, как начнется повсеместное внедрение нашего... лекарства. В стране сотни тысяч преступников сидят на государственной шее, пусть лучше заботятся о себе сами, после того, как перестанут представлять опасность для общества. Их можно будет использовать на общественных работах, даже самых отпетых подонков. И держать их можно будет под обычным присмотром, в бараках. Сколько освободившихся средств можно будет направить на нужды общества, которые сейчас уходят на содержание преступников. Сколько людей, занятых сейчас тем, что вынуждены стеречь этих подонков, смогут заняться более полезным трудом...

- Скажите, полковник, а обратный ход у ваших кібов есть?- оставив опустевшую кружку, спросил Паршин, глядя покрасневшими от недосыпания глазами.

- М-м, в каком смысле? — сбитый с толку, замер полковник у стола.

- Ну, можно ли вытащить этих нанокібов обратно, из головы вытащить? —

уточнил Паршин, с ухмылкой посмотрев на Измайлова и подмигнув. Тот заинтересованно приподнял голову, такого вопроса он от Паршина не ожидал. Он ведь на всю эту возню плевал со своей колокольни, тем более, что ничего за дополнительные дежурства не получал, кроме беспокойства. А на медицину он давно уже плюнул, так, остались какие-то навыки на уровне фельдшера... Но вопрос был хороший, только зачем ему это знать?

- Ну, теоретически это возможно, но на практике... Мы как-то не задумывались над этим, да и зачем? Вреда никакого нет, а если и возникнет какое-то осложнение, то можно дезактивировать наших малюток. — Полковник оглянулся на свой компьютер, словно проверяя, не исчез ли тот. - Но предварительные испытания у нас... в лаборатории, никаких побочных эффектов не показали. Они могут находиться в организме без всякого вреда для него. Осталось только убедиться в действенности наших малюток на практике.

Полковник довольно потер руки, вопросительно посмотрел на врачей, ожидая других вопросов. Измайлов хотел спросить, откуда у него такая уверенность в том, что эти нанокибы всегда будут действовать так, как надо, но спросил почему-то о другом.

- А вы не боитесь, полковник, что нас всех потом такими вот подопытными сделают? Не спрашивая согласия...

- Опять вы за свое, - вздохнул полковник. — Нет, конечно, не боюсь. Что за глупые выводы вы делаете. Зачем это надо и кому? Тут бы с преступностью разобраться, скоро половина страны в тюрьмах сидеть будет, а вы все о себе беспокоитесь.

- Да так, подумалось, - разочарованно протянул Измайлов, жалея, что не сдержался.

- Поменьше думайте, за вас уже все придумали, - раздраженно посмотрел на лежащего врача полковник.

Измайлов закрыл глаза, чтобы не отвечать даже взглядом. Бесполезно говорить с этим дубоголовым служакой. Он ведь дальше поставленной перед ним задачи ничего не видит, а если и начинает думать, так опять же, все сквозь щель своей амбразуры видит. Вот накормят тебя же, дурака, твоими нанокибами, для профилактики, чтобы ты не дай бог, не вздумал секреты продавать... Что тогда? Да ведь ты и не поймешь ничего, будешь исправно лямку тянуть и о больших звездочках на погоны мечтать. Думать то ты и раньше не умел, так что и не заметишь ничего. А остальные-то как жить будут? Ты ведь не понимаешь, что и преступник и гений работают головой одинаково, результаты разные выходят, но процессы в мозгу идут одинаково. Только один о человечестве радеет, а другой о себе самом, свои потребности хочет удовлетворить. И если они идут вразрез с общими, то тут преступление и получается. Вот и представь теперь, что с людьми станет, если всех твоими малютками накормить, все ведь остановится. После твоих экспериментов вполне станется с наших генералов да политиков всю страну накормить

этими малютками. Сначала преступники, потом и все остальные, для профилактики, так сказать... Они-то будут считать, что до них самих не дойдет, как вот ты считаешь, да только кто спрашивать будет? И кончится в стране наука и культура, ведь агрессивность тоже нужна, без злости на окружающий мир или судьбу книги не напишешь, картину не нарисуешь... Кто же станет рисковать собой, готовясь проводить научные эксперименты или спасать людей в катаклизмах? Кто в армии служить будет? Все ведь овощами станут, мало нам общества потребителей, так вся страна станет ещё и стадом, безропотно идущим под нож. Вот как тебя остановить, заразу?

- Так нам продолжать дежурства или можно отдохнуть? — спросил Паршин, с сожалением убедившись, что термос опустел.

- Что? А да, конечно, - спохватился полковник, недовольно поджал губы и направился в угол, к своему компьютеру. — Надобность в дежурствах скоро исчезнет. Завтра мы вывезем четверых, а за остальными вы понаблюдаете в обычном режиме. Надо ведь успокоить остальных, пусть зэки думают, что все закончилось. — Он закрыл свой компьютер и посмотрел на оживившихся врачей.

- Через неделю мы решим, что делать с остальными и вернемся... Завтра с утра проведете последний осмотр, Измайлов. Потом, после нашего отъезда будете работать как обычно. Если вы мне понадобится, вас вызовут в Центр.

В четыре часа утра врача вытащили из постели два бойца спецназа в масках и, едва дав одеться, погнали к начальству. Какое-то напряженное оживление чувствовалось вокруг, несколько бойцов в полной выкладке встретились по дороге, но все были заняты и на него не обращали внимания. Из приемной он заметил только багровую лысину начальника, мелькнувшую между спин заполнивших кабинет людей. Начальник что-то визгливо объяснял по телефону, но разобрать он ничего не успел, его ухватил за рукав какой-то тип в штатском, невысокий крепыш лет сорока, с колющим взглядом темных глаз. Тип недовольно дернул подбородком, что-то пробурчал сопровождавшим бойцам, тут же исчезнувшим и за руку вытащил врача в коридор.

- Измайлов Виктор Евгеньевич? - Врач кивнул: - Да, а что собственно тут произошло?

Тип показал ему, не раскрывая, удостоверение с гербом. - Следователь Совкин, пройдемте...

И, придерживая врача за руку выше локтя, повел по коридору, как вскоре понял врач, в лазарет. В коридоре первого этажа стоял запах пороховой гари, сновали люди в масках и с автоматами, хрипели и скрипели рации. Дверь в лазарет была открыта и из нее, на стену коридора вдруг упал отсвет яркого белого света. Вспышка фотокамеры. Что же

здесь произошло? Интересно, из какой конторы этот следователь? На наших не очень похож, слишком крепкий, наши тренировок не любят, любят поесть да с бабами пошалить...

Следователь протасил его мимо открытой двери и завел в соседнюю комнату, где уже неделю располагались техники из команды полковника и куда никого не пускали. Теперь здесь было пусто, кроме застеленных коек и тумбочек между ними, двух сдвинутых столов у окна и нескольких стульев, стоящих как попало, ничего не было. Только пыльные следы на кафельном полу.

- Садитесь, - кивнул следователь на стул, сам же присел на край стола. Врач развернул стул так, чтобы сесть боком к столу и растерянно похлопал по карманам. Следователь тут же достал из кармана пачку сигарет и протянул ему.

- Спасибо, а то я свои не успел даже взять. Так все неожиданно... - Прикурив, врач посмотрел на дрожащий кончик своей сигареты и посмотрел в лицо следователю. Тот тоже закурил и огляделся в поисках пепельницы. Врач показал рукой на ближайшую тумбочку и хотел встать: - Там что-нибудь найдется.

Следователь кивнул, жестом руки остановил врача, мягкими шагами подошел к тумбочке. Наклонившись, открыл дверцу и, звякнув стеклом, вытащил чайное блюдце. Вернувшись к столу, он поставил блюдце на стол, стряхнул пепел и снова присел на край стола.

- Итак, Виктор Евгеньевич, давайте уточним, что здесь происходило в последние семь дней. — Следователь говорил негромко и врач отметил, что сигарету он держал в левой руке.

- Чем занималась здесь команда полковника ... Иванова? Вы ведь работали с ними вместе?

- Ну, чем занималась здесь эта команда вы и так должны знать. Простите, не расслышал ваше имя-отчество..., - врач, прищурившись от поднимавшейся струйки сигаретного дыма, посмотрел на следователя.

- Игорь Степанович, - кивнул следователь. — Так что здесь происходило?

- Этого я вам рассказать не могу, так как дал подписку. Если вас интересует, что здесь происходило, обращайтесь непосредственно к полковнику... Иванову. Я только в его присутствии могу говорить. Не поймите меня превратно, Игорь Степанович, просто ...- Врач вмял сигарету в блюдце и раздраженно добавил: - И вообще, что тут произошло? Может мне, все-таки следовало сначала поговорить со своим начальством?

- Начальство в курсе того, что вы беседуете со мной. А что касается того

обязательства, что вы подписали... Я имею право спрашивать вас, за это не беспокойтесь.

Следователь положил сигарету в блюдце, снова достал свое удостоверение и, развернув его, подержал перед глазами врача. Тот скользнул глазами по строчкам, остановился на печати, задержался на фотографии. Следователь убрал удостоверение в карман, когда врач перевел взгляд на него. Рука у следователя не дрожала, отметил отстраненно врач и пожал плечами: - Наверное, да. Но все-таки, хотелось бы узнать, что здесь произошло. Что-то с заключенными?

- Всеу свое время, Виктор Евгеньевич. Сначала я хотел бы выслушать ваш рассказ о работе команды полковника.

Следователь ободряюще кивнул и слегка улыбнулся. Зубы у него были желтоватые, неровные, ему меньше сорока... От него пахло приятно, чисто выбрит и рубашка свежая. Врач подумал о том, что сам он сидит здесь, в такую рань неумытый, небритый... Да еще запашок наверное изо рта... Вот ведь попал в историю, как чувствовал. Придется рассказывать, майор ФСБ имеет право знать, что тут делали ребята из «ящика».

- ... Это мы конечно проверим, но сейчас нас интересует другое. С чем работал полковник, я имею в виду аппаратуру? Кроме компьютера и сканера у него было что-то еще?

- Не знаю, - покачал головой врач. — Может, и было что-то еще, но я не видел. Не обращал внимания, да и они особенно не демонстрировали свою технику. Все процедуры делали сержанты, а полковник даже экран своего компа не показывал, в углу сидел. Может, Паршин что-то видел? Ах, да... черт возьми, как все нелепо, - ударил себя по коленям в расстройстве врач. Следователь теперь уже расхаживал по комнате и смолит одну сигарету за другой, блюдце было полно окурков.

- Хорошо, тогда еще раз расскажите, что говорил вам полковник Иванов о своих планах, о том, что собирался делать сегодня. Ведь он наверняка говорил вам, кто занимался разработкой, какие цели они перед собой ставили... Когда собирались уезжать, кого из заключенных выбрали для перевозки.

Врач устало откинулся на спинку стула и прикрыл глаза. Ах ты сволочь, подумал он про следователя, но без злобы, как думают о надоедливой мухе, которая кружится утром над головой и мешает досмотреть сон. Очень тебе хочется узнать, что мне известно об эксперименте, выяснить, насколько я опасен для вас... Да только вот проверить мои слова будет трудно, судя по твоим недоговоркам, вся аппаратура исчезла, два сержанта, что крутились рядом с полковником убиты, Паршин... Ах, Паршин, Паршин — какой ты оказался дурак, тоже убит. Поэтому кроме полковника, конечно же, никакого не Иванова, это они для дурачков конспирируют, никто не сможет подтвердить или опровергнуть мои

показания. А полковника теперь вряд ли найдут, ох, вряд ли... Даже тело вряд ли найдут... Да и зачем? Своим он теперь будет не нужен, даже если и объявится, из него ведь все выжмут. А тем, кто его вытащил отсюда вместе с Шестнадцатым, очень даже пригодится. И не только для того, чтобы вернуть его в нормальное состояние...

- Ничего он нам не говорил, только требовал выполнять его распоряжения. Пару раз только похвастался, что теперь преступность в стране искоренит... Да о нанокибах упомянул, когда я уколы делал и спросил у него, что было в ампулах. Он и сказал, как это подействует на заключенных, что они потом не смогут и муху обидеть.

- И что, вы в это поверили? — недоверчиво посмотрел на него следователь, присев напротив.

- Ну как вам сказать... Пытался я его расспрашивать, но он только усмехался, мол, не твоего ума дело...

- Да, да... Он не отличался обхождением, - следователь снова закурил, а врач успел заметить по его наручным часам время. Его часы тоже остались в квартире. Половина восьмого, сдуреть можно, это ведь получается, что они здесь уже четвертый час сидят.

- И последнее, что вы слышали? — снова принялся за свое следователь, стряхивая пепел в блюдце и не глядя в лицо врача.

- Это было распоряжение прибыть утром, чтобы сделать последний осмотр тех заключенных, которых собирались куда-то перевозить. Кого именно и куда, нам также ничего не сказали. — В третий раз устало повторил врач и потянулся к сигаретной пачке, там оставалось всего две сигареты, и он надеялся, что скоро наступит долгожданный перерыв. Следователь должен где-то найти сигареты, а он сможет что-нибудь найти в лазарете... Или попросить у следователя? Пару таблеток анальгина, чтобы снять головную боль, раскалывающую затылок. Не надо было вечером пить, да только кто же знал, что такое случится.

- И зачем надо было перевозить заключенных, полковник Иванов тоже не говорил? А может, он говорил, куда их повезут? Во сколько?

- Нет, - с закрытыми глазами снова повторил врач. В третий или четвертый раз? — Он только сказал, чтобы сержанты подготовили аппаратуру на завтра. И сказал, что завтра начнется второй этап. Больше он ничего не говорил, только разрешил нам переночевать дома.

К вечеру ему разрешили зайти в смотровую, чтобы он смог оценить ущерб и указать недостающее имущество. Похитители из шкафов повыкидывали архивные дискеты, а смотровое кресло изрезали ножом, словно в напоминание врачам. Но здесь не было отметин от пуль, только пыль на полу, со следами множества подошв. Дискеты

свалили в кучу, потом придется разбирать, чего не хватает. Вот в коридоре, где видимо стрельба была, придется капитальный ремонт делать. Головная боль, после нескольких таблеток, принятых во время обеда, устроенного следователем в том же лазарете, немного утихла, но спать хотелось так, что глаза сами закрывались. Системный блок исчез, только провода свисали под столом. Сам стол был залит чем-то липким, наверное, чаем из термоса, который валялся на полу. Следователь куда-то вышел, оставив у дверей охранника из местных. Врач глянул на смотровое кресло, прикрытое куском прозрачной пленки, заметил у стены рядом с дверью стул и свалился на него. Опершись затылком о стену, закрыл глаза, и какие-то смутные картинки замелькали перед глазами, как в калейдоскопе. Подташнивало, тело было ватным от усталости, но мысли напряженно крутились.

Мозаика складывалась интересная. Ему сразу все стало понятно, как только он узнал, что Паршин был убит в лазарете. Если бы он дома был, как собирался, то остался бы жив, а тут среди ночи вдруг оказался в тюрьме. Только он мог сообщать о том, что происходит в тюрьме тем, кто организовал нападение и похищение лидера фашисткой группировки, сидевшего в шестнадцатой камере. Он ведь не разбирался в психологии, полковник с ним таких бесед, как со мной не вел, знал ему цену, использовал втемную. Для него важным было то, что он услышал от полковника перед моим уходом, это видимо и подтолкнуло фашистов недобитых на нападение. Кого повезут Паршин знал, фашисты нападать на конвой без предварительной подготовки побоялись, там ведь с наскока не возьмешь — машина бронированная, да еще два БТР сопровождения. Об этом вся охрана тюремная знала, машины пришли утром. А вытащить своего руководителя они видно готовились давно, подкатились к Паршину и купили по дешевке, он ведь падкий был на деньги... Тут еще их испугал этот эксперимент, лидер у них был богатеньким, не захотел становиться куклой, об этом Паршин наверняка сказал... Вот и решили пойти ва-банк: сбросили парашютистов, они через крышу легко попали внутрь и за полчаса вытащили из камеры своего, прихватив и полковника, со всем его оборудованием. А Паршин, сволочь жадная, заплатил за свое предательство смертью, он-то им был уже не нужен. Но без него они вряд ли бы смогли так легко попасть в комнату наблюдения и в первый блок, где Шестнадцатый сидел. Сержанты убиты в коридоре, остальные не сопротивлялись и остались живы, только с памятью у них месяц-другой проблемы будут, фашисты газ какой-то использовали. Интересно, сколько же они Паршину заплатили? Да только вряд ли все отдали, ох дурак, сволочь паршивая... А теперь новые охотники объявились, следователь-то этот совсем не простой, да и ко мне никого не подпускает, видно из той команды, что полковника прикрывала. Да только теперь я ученый, хватит с меня и того,

что я десять лет назад пытался поиграть в такие игры. Поздно, правда, понял, что нельзя на людях эксперименты ставить... Теперь все, баста! Как там у испанцев? Но пасаран! Не пройдут, полковники Ивановы и следователи..., как его там, Совин, что ли... Пусть хоть ненадолго задержать эту заразу, которой всю страну накормить хотят. Понятно, что прогресс науки, как говорится, не остановишь, но хоть на пару лет я их тормозну своим молчанием. Они ведь теперь долго будут выжидать, не появится ли где информация, полученная от полковника, потом начнут подбирать новых кандидатов для опытов... С оглядкой будут работать, и сюда вряд ли снова сунутся. А здесь им без моей помощи ничего не светит, а я ведь ничего и не знаю, не ведаю... Да и побоятся они теперь здесь шум поднимать с новыми экспериментами. На волю никого из оставшихся заключенных не выпустят, так что и разговоров не будет. Оставшихся я уж как-нибудь смогу успокоить, навру им что-нибудь, укольчиков успокаивающих самым нервным... Остается только надеяться, что полковник не проживет долго, а в суть дела он бандитов посвящать не станет, не такой уж дурак. Да и препарата у него не было, только контролирующая аппаратура. А нам всем хоть отсрочка будет, может еще что-нибудь случится и не получится у них превратить нас в стадо хрюкающих свиней, радостно чавкающих и не помышляющих ни о чем другом, кроме кормушки... А за год можно придумать, как еще можно помешать этим экспериментаторам. Может, стоит через полгодика в Москву вырваться, навестить кое-кого из знакомых, организовать утечку через интернет...

- Та-ак, - протянул следователь, входя в лазарет. — Что ж вы, Виктор Евгеньевич, расслабились? Надо ведь заканчивать, время-то уже сколько, а? Давайте по-быстренькому здесь закончим, и отдыхать отправимся.

- Да, пора бы закончить, - поднялся со стула врач и улыбнулся, словно сбросил с плеч тяжесть. — Надеюсь, из подозреваемых я исключен?

- Конечно, без сомнений. Ваше алиби проверено.

Следователь был доволен: оператор наблюдения, устроенный в тюрьму за неделю до приезда команды полковника сохранил все записи разговоров в лазарете, которые делал во время своих дежурств. Мало ли что приказывал полковник, у него свое начальство. Теперь можно будет поработать с врачом, скоро он по-другому запоет, все вспомнит... Жаль только, что микрофоны отключались, какие-то фрагменты бесед полковника с врачами отсутствуют. Но это дело времени...

Проблема

- Брось, Гриша, брось... Ерундой занимаешься. Это ведь уже было, не раз и не два, тысячи раз было. Нельзя возводить здание на песке, если только это не песочный замок. А если надо пыль в глаза пустить, то я помогать не буду. — Виталий ухватил кружку, сделал внушительный глоток и огляделся. В баре было пустовато: за стойкой бармен протирает бокалы полотенцем, и на лице его озабоченность прорезала новые морщины; в углу сидела негромкая компания молодежи, обсуждали что-то без особых эмоций, сразу видно, после работы зашли; за соседним столиком сидели двое мужчин неопределенного возраста, молча жевали закуску и потягивали пиво из кружек. Официант был незаметен, появлялся тогда, когда был нужен. Пустовато для субботнего вечера, подумал Григорий, поглядывая на стены, украшенные геральдическими щитами, копьями и секирами, вряд ли настоящими. Здесь он был второй раз, и средневековый антураж еще не приелся.

- Зря ты так. Я ведь не для себя стараюсь. А ты и не пробуешь осмыслить новое, отталкиваешь мои аргументы, отпихиваешься от них и отбрыкиваешься. Может быть, ты просто боишься нового, устал уже, погряз в текучке мелких дел? А, Вит? Раньше ты был более энергичен, сразу стремился ухватить суть, варианты предлагал... Теперь тебя такие проблемы уже не интересуют? - Григорий с деланным раздражением подцепил вилкой маслину, принялся жевать, ожидая ответа. Виталий посмотрел на него, усмехнулся невесело, будто говоря: знаю я твои штучки, не суетись.

- Зачем тебе я, Гришка? Чего тебя потянуло на глобальные проблемы, местный масштаб стал мелковат? — спросил он с тоской в голосе, но Григорий промолчал, зная привычки друга. С ним всегда так, упирается до последнего, но зато потом не остановишь. Стоило увлечь Виталия, зацепить какой-нибудь проблемой, как он тут же начинал её решать, независимо от собственного желания. Какое-то неконтролируемое свойство его разума, очень неудобное, причиняющее физические страдания в виде головных болей, отнимающее время и силы. И пока на выходе из «ящика с лишними извилинами», как называл свою голову сам Виталий, не появлялось что-то, решение или осознание его отсутствия, мучения не прекращались.

Проявляться это начало еще в студенческие годы, когда трое студентов факультета социологии жили в одной комнате общежития. Вместе их поселили по решению приемной комиссии, основанному на результатах тестирования, которыми новоиспеченные студенты тогда не интересовались. Сошлись они сразу и за пять лет крепко сдружились, не держа друг от друга никаких секретов. Ну, может, кроме сердечных.

Троица самонадеянно пыталась разобраться с этим феноменом, замеченном на втором курсе, когда Виталий по совету преподавателя информатики, профессора Самохина, взялся читать монографию Каверзина «Проблемы обработки информационных потоков». Книга понравилась, задела какие-то струны его души и неделю он ходил озабоченный и раздражительный, всё свободное время проводя за чтением и глотая таблетки от головной боли вечерами. Отправив результаты своего мучительного труда в виде отчета по Сети на адрес профессора, он свалился без сил и проспал почти сутки. Обеспокоенные друзья устроили приятелю допрос и сначала отнеслись к его рассказу с недоверием, которое сменилось восхищением, когда они прочитали ответ профессора, похвалившего безымянного адресата за интересный отчёт, ибо Виталий забыл подписать свое послание. Профессор посоветовал прочитать ему доклад одного своего аспиранта по той же теме, который ещё нигде не публиковался, но в котором было многое из того, что написал Виталий. Причём профессор отмечал большое сходство отчёта с докладом и сильно интересовался, не является ли это шуткой кого-нибудь из знакомых аспиранта. Когда профессор узнал, что автором отчета был второкурсник, который информатикой до этого не интересовался, Виталию пришлось долго отбиваться от попыток профессора переманить его на математический факультет. Виталий был озабочен только тем, что ему пришлось претерпеть такие муки, и от дальнейшего изучения математических работ отказывался категорически, ему нравилась социология, он собирался стать гуманитарием и точка! Но ведь такая способность разобраться в незнакомом деле была невероятно полезной, это дорогого стоило!

Троица загорелась энтузиазмом, они строили какие-то великие планы по использованию такой уникальной способности, только все оказалось не так просто. Виталий совершенно не способен был самостоятельно найти и поставить перед собой проблему. Еще одна попытка использовать информацию из подsunутой ему книги закончилась примерно так же, прочитав за месяц книгу по современным проблемам биологии Виталий написал две страницы текста с выводами, во многом совпадающими с рецензией известного академика и наотрез отказался повторять подобный эксперимент. Он похудел на семь килограмм и устал от головных болей, да и времени на эксперименты не было, учеба была важнее. Друзья тогда прониклись сочувствием и оставили его в покое, даже старались помочь сдавать сессию. Потом всё как-то позабылось, студенческая жизнь была насыщенной событиями, да и мир вокруг менялся с головокружительной быстротой.

- ... Ты пытаешься рассчитать будущее, зная, что не может быть единственного ответа. Варианты у тебя уже есть, да только как выбрать самый-самый, ты не знаешь. А

ведь это и есть самое главное, выбрать один вариант из всего множества. Сколько ты этим занимаешься, год-два-три? До тебя этим занимались многие, да только без особых успехов. И вообще, Гриша, сколько человек существует, столько этим и занимается. Шаманы, оракулы, пророки... Каждому казалось, что уж он-то знает правильный ответ, но история этого не подтверждает. Если верить историкам, то не меньше миллиона лет человек занимается предсказаниями, но вот до сих пор так и не научился попадать в яблочко. Пока только одни вероятности. А ты хочешь взять и решить такую проблему с наскока... - Виталий поморщился, словно от зубной боли, вздохнул тоскливо.

- Понимаешь, Вит, мой институт работает над этим уже три года. Как его создали, так этим и занимаемся. Много вариантов, много гипотез, но нет общей связки. Все как-то так, зыбко, туманно, будто кисель. Тонем мы в этом киселе, у многих надежды уже угасают, да и спонсоры напрягают, требуют конкретности... Надо одно направление выбрать, конкретное. Если поможешь, мы в долгу не останемся. — Григорий заметил насмешливый взгляд Виталия и разозлился.

- Пойми, это ведь всех касается, теперь уже нельзя отделиться, отойти в сторонку. В одной лодке все плывем, хоть и банально звучит. Решать надо, пока есть время. А то останется один путь - в модули прятаться, призраками становиться... Только не выход это, а бегство, если по большому счету. Возвращаться-то куда будем? И кому мы будем нужны через десяток-другой лет?

Григорий говорил напористо, даже азарт какой-то появился - удастся или нет, в конце концов, расшевелить этого разочарованного жизнью скептика. Его мысли просты, а желания вызывают только сочувствие: нет мол, чтобы просто посидеть, поболтать про жизнь. Отдохнули бы в субботний вечерок, вспомнили студенческие годы, всё веселее, чем забивать голову проблемами этого разваливающегося мира. Нет же, решил на друга проблему повесить, мало ему своих хлопот...

Ничего, подбадривал себя Григорий, не расслабляйся, дави его, до последнего. Вит умеет решать проблемы, так, как никто другой, это проверено. Только вот упрямый он, уговорить трудно, но возможно. Начни все официально делать, столько формальностей возникнет, что пока все исполнишь, сто раз пожалеешь. Спонсоры беспокойство проявят, вопросы задавать начнут... Да и Виталий не любит, когда его запрягают в чужую упряжку. О спецслужбах, которые приглядывают за институтом ему знать совсем не нужно, он ведь по юности был большим демократом, вряд ли изменил свои убеждения. Лучше уж так, договориться в свободной обстановке: встретились старые друзья, пивка попили, поболтали на отвлеченные темы. Как бы между прочим один подкинул другому идейку, тот ее обдумал на досуге, или когда время есть свободное, потом снова встретились и

обменялись информацией... Жаль только, что Тимки нет, болтун несчастный, а мог бы и помочь. Если получится у нас договориться, тогда и поставлю в известность всех заинтересованных. А не получится, так никто кроме нас двоих и знать не будет.

- ... В твоём институте толковые ребята сидят, три года продержаться на плаву смогли. Название только хреновое придумали. В самом деле, что за название - «Институт моделирования вероятностных процессов и систем»? Не звучит. Нет у тебя вкуса, но это дело поправимое. Тимку попроси, он придумает что-нибудь поинтереснее. У тебя со слогом всегда были проблемы. И директор у вас, такая дубина редкостная... Ты что, сам его посадил в кресло, чтобы от лишних забот избавиться?

Виталий благосклонно кивнул официанту, поставившему перед ним новую кружку с шапкой пены. Григорий только усмехнулся в ответ: если бы не он, то института и не было бы, а кто в директорах сидит, для дела не важно. Тот дурачок, что в кресле сидит, приносит в клювике семьдесят процентов бюджета, за это пусть числится начальником. Решает он только финансовые проблемы, в науку не лезет, сам понимает, что в науке он — ноль полный, пусть тешит свое самолюбие должностью, щеки надувает, пока другие делом занимаются.

- Сбор информации ты наладил, влез туда, куда других и не пускают. И обработку поставил на высший уровень, толковых ребят набрал, - Виталий говорил без тени улыбки, уважительно и Григорий хмыкнул, польщенный. — Это у тебя хорошо получается.

Действительно, у Григория была то, чего не доставало Виталию: он мог увидеть проблему, разглядеть ее там, где другие ничего не замечали. Он накапливал в памяти разрозненные кусочки, состоящие из прочитанных заметок или книг; услышанных мимоходом отрывков разговоров или радиопередач; образов, полученных во время просмотра фильмов или просто увиденных мельком на улице. И через какое-то время из этих кусочков складывалась законченная мозаика, где каждый кусочек, отобранный подсознательно, вставал на свое место. И он видел то, что было «не так», «неправильно».

Строя мозаику он не мог избавиться от беспокойства, заставлявшего искать новую информацию. Беспокойство сидело в нем как глубокая заноза, до которой невозможно добраться. Избавление приходило после того, как он излагал увиденное, сначала в разговорах с друзьями, потом приучил себя записывать, мучаясь в поисках подходящих слов. Умение выбирать «тему для проблемы», как однажды заметил Тимофей, последний из троицы друзей, пришло не сразу. Научившись управлять своей способностью, Григорий постарался использовать ее с наибольшей отдачей.

- Да неважно, кем я числюсь в институте. Главное, чтобы работа шла. Ты ведь и сам не в кресле президента сидишь, желания туда забраться у тебя не появляется, так

ведь? — желчно огрызнулся Григорий.

- Это точно, не появляется, - весело прищурился Виталий. — Тщеславия у меня мало, сам не страдаю и другим не советую, да только не слушают меня. Соглашаются, извиняются, руками разводят, ножками шаркают... и, как танки прут вперед, ломая себе шеи. А я заповедь моей бабушки: не в свои сани не садись, не нарушаю.

- А у меня тщеславия в меру, но я его придерживаю, если надо. Я добился того, чего хотел, только без ложки дегтя, как это по жизни бывает, не обходится. Институт работает, прогнозы наши сейчас в цене, спрос растет... Только я за деревьями лес увидел, а как туда добраться, еще не знаю. Потому и решил собрать нашу старую компанию, вдруг что-нибудь получится сообща придумать. Только вот Тимка что-то подводит, обещалка хренов.

Тимофей, самый энергичный в их троице, особыми способностями не выделялся, как поначалу казалось. Это не мешало им жить дружно, с переменным успехом грызть «гранит науки», и развлекаться в меру небогатых возможностей в свободное время. Только со временем, уже после завершения учебы, Григорий понял, что у Тимки все-таки был свой талант: самому путаному и невнятному рассказу он придавал логическую стройность, четкую форму, слушать его байки было интересно. В спорах и диспутах, которые они часто устраивали, Тимка выдавал чеканные формулировки и делал выводы, достойные того, чтобы их можно было без смущения повторить в любой компании. Просто эта его способность не бросалась в глаза, казалась незначительной - каждый ведь может связно излагать свои мысли, одни лучше, другие похуже. Сам Тимка был парнем скромным от природы, в некоторой степени даже стеснительным, особенно это касалось отношений с противоположным полом. Он и печататься начал уже после окончания учебы, статьи его были острыми и всегда вызывали ожесточенную полемику.

- ... Мой дед тоже говорил, что каждый сверчок должен знать свой шесток. Только вот Тимка наш не туда лезет, как бы не свернул себе шею. Критиковать легко, недостатков в жизни всегда было больше, чем достижений. Увлекается он, будто мальчишка. Ему все равно, президента или стрелочника в статейках своих препарировать... Ты давно его видел?— Григорий посмотрел на Виталия пристально, но тот этого не заметил, увлеченный процессом поглощения пищи. Всегда он любил поесть, вон какой отрастил животик.

- Про Тимку ничего плохого не могу сказать. Читать читаю, но с ним самим давно не виделись. Ты ведь чаще с ним встречаешься, Гриша, не темни! Как он, всё такой же неунывающий и энергичный? — отложив вилку, Виталий удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

- Угу, - буркнул Григорий, дожевывая ломтик сырокопченого мяса. Сделав хороший глоток из кружки, добавил:- Пишет бодро, хорошо у него получается. Шевелюрой своей гордится, над моей лысиной насмехается. Оптимист он неисправимый, хотя пишет иногда так, что жутко становится. Думаешь, ну всё, конец Тимке пришел... А с него как с гуся вода. Всегда у него все заканчивается так, что в плохой конец не веришь. Надежду, что ли вселяет в тебя... Где бы мне достать такие розовые очки, чтобы на работе не так тяжело было? Насмотришься за день сообщений, с коллегами побеседуешь, прогнозы считаешь... и хочется ночью выскочить на улицу, встать на четвереньки, да на луну завывать. У тебя такого не бывает?

- Ну, выть не хочется, вот иной раз сокрушить что-нибудь руки чешутся. Тоже ведь вокруг люди разные, иногда так достанут своими глупостями и безграмотностью, что кресло приходится менять, - задумчиво сведя брови, ответил Виталий.

- Эт почему же? — удивился Григорий, - Раньше за тобой такой склонности не замечал. Ты ведь не про работу говоришь?

- Да знаешь, привык в кресле с подлокотниками работать, удобно, руки меньше устают и вообще, мне так нравится. А достанет меня какой-нибудь слизняк, так я подлокотники-то и сворачиваю. Одного напугал, он с перепуга обмочился, решил, что я его этими подлокотниками убивать буду...

Виталий хитро подмигнул и припал к кружке. Григорий недоверчиво усмехнулся, но тут же легко представил эту картинку, Виталия с обломками кресла в руках, да еще со зверским выражением лица, которое у него выходило всегда очень впечатляюще... Здоровый же он, как бык, хоть и пузо торчит. Да-а, картинка не для слабонервных, вновь усмехнулся Григорий. А как бы это подействовало на моих сотрудников, сотвори я такое у себя в институте? Нет, не поймут, врачей сразу вызовут. Хватит и того, что я злость свою в работе расходую, иногда только на одной злости что-то и выходит.

- Слушай, а то, что Тимка пишет... Это к тебе как-то относится? В последнее время он что-то всё шире замахивается. Я ведь знаю тебя, психолога хренова, - оживился вдруг Виталий и погрозил пальцем. - Ты ведь всех, до кого дотянуться можешь, стараешься запрячь в свою карету, чтобы с ветерком в даль светлую мчаться.

- Да ладно тебе, Вит, не дави... Может и имеет, только тебе что до этого? Я с Тимкой работаю на принципе обмена, и без обмана, - тут Григорий фыркнул: смешно получилось, каламбур какой-то. — Я ему информацию даю, он статьи пишет. Как он пишет - дело его, я ему не указ, и не советчик. Но выгода обоюдная, тут все чисто. Ион это прекрасно понимает.

- Ну да, ну да, - рассмеялся Виталий, всколыхнувшись животом. - Еще скажи -

обоюдоострая, как у ножа, которым японцы себе харакири делали. Только мне можешь не вешать лапшу на уши, знаю я, как ты любишь эксперименты на людях устраивать. Помнишь, как мы тебя отметили на третьем курсе, когда ты нас использовал, чтобы изсебя спасителя девчонки этой, как ее... Жанки, что ли, изобразить? Видно не пошел тогда тебе урок впрок. Можно ведь и повторить, не глядя на твои чины и возраст.

Виталий серьезно посмотрел, пристально. Будто и не допивал третью кружку. Такой может не только подлокотники ломать, уважительно подумал Григорий.

- Да ладно, кто старое помянет..., - Григорий не удержался и мечтательно закатил глаза. - Но зато как все тогда получилось красиво!

- Да, получилось славно. Ладно, оставим пока тебе твой лоск, - добродушно согласился Виталий. — Но учти, что за Тимку с тебя, случись что серьезное, спрошу крепко. - И показал увесистый кулак, заросший темными волосками.

Григорий согласно кивнул, удовлетворенно отметив, что Виталий все-таки слегка захмелел, слова стал растягивать и, самое главное, от сотрудничества не отказывается, не становится в позу упряма. Удалось все-таки его расшевелить, пессимиста унылого.

- Давай, выкладывай свою проблему, - решил Виталий, глянув мельком на часы. — И не забудь сказать о том, каким боком здесь Тимка привязан.

- Хорошо, - кивнул Григорий и отвернулся, скрывая довольную ухмылку. Ему ведь тоже пиво пить пришлось, контролировать свою мимику стало труднее.

- Кого-то ждешь? — поинтересовался насмешливо Виталий, но Григорий только плечами дернул. — Нет.

Бросив на стол салфетку, Григорий уперся локтями в стол и свел пальцы перед собой, так ему лучше удавалось собраться с мыслями.

- Так вот, - не отрывая взгляда от пальцев, начал негромко Григорий. — За три года мы научились вычислять то, что будет происходить в окружающем мире с высокой степенью вероятности. Лучше всего нам удаются расчеты по процессам, связанным с техникой: заводы, строительство или транспорт. Вообще, где есть возможность взять данные за достаточно большой период, там мы уже можем заглянуть на пару лет вперед, пробуем выйти на более дальний рубеж. Проверенные данные я для тебя подготовил, посмотришь сам.

Вытащив из внутреннего кармана пластиковый футляр с диском, он протянул ее через стол Виталию. Тот брать не стал, Григорий положил футляр на стол, поближе к нему и продолжил: — Данные собраны по нескольким направлениям, покопаешься, может что-то тебя зацепит. Спотыкаться мы стали там, где данные собрать трудно: отношения в обществе, политика... Тут ведь непонятно, что собирать и в каком виде. Над этим

работаем, но сдвигов пока мало. Либо надо новые методы измерения искать, либо другие данные собирать, и по-другому обрабатывать. Я говорил тебе, что кисель какой-то получается. Как связать воедино процессы в биосфере мы учимся, потихоньку нащупываем закономерности. А что касается социума, то здесь труднее, не только с достоверностью информации, есть еще и проблемы интерпретации... Да ты должен об этом знать, сам занимаешься сходными проблемами. Только ты решаешь мелкие проблемы, не обижайся, Вит, - вскинул предостерегающе руку Григорий. - Спору нет, политика и экономика, оборона... все это важно для страны, это надо делать. Только это все частности, надо искать общие, для всего мира, решения. И что еще плохо: мы ведь плетемся за событиями, следом идем, что бы там ни говорили всякие политологи и футурологи. А такие события надо планировать! Если мы рассчитывать будущие события достоверно не научимся, то скоро останутся на шарике одни кретины пробирочные, да секретные кладбища модулей...

- Что-то ты уж больно мрачно рисуешь, - сказал Виталий и повертел головой, официант тут же появился с новой кружкой. — Чем тебе этот вот, - кивнул он на отошедшего официанта, - не нравится? Смотри, какой он ловкий. И дело свое знает, наверняка. Моргнуть не успеешь, а он уже тут как тут. И на кретина совсем не похож, зря ты модификантов обижаешь.

- Вот это меня и бесит. Не то, что выглядят они как все, хотя лучше было бы им иметь какое-то заметное отличие... Скоро кроме таких вот симпатичных, услужливых и работающих, настоящих людей на земле не останется.

- А зачем они тебе? Только проблемы создавать будут, настоящие-то люди. С ними ведь тяжело: каждый чего-то хочет, каждому хочется жить хорошо, не довольствуясь тем, что имеется. Это я тебе как знаток говорю. Нет, с этими симпатичными кло... ребятами гораздо спокойнее, никаких тебе лишних проблем. Задал режим работы, обеспечил необходимым и отдыхай, пока он работает. А то, что он инициативу не проявляет и к размножению не способен, так это даже хорошо: кончился срок, так сказать, эксплуатации — заказал нового, а отработавшего — на утилизацию.

Григорий хотел было возмутиться таким цинизмом, но вовремя заметил усмешку на лице друга и погрозил пальцем. Он ведь серьезно говорил, не до шуток сейчас.

- Ты это брось, - подался он вперед. — Надо все это непотребство запретить. Дураки мы, что на поводу ученых пошли, позволили политикам продажным узаконить производство этих гомункулюсов.

- О чем спор, господа? — на плечо вздрогнувшего Григория легла загорелая рука. Виталий потянулся здороваться с Тимофеем через стол.

- Молодец, вовремя. Мы тут мировые проблемы решаем, а тебя нет.

- Куда ты провалился? — недовольно спросил Григорий. — Вечно ты опаздываешь, мог бы и позвонить.

- Извините, ребята, едва пробился через пробки. Две кучи-малы на набережной, пришлось огородами обходить, час и пропал. - Тимофей, загорелый, бодрый и улыбчивый, жадно выпил бокал выдохшейся минералки и окинул друзей насмешливым взглядом. - Как я понимаю, собрались мы сегодня не просто так. Что-то Григорий задумал, чует мое сердце.

- Ты давай, поешь чего-нибудь, - буркнул Григорий, когда Тимофей сел за стол, весело оглядывая тарелки и потирая руки. — Я только начал, сейчас и ты всё узнаешь.

- Отлично, - набирая на тарелку закуски, согласился Тимофей и подмигнул Виталию. — Если только это не будет скучно.

- Веселья не обещаю, - раздраженно дернул головой Григорий. — Я хочу предложить работу, серьезную и важную. Только об одном прошу, особенно тебя, Тима: не делай поспешных выводов и лучше слушай, не перебивая. — Тимофей согласно кивнул, шутливо сложил ладони перед собой, зажав между ними вилку. Григорий с недоверием покачал головой и снова свел пальцы рук перед собой.

- Не знаю, как вы, а я в последнее время ощущаю сильнейшее беспокойство и тревогу. К моей личной жизни это пока не имеет отношения, здесь затронуто общее... Многие мои коллеги и сотрудники также выказывают похожую обеспокоенность, но неконкретно, на уровне ощущений. Несколько недель я пытался собрать все эти... признаки, свести их к чему-то общему, и, думаю, кое-что мне удалось. Но об этом чуть позже. Я как-то случайно вспомнил вдруг нашу троицу, припомнил обстоятельства, которые нас свели. И решил навести справки. Оказывается, что вместе мы оказались совсем не случайно. Да-да, Тимка, это вполне подходящая тема для тебя. Оказалось, что приемная комиссия проводила небольшое исследование по заказу одного института. Помните, мы тогда проходили тесты... Так вот, результаты тестов отправлялись в Институт Человека и Общества, как я выяснил. Оттуда в приемную комиссию возвращали рекомендации по составлению групп и заселению комнат в общежитии. И не зря нас поселили вместе, это было сделано с определенными намерениями.

- Насколько я помню, - перебил его Виталий, - нас предупреждали, что тестирование какое-то новое проводится, помнится, даже что-то подписывали, вроде добровольного согласия ...

- Не в этом дело, Вит, - оборвал его Григорий. — Я не помню, что мы там подписывали, нас ведь больше тогда интересовало поступление. Любой тогда согласился

бы на любые тесты, чтобы поступить. Не это главное. Нас подбирали, понимаете, команду собирали. И не просто так, с целью социальной адаптации и повышения успеваемости, это было только прикрытием. Тут прицел был дальний. Я как об этом узнал, сразу же схему составил, весь наш поток постарался на схему вывести. И получилась очень даже интересная картина: из двух сотен человек несколько, таким образом, созданных групп до сих пор работают, причем, весьма эффективно работают, скажу я вам. Есть группы по три, по пять, даже по семь человек. И еще несколько групп есть непостоянного состава. Они, по-видимому, поддерживают связь, делятся информацией и бывает, что делают что-то совместное, хотя это выяснить трудно, даже для меня. Но результаты есть весьма впечатляющие: например, комплексы Садовникова, или новый двигатель для челноков-шаттлов...

- Ага, значит, Санька Вазонин все-таки сделал свой движок, - довольно ухмыльнулся Виталий, щелкнул ногтем по кружке в знак уважения и сделал хороший глоток. — Я его помню хорошо, головастый был парень, с крашеными волосами. И с ним еще двое были, очкарик один, а другой Стас или Сева ... Не помню, черт.

- Да, его группа хорошо сработалась, есть и другие примеры, - подтвердил Григорий и собрался продолжить, но его перебил Тимофей.

- Хорошо, с этим исследованием ты разобрался. Сколотили из поступавших команды, правильно подобрали, дали возможность проявить себя. С нами у них, правда, не очень удачно получилось. Мы ведь, кроме общего диплома, ничего такого и не сделали...

- Да погоди ты! Не перебивай, — возмутился Григорий и погрозил пальцем. — Все правильно, кроме одного — мы были хорошей командой, и дипломную нашу работу оценили весьма высоко, если ты помнишь.

- Ага, ну допустим, - отреагировал Виталий. - Если так, то тогда мы тоже должны были бы работать вместе, одной командой. Но ведь не работали.

- Ну почему же, - возразил с усмешкой Тимофей, покосившись на Григория, кивнувшего разрешающе в ответ. — Кое-что и у нас было, только так, по мелочи. Действительно, мы ведь помогали друг другу, было такое несколько раз. Когда ты, Вит, улаживал конфликты в регионах... Информацию я тебе поставлял, с Гришкиной подачи. Он ведь хитрый, напрямую не обращался к тебе, осторожничал. А ты действительно проблемы решал вовремя и малыми силами.

- Получается, - сделал вывод Виталий, - что работали мы, как бы это сказать, не в оптимальном режиме, что ли. Ведь какая могла бы быть команда, а?! Нет, не зря я чувствовал, все время чувствовал, что зря мы разбежались. Неправильно это было... Надо

было держаться вместе, каких бы дел могли натворить, - согласно вздохнул Григорий.

- Да ладно тебе вздыхать, Гриша. Ты ведь первым из нашей команды сбежал, - возмутился Тимофей. — Как только предложили хорошие деньги, так тебя как ветром сдуло. А о нас ты и не подумал. Планы строили вместе, мечтали... Вит полгода перебивался случайной работой, ему нечем было похвастать перед работодателями.

- Эй, Тимка, кончай трепаться, - пробасил Виталий, и Тимофей тут же осекся под его взглядом, пожал недоуменно плечами. - Неважно, как мы жили раньше, старого не вернешь. Да разве мы своих ошибок не делали, Тим? Черт с этим прошлым... Тут Гриша нам хотел что-то предложить, пусть и расскажет. А с тем, команда мы или нет, это еще разобраться надо, проверить на практике. Давай, Гриш, рассказывай дальше. А ты, Тимка, не мешай. — Виталий погрозил кулаком.

- Хорошо, - с деланным безразличием снова пожал плечами Тимофей. — Пусть рассказывает. — И добавил с кривой усмешкой: - Не обижайся, Гриш, просто вспомнилось как- то под руку.

Григорий растер покрасневшее лицо руками, поиграл желваками, потом выдохнул: - Вот всегда так, хочешь людям добро сделать, так тебя же мордой об стол. Ладно, - ткнул он пальцем в Тимку. - Тебя здесь не было, когда я просил старое не поминать. Могу еще раз попросить, тебя лично. Ведь действительно, прошлое не воротишь.

- И не надо, - усмехнулся Тимофей. Григорий вздохнул: - Будем надеяться... Теперь о деле. Оба вы знаете, чем я занимаюсь в последнее время. Но это только начало. А вот о том, что будет дальше, я и собрался с вами поговорить. Мы все время идем вслед за событиями, а надо их опережать... Информация сейчас захлестывает общество, потоки идут без предварительной обработки, все смешивается беспорядочно. Это разобщает людей, каждый все больше становится похож на маленький винтик огромного механизма, совершенно не знающего, что происходит рядом. Люди сбиваются в группы по каким-то незначительным интересам, образуют общества, секты, партии с непонятными программами и бредовыми лозунгами... Или прячутся от реальной жизни в медицинские модули, где можно переждать трудные времена, поправляя здоровье и не опасаясь террористов...

- Прекрасное вступление, - как бы невзначай произнес Тимофей и тут же примирительно прижал руки к груди под взглядами друзей, обжигающим Григория и укоризненным Виталия.

- Неважно, пусть это будет вступление. Черт, сбил меня... Ладно, что в мире происходит сейчас, вы и так знаете. Так вот, дальше видится мне такая картина: через пять лет от тридцати до сорока пяти процентов населения закупорится в МАМах,

остальные будут заняты их обслуживанием, используя таких вот квази-людей, - тут Григорий ткнул пальцем в сторону официанта, прошедшего мимо их столика. — Остальные продолжают убивать друг друга, как это испокон веку заведено, с помощью самых разнообразных средств и методов. Вирусы, эпидемии и безумные выходки фанатиков... И если в ближайшее время ничего не изменится, то через десять лет человечеству, как виду разумному, придет конец.

Виталий оторвал взгляд от потолка и посмотрел на Григория, замолчавшего и откинувшегося на спинку стула с видом человека, выполнившего свой долг.

- И что, это все?

- Конечно, а чего ты ожидал? — ответил за Григория Тимофей. — Данные он собрал, ситуацию обрисовал. Теперь тебе надо поработать, потом уж меня в дело введут, когда ты сможешь что-то придумать. Мне он данные дал пораньше, чтобы я мог подготовиться, так ведь, Гриша? Видишь, головой кивает. Он тебе еще не говорил о вознаграждении, нет? Значит, оставил козырную карту напоследок, чтобы тебя, если заартачишься, можно было уломать. Не мытьем, так катаньем, да Гриша? Ишь, как меня взглядом прожигает, психолог ты наш, с философским уклоном.

- Интересно, что можно предложить человеку, который придумает, как этот мир спасти? — спросил вдруг Виталий и Григорий насторожился. Тимофей довольно ухмыльнулся и подмигнул: - Вот и подумай, Вит! Я думаю, что это будет для тебя следующей трудной задачей, если ты, конечно, решишь первую. Чем можно будет наградить того, кто сумеет придумать, как изменить мир? Техногенные катастрофы разрушат экономику, в политику играть некому будет, спасателей тоже не останется. Озверевшие вояки постреляют, да тоже вымрут. Останутся города-помойки, отравленные моря и догорающие леса. Какие в новом мире будут ценности, что можно будет считать высокой наградой? Ведь должно будет измениться всё, в том числе и мораль.

- Я пока никакой проблемы не вижу, - нахмурился Виталий. — Может ли человек выжить в современном мире, так что ли вопрос стоит, Гриша? Так это не проблема, всех не истребишь. Болезни худо-бедно лечатся, от фанатиков тоже уберегутся, если деньги есть на наемников. Перенаселение нам не угрожает, если верить твоим же прогнозам. А мир переделывать не нам, для этого надо Богом стать. Цивилизация — система очень устойчивая, её даже глобальными катаклизмами не смогли уничтожить, если верить археологам. А что меньше технических игрушек на Земле останется, так это может и к лучшему. Меньше будет соблазнов, жили ведь люди и без телевидения, интернета и автомобилей.

- Неверный вывод делаешь, Вит, - снова ответил за молчащего друга Тимофей. —

Тут вопрос ставится по-другому: как остановить исчезновение человека как единственного на Земле представителя рода разумного. Дело в том, Вит, что Гриша полагает, и не без оснований, надо заметить, что мы уже подошли к краю пропасти. Осталось пару шагов сделать. Доказательства? Пожалуйста. Для чего же я здесь, правда, Гриш?

- Правда.

Тимофей неторопливо осушил кружку, промокнул губы салфеткой и, подмигнул Григорию, сложившему, в ожидании продолжения, руки на груди.

- Представь такую картину: природа начала воевать с человеком, ставшим глобальным фактором, стараясь уничтожить его, как неподконтрольную угрозу уничтожения. Раньше природа пыталась поставить его на место в своей структуре, но человек оказался неуправляемым. Теперь надо его уничтожить, или он уничтожит природу. Методы используются разнообразные: с ростом населения и системой здравоохранения борются вирусы; на загрязнение среды и изменение ландшафта планеты природа отвечает изменением климата; на рост ноосферы природа реагирует изменением биополя ...

- Чушь какая-то, - фыркнул Виталий, но Тимофей предостерегающе поднял ладонь.

- Нет, это всё есть в тех материалах, что тебе передал Виталий. Институт его работает хорошо, такие связи находит на основе собранных данных, что можно только головой крутить в обалдении. Работа только начата, но человек, как единственный вид, образующий разумную оболочку Земли должен срочно найти выход. Либо начать менять свое отношение к природе, что вряд ли возможно без создания единого мирового сообщества, способного принимать общее решение и выполнять его, либо изменить природу так, чтобы она подчинялась ему. В это поверить трудно, хотя есть положительные примеры, например, проекты СОЧ, которая набирает силу. А может выход, уже найден, а Гриша? Может, действительно, использование модулей и клонирование - это и есть выход?

Тимофей задумчиво пожевал губы, невидяще глядя перед собой.

- Это бегство в никуда, - негромко сказал Виталий. Григорий раздраженно кашлянул, и Тимофей вернулся на землю.

- МАМа даст вам защиту и спасет от бедлама! Пусть всегда будет МАМа, пусть всегда буду я! — напел он на знакомый с детства мотивчик, размахивая в такт рукой. Виталий рассмеялся, Григорий только поморщился и оглянулся, на них никто не обратил внимания.

— Кто на МАМУ не скопил, тот все счастье упустил, — добавил Тимофей, и

Григорий беззвучно поаплодировал, давая понять, что оценил остроумие и сарказм.

- Да, - покивал, утирая глаза салфеткой, Виталий и приложился к кружке. — Хорошо получилось, не предлагал еще рекламщикам?

- Да они не способны такое оценить. Скажут, что это слишком остро, - усмехнулся Тимофей. — Но суть ты понял, да? МАМы теперь позволяют любому, кто заплатил, обрести защиту от нападков природы и при этом продолжить, по желанию и за дополнительную плату, вести активный образ жизни. Тут уже целая индустрия работает, столько всяческих устройств напридумывали, чтобы те, кто в МАМе лежит, пока здоровье восстанавливается, мог видеть, слышать и даже перемещаться по планете в виртуальном образе. Для нас этот образ жизни кажется миражом в пустыне, но они-то считают, что живут полноценной жизнью. И с каждым днем возможности тех, кого многие называют «призраками», «МАМкиными детьми» или «консервами», расширяются. Скоро они смогут появляться практически в любом месте, а не только там, где сейчас есть специальные устройства связи и создания голограмм. Миниатюризация уже позволяет всю аппаратуру восприятия и создания изображения уместить в апельсин, а сам «апельсин» скоро сделают летающим. Прогресс, однако... Процедуры в МАМах продлевают жизнь уже процентов на сорок, если медики не врут, да еще обещают прибавить. Скоро можно будет сразу лет на пятьдесят погружаться, если не дольше. Как тут удержаться - такого соблазна у человечества еще не было, Вит. Поэтому Гриша прав: скоро все, кто имеет средства, переключатся в Медицинские Автономные Модули, а остальные либо согласятся на процедуры ГМ, продлевающие жизнь, либо постепенно вымрут, ведь они станут никому не нужными. Зачем их кормить, лечить... Да и контролировать рождаемость теперь гораздо проще, вон как в Азии все быстро разрешилось, стоило только ввести бесплатные в оборот бесплатные «ГМ-стопоры» и увлечь массы МАМ-лотереей. Население сокращается, они ведь тоже хотят сразу попасть в будущее, не задумываясь о том, что через пятьдесят лет их никто встречать не будет. И у нас тоже все теперь деньги считают, копят на МАМ, не до детей... Тем более, что производство клонов поставлено на поток: хочешь получить свою копию быстро и без недостатков - пожалуйста, обойдется это дешевле, чем заводить ребенка и быстрее, в десять раз. И медики обещают еще ускорить процесс, срок использования увеличить.

- Прекрасно, Тим, только нельзя ли перейти к главному? — остановил увлечшегося друга Виталий. — Не в лесу ведь живу.

- Ну вот, не дает панораму развернуть, полотно нашей жизни показать, - шутливо возмутился Тимофей. — Тогда возьму на себя смелость и, в очередной раз, выскажусь за Гришу. Он ведь молчит сейчас, а про себя шансы прикидывает, расчеты строит... Может,

действительно, не зря нас тогда вместе поселили? Ладно, не буду отвлекаться. По его мнению, и с этим мнением я вполне согласен, все сводится к следующему: часть человечества, не самая лучшая, но самая богатая, закуклится в модулях; оставшееся население потихоньку вымрет; экономика и технологическая оболочка планеты испытают серьезные потрясения, перестраиваясь на обслуживание той элиты, что спрячется в МАМах; биосфера тоже изменится... Ведь техногенные катастрофы будут продолжаться, кто будет их предупреждать и ликвидировать последствия, если все попрячутся? А хранилища модулей будут упрятаны так, что их это не коснется, иначе, за что деньги платили? Что будет представлять собой Земля через несколько десятков лет? Думаю, что это видение и ужасает Григория, который научился заглядывать в будущее в своем институте. Прогнозы катастроф он дает лучше синоптиков. Те, кто принимает решения, всегда могут нырнуть в модули, уж об этом они позаботились в первую очередь. Чего им переживать за остальное человечество? Поэтому Гриша и ищет сейчас какое-то решение, рычаг ищет, как Архимед. Тому так и не дали такой возможности, а Гриша вот хочет попробовать с нашей помощью такой рычаг найти.

- Похвально, да только это такая задача, что..., - Виталий в изумлении покрутил головой. Ему хотелось сказать, что друзья его совсем спятили, но они смотрели на него так, что он не стал продолжать. А в самом-то деле, почему бы и не попробовать? Сколько он лет занимался чужими проблемами, помогал политикам держаться на плаву, наживать состояния, решать конфликты. Правильно Гришка сказал: мелкими делами занимался. Тут ведь, если поверить, жизнь человечества на кон ставят. И как ему не верить, если его прогнозы сбываются, пусть на семьдесят процентов, но этого достаточно. Послать к черту всех этих политиков и бизнесменов, пусть сами копаются в своем грязном белье. И ведь прав Тимка, лазейка теперь есть, такая привлекательная на вид, прямо лакомый кусочек... в мышеловке мироздания. Лезь в модуль и наблюдай оттуда, из безопасного кокона, как рушатся брошенные города и взрываются брошенные заводы, как ржавеют корабли у причалов и пустые рельсы... Всем захочется в модули, только на всех не хватит. Сколько останется за человечеством грязи и всякой дряни, и некому будет очищать этот мир. Кто займет через полсотни лет опустевшую и загаженную планету? Покидать уютный и безопасный модуль после долгих лет, проведенных в виртуальном мире, наполненным чудесами и фантазиями, никто не захочет. Но жизнь в модуле не будет вечной, несмотря на все ухищрения ученых, это однозначно. И что тогда? Ведь не модифицированные для обслуживания клоны останутся хозяевами, они-то лишены тех качеств, которые нужны для продолжения рода, их ведь и сейчас уже штампуют с одной целью — работать и не думать, не мечтать, не желать лишнего.

- Ладно, ребята, вы меня зацепили, - выдохнул воздух Виталий. — Страшненькую картину вы рисуете, придется вносить коррективы.

Григорий недоверчиво посмотрел на него, Тимофей, показывая отогнутый большой палец, радостно поднял кружку: - Давайте, мужики, за нашу старую команду!

- Погоди, это надо делать по-нашему, - придержал его за руку Григорий.

- Да какая разница, - начал было возмущаться Тимофей, но кружку опустил. Григорий, не сводя глаз с Виталия, утиравшего вспотевший лоб салфеткой, поднял руку и, не глядя, небрежно сказал, тут же оказавшемуся рядом, официанту: - Коньяк, бокалы и лимон...

С экрана смотрел озабоченный Григорий, по окружающим его экранам и полкам с книгами, Тимофей понял, что тот находится на работе.

- Куда исчез наш дорогой Вит? — накинулся на него Григорий, не обращая внимания на предупреждающий взмах руки приятеля.

- Откуда я знаю? Ты хоть на часы посмотри, - удивился Тимофей и зевнул, прикрывая рот. Спать хотелось со страшной силой, только лёг. Тут он кое-что вспомнил и хлопнул себя по лбу. — Погоди-ка, я сейчас...

- Вот, письмо прислал мне вчера. Нет, теперь уже поза-а-вчера,- Тимофей закончил зевать, и передернулся: сидеть рядом с открытым окном было прохладно. — Я думал, что тебе он тоже отправил.

Тимофей встал, чтобы закрыть окно, но Григорий резко его остановил: - Стой, сначала письмо прочитай.

- Слушай, тебе что, делать по ночам нечего? Я тебе его сейчас переброшу, сам посмотришь, - Тимофей закрыл окно и вернулся за стол. - А тебе точно не послал? Или ты почту не проверяешь? Вот, теперь видишь?

- Вижу. Погоди, - Григорий отвернулся в сторону, но ненадолго. Потом повернулся лицом к камере. — Это и у меня есть. И что ты думаешь по этому поводу? Что он хотел этим сказать? Что всех нас поймел?!

- Зачем же так грубо и несправедливо, а мы ведь в одной команде. Если ты не забыл. Он ведь объяснил свое решение.

-Да? Я-то не забыл, а вот он?! Зачем он туда полез? Поясни мне.

Капля слюны попала на объектив камеры, и Тимофей передернулся, когда на экране расплылось пятно, размывая изображение.

- Он ведь в модуль полез не потому, что бросить нас решил. Ему ведь, действительно, туго приходится, вспомни, как он корячился всегда от боли. А тут такая задача... Две недели он таблетки глотал, я ведь бывал у него. И результаты он скрывать не

собирается, тут тебе упрекать его тоже незачем.

- Так зачем он полез туда? Решил, что выбора уже нет, и воспользовался моментом? С работы ушел, денег назанимал... Разве это не предательство?

- Что ты несешь, Гриша. Я считаю, что правильно он сделал. Согласись, что он может сразу две задачи выполнить: изучить изнутри то, что с нашей точки зрения представляет главную угрозу и максимально использовать все возможности модуля для решения поставленной проблемы. Можно ведь воспользоваться теми преимуществами, что дает система жизнеобеспечения в модуле. Там ведь и боль блокируется, и времени больше для работы, по двадцать часов можно работать мозгами не отвлекаясь на бытовуху. Он ведь пояснил, что надо по-другому рассматривать твои данные, может только так ему удастся это сделать. А мы с ним можем общаться через Сеть... Если решение есть, он его найдет. Осталось пару дней подождать, он обязательно выйдет на связь. Я так все это вижу...

- Ладно, доверчивый ты наш, подождем. - Экран погас, и Тимофей отправился досыпать, отгоняя сомнения. В то, что Вит вернется, и вернется с решением, он верил на девяносто девять процентов. Главное, чтобы выдержал нагрузку, ведь такая задачка раз в жизни попадаетея и не каждому по плечу.

Несун

- Зачем ты приволок этого... бомжа?— брезгливо морщась, перевел взгляд с экрана монитора наблюдения на начальника СБ генеральный директор.

- Есть у меня задумка, Шеф. Как только соизволишь меня выслушать, я тут же все объясню.

- Господи,- тяжело вздохнул генеральный.— Что ты за человек такой, а? Покоя от тебя нет. Ладно, выкладывай свою задумку.

- Так вот, Шеф. Ты как-то говорил, что было бы неплохо найти способ вытащить что-нибудь полезное из виртуального мира.

- Это что ли твой способ?— брезгливо оттопырил нижнюю губу генеральный, кивнув в сторону экрана.

- Ну да, а что тебе не нравится? Внешний вид еще ни о чем не говорит, это ты должен понимать. А вот о его способностях я тебе могу справочку зачитать, прокачал через своих... собратьев по прежней работе.

- Хорошо, слушаю.

- Родился, школа, ПТУ, армия,- поглядывая на экран «палма», начал начальник СБ.- Работал на оборонном заводе кладовщиком, за руку не ловили, но через него прошло несколько килограммов комплектующих с драгметаллами. Уволен по сокращению. Далее работал в торговой сети «Рубин». Женился, есть дочь... Уволен по сокращению после ревизии. Последнее место работы: завхоз в парфюмерной компании, уволен по сокращению после того, как со склада исчезло два ящика с дорогими духами...

- На кой черт он нам нужен?— набылчился генеральный.

— Погоди, Шеф, не дергайся. Ты вот еще послушай, очень интересно,- делая вид, что не замечает испепеляющих взглядов, продолжил начальник СБ.— Это я у него за пивком вытянул, а потом тоже прокачал на достоверность. Мать у него была посажена еще при Советах за организацию «левого» бизнеса. Тогда с этим строго было – полная конфискация, дали ей десятку. А вот бабка у него была кто, угадай?

- Я тебе по рогам сейчас дам, клоун чертов,- прохрипел подавшись вперед покрасневший Шеф, но начальник СБ легко прижал его кулак к столу.

- Опять ты торопишься, Шеф. Бабка у него была цыганкой! Еще при Сталине табор разогнали, попала в лагерь и там бы сгинула, да спасла война. Она на фронт пробилась, добровольцем, даже в разведке служила, прикинь! За линию фронта ходила связной, две медали получила. А заслуживала орденов, но особой известности и почета не поимела, так как была не того происхождения...

- Дурак!- хмуро отозвался генеральный, снова вышел из-за стола и принялся расхаживать по кабинету.— Ты думаешь, что если он умеет воровать со складов, то может нам пригодиться? Про то, что надо бы что-нибудь из виртуального мира вытащить я тогда просто пошутил, понимаешь? По-шу-тил! Ничего нельзя взять там, где ничего нет. Это же искусственный мир, который создается в компьютерной памяти и куда человек попадает посредством компьютера. Звук, запах, ощущения - это все только импульсы в компьютере и в твоем мозгу, понимаешь?!

- Ты мне лекции не читай, я ведь тоже штаны протирал на скамье в аудиториях,- невозмутимо заявил начальник СБ.— Но считаю, что попробовать надо.

- Да как можно такое сделать, мать твою!— генеральный грохнул кулаками по столу.

- Можно,- глядя в глаза Шефу, отчеканил начальник СБ.— Он ведь не простой несун. Ты даже не представляешь, как хорошо организовано наблюдение и проверка на складах в той парфюмерной компании. Да и на оборонных заводах тоже охрана свое дело знала. А он сумел вынести то, что хотел!

- Черт с тобой,- устало откинулся на спинку кресла генеральный, поняв, что спорить бесполезно.

- Вот и я,- радостно сообщил начальник СБ и бросил на застеленную кровать упакованный в пленку комплект одежды.— Давай, Коляныч, быстро под душ и переодеваться.

- Да зачем это беспокойство, Игорь Сергеевич,- начал было Коляныч, вскакивая и протирая глаза, но начальник только отмахнулся от возражений.

- Коляныч, ты уже зачислен в штат и поставлен на довольствие. Сейчас мыться-бриться, нас уже ждут.

Перед дверью с табличкой «Медицинская лаборатория» Коляныч взмолился:- Игорь Сергеевич, мне бы хоть стопочку, для лечения. Ведь голова болит страшно.

- Нельзя, Виктор Николаевич, на работе у нас «сухой» закон. После работы можно будет по капельке, отметим твое трудоустройство. А сейчас никак, потерпи, браток.

- Эх, сколько же мне еще мучаться?— с надеждой поинтересовался Коляныч, оглядывая большое помещение лаборатории, заполненное приборами.

- Вот пройдешь обследование, и день рабочий кончится,- обнадежил начальник и оставил его на попечение мужчины в очках и белом халате.

Вечером начальник СБ с трудом смог убедить испуганного Коляныча, что над ним никто не собирается ставить медицинских экспериментов.

- Ты пойми, Коляныч, мы фирма известная, занимаемся компьютерными технологиями и ты нам нужен для проверки нашей системы виртуального мира. Вроде как простой человек из толпы, которого выбрали наугад. У нас таких как ты два десятка, и мужчин и женщин, разного возраста и образования. А тебя я выбрал просто потому, что ты мне понравился.

- Так ты мне скажи, что мне делать-то надо, я ведь в компьютерах ничего не понимаю,- глядя в пустую рюмку, поинтересовался немного успокоившийся Коляныч.— Тут что, надо какие-то кнопки нажимать или этим, как его, жойстиком вертеть? У меня дочка любит играть...

- Нет, джойстиком тебе крутить не надо. Ты будешь как бы нашим разведчиком в новом мире. Ты стереокино смотрел? Вот и представь, что ты попадаешь в такой мир, только там не только все объемное, но ты еще можешь все пощупать и попробовать. Мы такие миры по заказу создаем, люди деньги платят немалые, чтобы туда попасть. Поэтому нам надо убедиться, что все выглядит и ощущается как в настоящем мире. Вот ты и будешь выяснять, чем тот мир от этого отличается, понимаешь?

- И что, там все взаправду?— ошарашено помотал головой Коляныч.— Неужто никакой разницы нет?

- Вот черт,- ударил раздраженно кулаком в раскрытую ладонь начальник, потом подошел к встроенному в стену мини-бару и, сунув карточку в щель между створками, открыл дверцу и достал бутылку коньяка.

— Мы тебя для того и взяли, чтобы ты нам сказал: есть разница или нет. А если что понравится, можешь с собой взять. Ну там, камешек какой или цветочек, если посчитаешь, что они чем-то отличаются от здешних.

Лежа на кушетке в костюме «виртуальщика» и с коммуникационным шлемом на голове Коляныч отправился в свое первое в жизни путешествие в виртуальный мир.

Начальник СБ поинтересовался у руководителя лаборатории:- Слушай, а куда ты его отправил?

- Ты же сам сказал: куда попроще,- удивленно поднял тот брови.— Этот мир мы делали по заказу одного историка, он специализируется на Древней Греции, пришлось повозиться, больше сорока консультантов пришлось привлечь...

- Понятно,- перебил его начальник СБ.— Много там народу сейчас ошивается?

- Двадцать две тысячи,- бросив взгляд на экран, ответил руководитель.— Вполне удачный мир получился, привлекает клиентов.

- Что ж, посмотрим,- кивнул начальник.— На сколько вы его запустили? Нет, четырех часов будет достаточно для первого раза.

В кабинете генерального начальник СБ с усмешкой наблюдал за тем, как Шеф смотрит на экран, где шла демонстрация приключений Коляныча.

- И это все, что ты мне хотел показать?— закончив просмотр, недоверчиво уставился на него генеральный директор.

- Слушай, я так и не понял, за что тебе докторскую дали,— округлил тот глаза.— Ты результаты анализов видел?

- Да на кой черт мне твои анализы?— оттолкнул от себя листок с таблицей генеральный, наливаясь краской.— Мне что, твоего алкоголика теперь в зад целовать?

- Можно и в зад,— кивнул благосклонно начальник СБ, потом усмехнулся:— А вот к анализам Коляныча ты зря так пренебрежительно относишься. Ты был в виртуалке, я был в виртуалке... Мед-пиво пили, по усам текло и в рот попадало? А что было после выхода? Правильно, все последствия оставались там, в виртуалке, даже голова не болела после самых разгульных оргий. А тут!.. Коляныч вернулся с таким содержанием алкоголя в крови, что хватит на троих!

- Слушай, но это же еще не факт,— начал бубнить генеральный, уставившись перед собой.— Вполне может быть, что он сам вырабатывает алкоголь в желудке... Такие случаи известны.

- Да у него желудок наполнен под завязку вином!— Ударил кулаком в раскрытую ладонь возбужденный начальник СБ.— Его же ребята сразу после выхода обследовали! Это тебе не ферментация в желудке, вино настоящее! Понял хоть теперь, что получается?!

- Понял... Но поверить трудно.

Из второй ходки в мир Древней Греции Коляныч вернулся почти трезвый и с горстью разноцветных камешков, которые ему подарил скучающий владелец поместья в окрестностях Помпеи, которому понравилось беседовать на философские темы.

- Для дочери дал,— с некоторой гордостью заявил Коляныч начальнику СБ, задумчиво перебиравшего на ладони камешки. Пальцы у него дрожали.

- Погоди, Коляныч, ты ведь в разводе,— заметил начальник.— Да и дочку ты сколько не видел, год или больше?

- Дак, теперь-то я могу пойти к ним,— простодушно начал мечтать Коляныч.— Я теперь работу солидную имею. А пить я зарекся, да у вас особенно и не развернешься. Вот женка-то обрадуется...

- Хм-м...— кашлянул начальник, обрывая его мечтания.— Ты погоди, не торопись. У нас теперь работы много будет, на ближайший месяц никаких выходных.

- Дак, я же к дочке хотел сходить,— расстроено посмотрел на камешки Коляныч и вздохнул.— Порадовать ее хотел.

- К дочке...- протянул задумчиво начальник и, сжав камешки в кулаке, заявил:- Сначала надо поработать, к дочке потом сходишь. Терпи, браток...

Два дня ушло на разработку плана посещений созданных «Новой Эпохой» миров. Генеральный директор настаивал на поиске технологических новинок, а вот начальник СБ и коммерческий директор полагали, что начать надо с предметов компактных и дорогих: алмазы, золотые украшения...

Коляныч сидел в своей комнате, разглядывая на экране телевизора записи из разных миров, поражаясь зданиям высотой в километр, ужасаясь виду летающих драконов и восхищенно причмокивая при виде пиршеств богов на Олимпе. А ночью тяжело вздыхал, вспоминая звонкий смех пятилетней дочки, и представлял, смахивая набежавшую слезу, как она бежит к нему навстречу, раскинув руки, а он ловит ее и подкидывает к синему небу...

- Не подведи, Коляныч,- напутствовал его генеральный директор, явившийся в лабораторию.

- Ждем тебя через десять часов,- напомнил начальник СБ и шутливо погрозил пальцем.- Не увлекайся напитками.

Через шесть часов встревоженный генеральный директор прибежал в лабораторию, где уже беседовал с сотрудниками начальник СБ. На кушетке лежал пустой костюм и шлем. Генеральный, словно не веря своим глазам, осторожно похлопал по костюму и ткнул пальцем шлем.

- Где он?- не отводя взгляда от костюма, прохрипел он и, не слыша ответа, резко обернулся.

- Выясняем,- спокойно ответил начальник СБ, прерывая беседу с руководителем лаборатории.- Из лаборатории без карточки он не мог выбраться...

- Как он мог исчезнуть?- повторял генеральный, уставившись перед собой, и не замечая ничего вокруг.

- Эх, надо мне было там посидеть,- сокрушенно заметил начальник СБ.

- Может ему кто-то помог выбраться из здания?- наморщил лоб генеральный.- Или он умеет гипнотизировать? Тогда надо все записи коридорных камер просмотреть...

- О, черт!- начальник СБ изумленно уставился на него.- Ты что, опять ничего не понял? В виртуалку он ушел, дубина ты докторская!- с досадой всплеснул руками начальник СБ.- Я ведь сказал тебе он - спец в этом деле.

Махнув рукой на безнадежно тупого Шефа, сидевшего за столом с приоткрытым ртом, он снова принялся расхаживать, бормоча себе под нос.

- Какие дела можно было закрутить! Теперь остается только ждать, когда он вернется... А вот куда он вернется?! – тут, ударив себя по лбу, начальник СБ и выскочил из кабинета.

Проще пареной репы

- Что больше всего изменяет образ и стиль жизни сейчас, в наше время? - с этого вопроса начала встречу-семинар «Как стать счастливым в 21 веке» стройная женщина с короткой стрижкой медно-красных волос. Зал промолчал, только кто-то приглушенно кашлянул в последних рядах. В полном зале царил полумрак, лишь ярко освещенная сцена привлекала внимание зрителей. На сцене сиротливо стояли журнальный столик, на котором лежало несколько мелких предметов, трудно различимых из зала и низкое кресло. Никто не представил ведущую, видимо организаторы посчитали достаточным того, что желающие попасть на семинар видели ее имя на афишах и большом экране в фойе драматического театра. Отсутствие на сцене помощников и обычного нагромождения аппаратуры, создающей аудио-видео эффекты могло показаться зрителям необычным. Современный зритель уже привык к тому, что чем примитивнее и проще был текст выступлений, тем больше было громкой музыки, света, дыма и других отвлекающих процессов. Зал еще не успел решить, как реагировать на такое незатейливое начало и продолжал похрустывать пакетами с поп-корном и шелестеть конфетными фантиками.

- Давайте подумаем вместе, - улыбнулась ведущая, поправляя телесного цвета перчатки на руках и прошлась по сцене, словно демонстрируя себя. Зал следил за ней настороженно сотнями глаз, пытаясь определить возраст ведущей и оценить внешность. Женщина была невысокого роста и хорошо сложена, это не скрывалось ее одеждой, даже наоборот, как бы подчеркивалось при каждом движении. Хотя сама одежда казалась простенькой – отливающая перламутром блузка с рукавами до локтей и свободные золотистые штаны-шаровары, собирающиеся складками на щиколотках. Невысокие каблочки золотых туфель не стучали по деревянному настилу сцены, и двигалась женщина мягко, словно плыла, плавно перемещаясь по сцене с непринужденной улыбкой на лице. Многие в зале (в основном, мужчины) посчитали, что ей не больше 30, но и не меньше (так решили женщины).

- Какие средства и методы можно считать важными, формирующими современный стиль жизни? - повторила вопрос ведущая и остановилась, ожидая ответа. Зал понемногу ожил, загудел, и вот уже первые руки робко потянулись вверх, привлекая к себе внимание. Ведущая с доброжелательной улыбкой кивнула первому смельчаку, – это был полный мужчина в мятом костюме и сбившимся набок галстуком. Среди сидевших вокруг пестро одетых отдыхающих он заметно выделялся и явно тяготился этим, а может, ему было жарко.

- Реклама! – заявил он, привстав на мгновение, и снова плюхнулся в кресло, вытирая мятым платком вспотевший от волнения лоб. В зале облегченно рассмеялись, поднялось еще несколько десятков рук.

- Так, хорошо, - поощрила ведущая и взглядом разрешила высказать свое мнение молодой женщине в первом ряду, лениво приподнявшей руку, обильно декорированную золотом.

- Телевизор и радио! – не вставая, уверенно заявила женщина сварливым тоном и посмотрела на своего соседа справа, словно требуя от него подтверждения. Сосед в дорогом темно-синем костюме при галстукe тут же покорно кивнул, выдавив из себя улыбку. Женщина удовлетворенно откинулась на спинку кресла и с видом победительницы оглянулась вокруг.

- Интернет! Кино! Видео! - теперь зал оживленно и торопливо выдавал свои версии. Ведущая улыбалась, каждый поднявший руку обязательно удостоивался ее благосклонного кивка, словно награды за подвиг.

- Семья! Школа! ВУЗ! – залу понравилась эта игра, но на втором десятке ответы начали повторяться, и ведущая неторопливо свела руки перед собой. Зал послушно затих.

- Вот видите, как много современных средств и методов используется для того, чтобы воздействовать на каждого жителя Земли. Рассмотрим сначала воздействие на общество в целом, а затем перейдем к воздействию на личность. Средства массовой информации стараются внести свой вклад в формирование общественного и частного сознания разными методами, но у них много общего. Очень часто они противоречат друг другу, ведь контроль над ними осуществляют владельцы, со своими вкусами и пристрастиями. К этому еще примешивается и воздействие тех, кто на деле проводит политику владельцев в жизнь, а это тоже люди, со своими взглядами на жизнь. Получается, что на каждого человека влияют не какие-то абстрактные СМИ, а несколько сотен или тысяч людей, которые отличаются от остальных семи миллиардов только тем, что имеют деньги или обладают властью.

Ведущая произносила фразы передвигаясь по сцене так, словно беседовала с невидимым собеседником, находившимся рядом, неторопливо поводила руками и шевелила пальцами. И каждый присутствующий в зале постепенно проникался убеждением, что это именно с ним беседует такая симпатичная и умная женщина, и старался не пропустить ни слова из того, что она говорила.

- В результате получается смесь, мешанина из множества мнений, часто противоречащих друг другу. Тем не менее, воздействие осуществляется и чаще всего оно сводится к рекламе. Реклама чего угодно и кого угодно, - эти слова вызвали смешки в

зале, ведущая тоже усмехнулась. – Да, сегодня музыку заказывает тот, кто платит. Деньги или власть – какая разница, ведь действуют они одинаково. И это тоже, в конечном счете, сводится к людям, у каждого из которых свои пристрастия и мечты. Что получается в результате?

- Винегрет! Каша! Солянка! – выкрикнули из зала, и снова по рядам прошла волна смешков.

- Верно! – поведя руками, успокоила зал ведущая. – Каждый канал телевидения, радио или печатное издание рекламируют то, за что им заплатили или приказали. Неважно, кто и почему, важно другое – кто может разобраться в этой мешанине? Реклама, как известно, двигатель торговли. Но ведь недаром было сказано также: реклама, в отличие от спирта содержит 98 процентов воды и 2 процента правды.

- Точно! В бровь!.. Давай-давай! – засмеялся зал, но ведущая не обращая внимания на выкрики, неторопливо продолжила.

- Получается недоразумение какое-то: или все дружно рекламируют одно и то же, что вовсе не совпадает со вкусами большинства, или каждый рекламирует что-то свое, что опять же не выражает всей гаммы вкусов, присущих человечеству. Много ли от этого пользы? Вряд ли, должно быть право выбора, но кто об этом спрашивает нас? И это касается не только общества, но и каждого человека в отдельности. Надо ли такое терпеть и дальше?

Зал всколыхнулся одобрительным гулом: мол, нет пользы, и терпеть незачем. Ведущая вновь успокоила зал движением рук.

- Сегодня мы попробуем вместе разобраться с этим. Неторопливо и обстоятельно. Только четко определим основу для построения счастья. Что это такое, из чего состоит?

Зал уже не надо было учить – множество рук потянулось вверх.

- Достаток! Здоровье! Удача! – зал явно жаждал наград, и ведущая щедро раздавала улыбки.

- Свобода от условностей! – вскочил без очереди юноша в кожаной куртке с заклепками и заплетенными в косичку волосами. Он хотел продолжать, и ведущая приглашающее протянула к нему руки, а он неожиданно обмяк, повалился в свое кресло с недоумением на лице. Сидевшая рядом девушка с копной торчащих во все стороны волос толкнула его локтем в бок и что-то возмущенно зашептала. Ведущая пожала плечами, улыбнулась и кивнула следующему желающему высказать свое мнение.

Любовь! – звонко выкрикнула девушка в желтом сарафане и смущенно нырнула обратно в кресло. Ведущая только руками развела, словно подчеркивая несерьезность такого заявления, и зал поддержал ее смехом.

- Деньги и власть! – заявил с ухмылкой высокий парень с золотой серьгой в ухе и обернулся за поддержкой к сидевшей рядом компании, которая поддержала его топотом ног и ударами по подлокотникам. Ведущая направила в их сторону правую руку, словно предлагая продолжить и, словно в нетерпении, пошевелила пальцами.

- Жратва и выпивка! – добавил парень с серьгой и довольный собой свалился на кресло. Компания веселилась, приветствуя своего вожака. Ведущая слегка нахмурилась, но все-таки кивнула, а компания неожиданно успокоилась, лениво пошевеливаясь на своих местах. Зал, притихший было в ожидании каких-то эксцессов, снова зашумел, вытягивая вверх руки.

- Путешествия! Развлечения! Семья! – продолжали выдавать из зала, но скоро фантазия зрителей иссякла, ответы начали повторяться. Ведущая плавно свела руки перед собой, снова предлагая остановиться, и зал послушался. Только одна рука настойчиво продолжала тянуться вверх.

- Пожалуйста, - терпеливо разрешила ведущая и послала в зал улыбку-извинение.

- Желание стать Человеком, - негромко произнес похожий на студента парень с льняными волосами до плеч, в джинсах и черной футболке. Ведущая недоверчиво приподняла брови, словно удивляясь, и зал отреагировал недовольным шепотом. Парень невозмутимо обвел зал взглядом и сел на свое место.

- Что ж, не считая некоторых... отклонений, мы разобрались с тем, что составляет счастье для современного человека. Прекрасно, - прошла по сцене ведущая и остановилась у рампы почти по центру. – Остается выяснить основной вопрос: как стать счастливым. С помощью чего можно этого добиться и как сохранить достигнутого. Для этого мы здесь и собрались, не правда ли?

Зал ответил гулом согласия и ведущая довольно улыбнулась, бросив мимолетный взгляд на студента. Тот лишь пожал плечами и склонился над раскрытым на коленях компьютером. Женщина подошла к столику, взяла один из предметов, уместившийся в ладони, и вернулась к рампе.

- Каждый хочет быть счастливым и имеет на это право. Надеюсь, с этим никто спорить не будет. Вспомним народную мудрость: каждый сам кузнец своего счастья. Теперь посмотрим, что же на самом деле является определяющим, какие факторы способствуют созданию счастья.

Ведущая приподняла левую руку и тут же вокруг нее появилась зеленая лужайка, скорее даже газон, ведь трава была густая и ровная, такой в лесу не увидишь. К тому же на заднем плане возвышался двухэтажный дом, и даже не дом, а шикарный особняк, с резными наличниками и деревянным крыльцом, богато украшенными резьбой. К дому

подступали с обеих сторон невысокие деревья с густо-зелеными листьями. Одним словом, мечта городского жителя, ежедневно глотающего выхлопные газы машин и поднятую ими пыль, если в городе или поблизости нет заводов, добавляющих свою порцию ядовитой гадости.

Женщина неторопливо двинулась к крыльцу и зрители последовали за ней, у каждого возникло ощущение движения, и зал дружно охнул от неожиданности. Ведущая невозмутимо поднялась по ступенькам и открыла дверь, приглашая войти.

- Пройдемся по дому, в котором может жить счастливый человек.

И зал заворожено последовал за ней. Обстановка дома была под стать внешнему облику, они проходили по уютно обставленным комнатам, поднимались по удобной лестнице и заглядывали в красиво отделанные ванные и туалетные комнаты...

- ...Можно стремиться к обладанию всеми вещами сразу, но это несбыточные мечты, - ворковала, словно горlinka ведущая. – Для каждого есть свои вещи, предназначенные только для него и гармонично подходящие именно ему. Надо учиться выбирать то, что подходит лучше всего, позволяет в полной мере обрести уют и душевное равновесие...

Затем они проследовали в гараж, где ведущая предложила прокатиться на одной из стоящих в нем машин и зрители с нарастающим восторгом выехали по тенистой аллее на широкую автостраду и с ветерком покатали к недалекому городу, празднично поблескивающему чистыми стеклами витрин, за которыми зрителей ожидали удивительные сюрпризы и неожиданные находки. Каждый зритель замечал то, что ему больше всего хотелось бы иметь, но не успевал ни заметить ценников, ни задаться простым вопросом: а сколько же это стоит, как уже оказывался в другом месте, где его снова окружали приятные глазу и милые душе вещи. Магазины и рестораны, парк развлечений и кинотеатр... Словно радужный веер развевался перед каждым, лаская душу и тело, обещая невиданные наслаждения и полное удовлетворение.

- Каждый может получить удовольствие и комфорт здесь и сейчас, вовсе не обязательно гнаться за призрачными химерами за тридевять земель, на край света... Надо только определиться с тем, что тебе необходимо, рационально распределить свой доход и брать от жизни то, что она предлагает. Научись выбирать правильно то, что подходит тебе и плата не будет высокой, если знаешь себе цену. Организуй себя, стремись достигать желаемого без насилия над собой и другими, всего можно добиться, если правильно выбирать путь. Работа может быть скучной, но ты можешь украсить свою жизнь, превратить ее в бесконечный праздник, если научишься выбирать правильно то, что будет с тобой, на тебе и вокруг тебя...

Голос ведущей обволакивал невидимой пеленой каждого зрителя, отодвигал на задний план тревоги и заботы, словно прохладный родник в жаркий полдень дарил покой и удовлетворение собой и окружающим миром.

- ...Мелкие радости жизни не замедлят положительно сказаться на вашем здоровье. Вы будете чувствовать себя крепко стоящими на ногах, бодрость духа и свежесть восприятия не угаснут со временем, лишь позволят вам более тонко чувствовать новые цветовые оттенки и вкусовые тона тех вещей, которые вам еще предстоит обрести...

Час пролетел незаметно и, когда ведущая снова свела руки перед собой и яркие краски вокруг нее поблекли и затем исчезли, по залу прокатился дружный вздох сожаления. Словно предваряя вопросы, могущие возникнуть у зрителей, ведущая с неугасающей улыбкой завершила зал:

- Наша встреча не последняя, мы только начали беседу и в ближайшем будущем продолжим её. Нам предстоит еще рассмотреть такие темы, как семья и работа, о которых сегодня лишь вскользь упомянули. Это очень важные темы, каждая из которых потребует отдельной беседы, и я надеюсь, что это обязательно произойдет. И если не вживую, то с помощью современных технологий мы сможем встретиться в Сети. На входных билетах есть наш адрес...

Остальное потонуло в нарастающем шуме аплодисментов, которые не стихали несколько минут. Счастливая женщина на сцене несколько раз с благодарностью склонила голову и дважды поклонилась в пояс, принимая из зала букеты цветов.

Весьма довольные зрители начали покидать зал, двумя потоками выливаясь в небольшой театральный сквер, под тенистые кроны деревьев, оживленно переговариваясь. Под лучами клонящегося на закат солнца они разбредались в разные стороны: люди постарше сбивались в кучки у скамеек, затеявая неторопливое обсуждение, дети тащили родителей к киоскам с мороженым и прохладительными напитками, а молодежь неторопливо направлялась на пляж.

- Это было прекрасно, - склонился к руке ведущей директор театра, изображая поцелуй. Жена, бросив в сумочку неработающий телефон и приказав ему не возвращаться домой без ведущей, спешно покинула театр. Он покорно поднялся на сцену. Ведущая приглашение на вечер в домашнем тесном кругу вежливо, но твердо отклонила, сославшись на скорый отъезд. Директор, удивляясь самому себе, не стал настаивать, хотя он умел уговаривать упрямых гастролеров. Даже предстоящая ссора с женой не пугала его, вопреки обыкновению. Он только с сожалением развел руками и отступил. Женщина с сияющими глазами благодарно кивнула ему и сопровождающей его свите, обернувшись к полутемному залу.

- Рома, Ната! Собирайте хозяйство, жду вас в гримерной. Отправляемся через пятнадцать минут.

- Хорошо, уже собираем, - донеслось из опустевшего зала. Женщина довольно кивнула и направилась за кулисы, мимо замерших в почтительном восторге рабочих сцены и пожарника.

Директору хотелось сейчас же закрыть глаза и вновь очутиться в прекрасном доме, который был показан сегодня этой прекрасной женщиной, вновь, хоть на несколько минут ощутить себя хозяином такого великолепия... Но нетерпеливо переминавшиеся рядом режиссер и художник, ждали решения и пришлось сделать усилие, напрячься и заставить себя кивнуть, давая «добро». Пусть попробуют, если сумеют. Режиссер с художником тут же кинулись следом за женщиной, которая могла сделать их счастливыми сегодня. А директор устало спустился со сцены, присел в ближайшее кресло и вновь погрузился в сладостные грезы. Он уже прикидывал, во сколько может обойтись постройка собственного дома на том участке, который ему недавно предлагали по сходной цене. И во что встанет обстановка мебелью, какую он видел сегодня на сеансе. И еще подумалось ему, что было бы хорошо, если бы режиссеру с художником удалось уговорит эту упрямицу сделать еще пару выступлений. Для театра это будет хорошо и для него тоже, по нынешним временам таких бескорыстных артистов днем с огнем не найдешь.

Художник нагнал женщину в коридоре за несколько шагов до гримерной, которую ей отвели. И, когда она обернулась на его топот, умоляюще прижал руки к груди.

- Извините, пожалуйста, можно вас задержать на минутку? Мы с Сергеем Михайловичем, нашим режиссером..., - оглянулся художник на отставшего режиссера, утиравшегося на ходу мокрым платком и шумно пыхтящего. – Мы хотели бы поинтересоваться...

Да, я к вашим услугам, - улыбнулась приветливо ведущая.

- Вот, уважаемая Степанида..., - тут художник замялся, пытаясь вспомнить отчество ведущей, но вспомнить никак не мог, а потом припомнилось ему, что на экране в фойе указывались только имя и фамилия (или псевдоним, что более вероятно) ведущей: Степанида Архангельская. Женщина только кивнула, словно соглашаясь, что имени будет достаточно, и художник торопливо продолжил: – Ваш семинар – просто восхитителен, это запомнится надолго! Очень вам благодарны... И мы хотели бы только узнать, какой системой проекции вы пользуетесь. Такое качество и яркость красок, просто совершенство! А звуковое оформление – это же выше всяческих похвал... Японцы или американцы аппаратуру делали? Если это не секрет, конечно.

- Спасибо, спасибо. Только я не специалист в таких вещах, этим занимается мой помощник Роман. Но название вам ничего не даст, - женщина кокетливо поднесла к лицу букет роз и, вдохнув аромат, слегка прикрыла глаза. – Это какой-то опытный образец, еще не вышло в массовое производство. И сделано у нас, к вашему сведению. Спасибо вам за букет и добрые слова, а сейчас я должна вас покинуть.

- Да, да, конечно, - закивал разочарованный художник, - если это опытный образец, тогда конечно...

А режиссер, переводящий дух, спохватился, когда женщина, опустив букет, уже повернулась к ним спиной.

– А где вы остановились, Степанида? Мы бы хотели просить вас сделать еще одно...

- Извините, но Степанида действительно торопится, - раздался позади режиссера низкий грудной голос, заставивший вздрогнуть от неожиданности и режиссера, и художника. А Степанида побледнела, когда обернулась и разглядела обладателя голоса.

- Но погодите...Это ведь очень важно! – раздраженно воскликнул режиссер, обращаясь к высокому парню в светло-сером льняном костюме, который проскользнул мимо него и уже успел взять под руку Степаниду Архангельскую, на лицо которой возвращался румянец.

- Извините, но я действительно уезжаю, - произнесла с сожалением Степанида и, в последний раз кивнув растерянным мужчинам, решительно развернулась. Рослый парень многозначительно посмотрел на них через плечо, пресекая дальнейшие вопросы. Степанида, руку которой парень так и не отпустил, исчезла за предупредительно распахнутой парнем дверью гримерной.

- Ну и дела, - протянул режиссер, посмотрел на художника, задумчиво теребившего подбородок. – Менты или фискалы?

- Копай глубже, - криво усмехнулся художник. – Или бери выше, смотря откуда смотреть.

- Контрики? М-м, возможно. Не было печали, так черти накачали, - досадливо хлопнул себя по бокам режиссер. Что-то звякнуло, он торопливо полез в карман и вытащил связку ключей. Оглянувшись воровато по сторонам, режиссер шагнул к двери смежной гримерки и быстро нашел подходящий ключ. Понимающе переглянувшись, художник и режиссер быстро вошли и осторожно прикрыли за собой дверь.

В гримерной, где запах косметики навечно смешался с запахом пота и застаревшего сигаретного дыма, они на цыпочках прокрались к разделявшей комнаты перегородке, вдоль которой располагались два столика с зеркалами. Прижавшись к перегородке, они принялись жадно вслушиваться. Оказалось, что Степаниду уже ждали в гримерной, по

крайней мере, один человек там уже был. Это был человек в возрасте, голос у него был глуховатый, с хрипотцой.

- ...Снова принялись за старое, устроили какие-то гастроли. И давайте сюда перчатки, они теперь вам не понадобятся.

- Да, я имею на это право! - Голос Степаниды стал резким, и фразы она теперь произносила жестко. – Вы не можете запретить использовать мои разработки для дальнейших исследований. Я столько сил и средств в эту программу вложила, что никакая компенсация никогда не покроет.

- Не об этом ведь речь, - терпеливо убеждал Хрипун. – Только проводить исследования можно только с нашего согласия. Вы ведь подписывали соглашение...

- Да разве я знала тогда, что вам нужно только средство оболванивания! Я ждала развернутых исследований, моя группа надеялась... Да что говорить, теперь уже поздно. А вы всё никак в солдатики не наиграетесь, секретность развели, слежку...

- Разве вы не тем же сегодня занимались? – поинтересовался иронично голос, принадлежащий рослому парню. – Хорошо хоть недолго длилась ваша лекция, пара дней и всё позабудется. А ведь многие из зала словно зомби выходили, вам дай волю – всех заставите под свою дудку плясать...

- Погоди, Виктор, не заводись, - попросил Хрипун, но в голосе его прозвучал приказ и парень больше не сказал ни слова.

Степанида все же язвительно ответила парню: - Нет, я никого не хочу делать простым исполнителем чужой воли. Это вам такого результата хочется добиться, да только не получается. Я хочу научить людей главному: жить с удовольствием. Дайте каждому из них возможность реализовать свои желания, тогда и наступит всеобщий мир, без войн и насилия.

- Если бы это было возможно - реализовать все желания, - выразил сомнение Хрипун и приглушенно откашлялся. – Тогда и программа наша стала бы ненужной, да и сами мы стали бы не нужны никому. Но этого еще делать не научились и вряд ли научатся в ближайшее время, не правда ли?

- Вы никогда не научитесь, - подтвердила с ноткой снисходительности Степанида. – Надо правильно организовать желания, сформировать их сначала. А затем научить людей их реализовывать, постепенно, шаг за шагом. И они начнут получать от жизни удовольствие, некогда станет глупостями заниматься, каждый будет стремиться к своей цели, без ущерба для остальных.

- По вашему сценарию, да? А если он меня не устраивает? – поинтересовался со смешком Хрипун. – Чем же вы тогда лучше нас?

- Да не поймете вы, Генрих, сколько раз об этом говорили, - вздохнула Степанида.

- Много. Много раз говорили. Только я еще раз повторю: рано! Лет через десять, не раньше можно будет попробовать. А сейчас – нельзя!

- А я не могу ждать! Нет времени, да и у вас тоже его нет. Скоро локти кусать начнете, да поздно будет. А я вот не собираюсь ждать...

- Поэтому и сбежали после выхода из модуля, да? Помощников себе нашли, оборудование украли! - В голосе Хрипуна появилось раздражение. – Нет, вовремя мы вас перехватили. Пока на вас потрачено больше, чем вы нам дали, и эксперименты проводить будете там, где мы скажем. И когда мы разрешим. Нам еще долго вместе работать...

Разговор прервался негромким стуком в дверь и новый мужской голос встревожено сообщил: - Вот, полюбуйте, шеф, что они с собой утащили.

- А, помощники нашей Цирцеи, – насмешливо ответил Хрипун. - Все собрали? Тогда пора отправляться. Будет вам кнут, если пряника мало показалось, кандидаты. Забудете про науку, нары осваивая.

- Да вы на это посмотрите, шеф, - в новом голосе билась тревога. – Они весь сеанс транслировали в Сеть.

- Это плохо, - после небольшой паузы проворчал Хрипун, но без особого волнения и скомандовал: – Ладно, давайте всех в машину. Приедем, разберемся, насколько это серьезно.

- Что, испугались? – язвительно поинтересовалась Степанида. – Молодец Рома, и ты Ната молодец. Не бойтесь, ничего они вам не сделают...

- Разберемся. Давайте, на выход, - снова скомандовал Хрипун, и в комнате задвигались, потом затопали в коридоре. - Виктор, скажи операторам, пусть снимают блокировку...

Шаги затихли, режиссер на слабеющих ногах добрался до стула перед столиком и принялся утирать мокрое лицо скомканным платком. Художник подошел к двери и осторожно выглянул в коридор.

- Никого. Пойдем, посмотрим, как там наш бедный директор?

- Ты думаешь, его тоже зацепят? – встрепенулся режиссер, глядя на художника через зеркало.

– Черт его знает, - художник покачал с сомнением головой. – Какие-то они странные, не находишь?

- Это не наши, - громким шепотом сказал режиссер и оглянулся на окно, наполовину закрытое выцветшей синей шторой. Художник подошел к окну, ничего интересного кроме густых крон деревьев театрального сквера не заметил и обернулся.

- Они за ней пришли, а мы их не интересуем. Они – там, мы – здесь. Не должны пересекаться, понимаешь? – бормотал, словно в бреду режиссер, глядя мимо художника в окно.

- Чуть какая-то, - художник торопливо подошел и встряхнул режиссера за плечи. – Сергей, ты чего? Опять давление скакнуло?

Тот ничего не ответил, свесив голову на грудь. Художник торопливо огляделся, затем озабоченно бросился к столикам и в одном из ящиков нашел искомое. Быстро скрутив пробку, сунул пластиковую бутылку с минералкой режиссеру. Тот сделал несколько глотков из горлышка, благодарно кивнул, снова приложился и протянул бутылку обратно. Художник облегченно вздохнув, вытер пот со лба, сделал пару глотков и поставил бутылку на столик.

- Мать твою, как ты меня напугал.

- Нет, при чем тут давление? Скорее сердце..., - посмотрел на него режиссер с раздражением и икнул. – Вот черт, с газом не люблю. Я тебе говорю, - тут он снова покосился в сторону окна, - что это люди не из нашего времени. Параллельный мир, другое измерение, понимаешь?

- Опять ты за своё, - разочарованно, но с облегчением вздохнул художник. – Начитался дешевых книжек, вот и блажишь.

- Нет, Саша, я серьезно. Ты же сам видел – такой техники у нас ещё нет, камеры с яблоко летают по залу, проекцию от реальности не отличишь, да еще перчатки эти... Я вот, только сейчас понял, что она могла нас заставить сделать что угодно, хоть друг друга целовать, хоть убивать. Это же такая сила, что окажись в нашем времени - нам не сдобровать. Такое устроили бы...

- Да ну, ничего такого и не было, - отмахнулся художник, но в голосе его не было уверенности. – Сейчас чего только не делают, может и проекторы голографические уже есть, только до массового производства не дошло. И видеокамеры сейчас всякие есть, хоть в авторучке, хоть в кольце тебе сделают, только заплати. Вспомни, как быстро сотовые распространились, или плазменные панели. Сейчас вот пленочные в ход пошли, сам наши афиши видел – запустил картинку на сервере, на всех рекламных экранах она сразу появилась. Прогресс, однако.

- Не-ет, Саша, тут ты не прав, - поднялся со стула режиссер и махнул рукой в сторону двери. – Вот, давай, проверим.

- Как это?

- Пошли, внизу узнаешь.

Режиссер уверенно направился к двери, художник скептически усмехнулся, но спорить не стал и молча последовал за ним. В коридоре они вздрогнули, когда одновременно запиликали телефоны, о которых они не вспоминали последние два часа и с тревогой переглянулись.

- Вот видишь, - прошептал побледневший режиссер, вытягивая из кармана пиликающий телефон, - они и такое могут. За все время выступления ни одного звонка в зале!

- Это еще не доказательство, - попытался усмехнуться художник, доставая свой, и с некоторой опаской вглядываясь в экран. И отвечать на вызов не стал.

Никто не заметил, как покинули здание театра Степанида и ее спутники, два служебных входа работали по карточкам, а в фойе полусонный охранник обсуждал с дежурным администратором последний матч местной команды, ему было не до того, чтобы следить за теми, кто покидает театр. Режиссер предложил выйти на улицу и поспрашивать тех, кто сидел в скверике на скамейках, но тут появился директор, злой как черт после разговора с супругой, разозлился еще больше, узнав, что Степанида покинула театр и никто не знает, где ее можно отыскать. Начали подходить актеры, задействованные в вечернем спектакле, художник побежал готовить сцену, а режиссеру пришлось успокаивать директора в буфете рюмкой коньяка...

Вновь о Степаниде и ее выступлении художник напомнил режиссеру только через неделю, весьма насыщенную событиями их тесного театрального мира. Директор с сердечным приступом после ссоры с женой попал в реанимацию, на режиссера свалились чужие заботы и хлопоты. Начались закулисные интриги и склоки среди актеров, поговаривали о смене руководства театра и в этой суете о Степаниде, казалось, все забыли.

- Посмотри, что я нашел. - Художник бросил на стол три листа, и устало присел напротив. Режиссер сначала недоуменно перебрал листки, на рисунке карандашом узнал знакомое лицо, с интересом просмотрел остальные. Пару минут он сравнивал рисунок с фотографией на втором листе, затем поднял глаза на художника.

- Ты считаешь, что это одно лицо?

- Да, хотя здесь она выглядит лет на двадцать старше. Но это фото сделано два года назад, больше я ничего не нашел.

- Здесь какая-то доктор Горячева И.В. изображена, на встрече с депутатом Думы, а у нас вроде бы Архангельская была? Да, сильна пластическая хирургия, если смогла сотворить такое чудо, - покачал головой режиссер.

- Нет, это невозможно, я бы заметил следы, - уверенно заявил художник. – Тут совсем другое... Сходство на девяносто процентов, это она и есть. Кстати, доктор она не медицины, а социологии. Но больше никаких сообщений по ней нет, видно почистили Сеть. Кстати, ты посмотри сводку, я собрал местные сообщения за последние пять дней. Кражи в магазинах средь бела дня, драки на пляже без видимых причин, шесть попыток угона машин, директор наш в больницу угодил, да и не он один...

- Хочешь сказать, что это как-то связано с тем семинаром?

- Ничего я уже не хочу говорить, поздно, наверное. Ты, кстати, как себя чувствовал последние дни? Ничего не заметил странного за собой? Только честно.

- Знаешь, в эти дни мне было не до самоанализа, - криво усмехнулся режиссер. – Сам знаешь, как все закрутилось, не продохнуть от забот. Выспаться мечтаю.

Художник смотрел на него выжидающе, но режиссер отвел глаза в сторону и поинтересовался: - А у тебя что-то было?

- Покоя мне не давал тот проектор, всё мерещился. Ах, какие спектакли можно было поставить с такой техникой, не декорации малевать – а использовать реальный фон! Я всю Сеть обшарил, но ничего похожего не нашел. Зато нашел это вот фото, я ведь в тот же вечер сделал несколько набросков и в поиск по Сети запустил. Сильно ты меня тогда напугал, вот я и решил на всякий случай посмотреть. А вчера вроде бы отпустило, проектор этот меня уже не волнует, беспокоит только это вот сходство.

Художник судорожно вздохнул и с отчаянием посмотрел на режиссера, но тот упорно избегал его взгляда.

- М-да, - хмыкнул режиссер, постукивая пальцами по листкам. – Напугал я тебя, оказывается. А ведь ты прав оказался, наши это, родимые. Чего ж бояться? Ну, научились людей омолаживать, так это же хорошо. Кто откажется лет на двадцать-тридцать помолодеть? А драки эти и кражи – чепуха, у нас город курортный, мало ли кто приезжает. Ну, побывала у нас проездом гипнотизерша, не стану отрицать – сильная штучка, но ведь забрали её, и с концом. Может, она из психушки сбежала? Так что не бери в голову, все это несерьезно. И вообще, мало ли на свете похожих людей? Вон, даже конкурсы двойников проводят.

- Ты в этом так уверен? – усомнился художник, но режиссер только плечами пожал и руками развел. – Ладно, я пойду.

- Давай, вечером увидимся, - согласился режиссер, небрежно прикрыв листки ладонью.

Когда художник, явно задетый таким прохладным отношением к тому, что принес, и совершенно уверенный в неискренности старого друга покинул кабинет, режиссер устало

откинулся на спинку кресла и закрыл глаза ладонями. Если бы на него не свалились обязанности И.О. директора, он бы тоже, наверное, грезил бы о той технике, что так заворожила их с художником, ведь прекрасно представлял, какими красочными и необычными могли стать спектакли. И вполне понимал, что происходило с теми, кто побывал на семинаре. Будь у него другое желание, кто знает, чем бы это обернулось. Бедный директор - так неудачно попасть между своим желанием и желанием жены, словно между молотом и наковальней. И сколько таких случаев за неделю произошло в городе – кто знает...

Всю неделю его мучили сны, в которых он спорил то ли с этой женщиной, то ли с теми хрипунами, что стояли за ней невидимками. Пытался доказать, что нельзя делать из людей бездумных потребителей, превращать их в стадо животных, оставляя за ними только право на выбор кормушки. Человек должен мечтать о несбыточном, стремиться к идеалам и творить возвышенное, говорил он, но его не слушали. Оставьте людям свободу выбора, не делайте их рабами вещей или новоявленных царей, кричал он, но к нему подходила Степанида и, убаюкивая сладкими речами, брала за руку и вела за собой к границе света и тени. Он шел, скованный ее речами, не сопротивляясь, бормоча свои просьбы, пока не оказывался на краю пропасти, и Степанида влекла его за собой, и он послушно делал последний шаг... Или под команды невидимого Хрипуна терял контроль над своим телом и начинал делать несуразные вещи, пытаясь голыми руками разорвать металл и бетон каких-то укреплений; разрывая сухожилия и сдирая кожу, обливаясь кровью, лез в какие-то колодцы, срывался вниз и падал, стараясь закричать, но только крепче сжимая зубы, повинаясь приказу... Он просыпался в холодном поту, с мокрым от слез лицом и молил только об одном – пусть все это окажется сном.

И теперь ему было больно. Только слез не было. Художник доказал то, о чем он догадывался, но во что он не желал поверить. Сколько времени им осталось быть людьми? Десять лет, так кажется обещал Хрипун? Потом станем, скорее всего, солдатами, хрипуны сейчас снова набирают силу. Но Степанида не хотела ждать, значит осталось меньше десяти лет, гораздо меньше, такие как она тоже чувствуют, что можно при нынешней бесхребтовости и преобладающем пофигизме легко стать кумиром. Только что можно сделать? Кричать о Хрипуне и Степаниде, об угрозе тотального превращения людей в зомби или запрограммированных потребителей? Так ведь сейчас этим никого не испугаешь – столько вокруг зомбирования-программирования наворотили страшилок и безграмотных глупостей, что тебя даже за психа не станут принимать, лишь посмеются. Наверное, это тоже входит в подготовку будущего, которое нам готовят. Так что же остается?

Режиссер сжал голову руками так, что потемнело в глазах, потом ахнул руками по столу, но это не помогло. Вскочив с кресла, подбежал к окну и невидящим взглядом уставился за окно, упершись руками в подоконник. И заставил себя вытащить на свет то, что мучило его последние дни.

Сколько лет потакал он невзыскательным вкусам отдыхающих адаптированной до неузнаваемости классикой. Удовлетворял примитивные инстинкты спектаклями с обнаженной, стараясь привлечь публику. Засорил репертуар бессмысленными историями о любовных похождениях и домашних склоках. Подсовывал зрителям костыли убогой философии потребительства, послушно следуя модным веяниям, усердно помогал ткать невидимую паутину удовлетворенности и соглашательства, словно кокон окутавшей общество. Неужели ничего хорошего за прошедшую жизнь не сделал, ужаснулся режиссер и понял, кого он оплакивал по ночам.

Несколько минут он стоял так, пока не затрясся всем телом - чудовищное напряжение схлынуло, и каждая мышца тела теперь обессилено трепетала. Взгляд его наткнулся на стоящий перед театром памятник и словно электрический разряд ударил в крестец. С трудом переставляя одеревеневшие ноги режиссер добрался до кресла и свалился на него мешком. На лице его застыла кривая усмешка, сердце бешено прыгало в груди, но теперь он не боялся, он понял, чем будет заниматься оставшееся время. На многих сеанс Степаниды подействовал так, как она рассчитывала. Но ведь не все стали послушными куклами. Ведь на художника подействовало не так, как было рассчитано, да и на него самого тоже... Значит можно с этим наваждением бороться, можно.

Испокон веков лицедеи только тем и занимались, что пробуждали в людях то, чего их могли лишиться в ближайшем будущем - мечты и желания, любовь и ненависть. Пусть в театре начнутся другие спектакли, в этом ему помогут друзья и коллеги, служащие не Тельцу, но Музам. Кому, как не им вновь заняться своим делом? Надо дать людям крылья, и пусть они сами выбирают, куда им лететь! Тех, у кого есть крылья никакие хрипуны и степаниды не достанут.

Режиссер схватился за телефон и яростно начал нажимать кнопки, набирая номер художника.

Полевые испытания

Так вот и поехали мы в Африку, в одну маленькую страну, где собирались проводить выборы президента. По-ихнему порядку там король должен править, но тогда как раз так получилось, что в разборках между кланами перестреляли всю королевскую семейку. Прямых наследников не осталось, кланы между собой договариваться не хотели, каждый хотел занять трон, залитый еще не высохшей кровью. Назревала вполне обычная гражданская война, которую не могли сдержать миротворческие силы дряхлой ООН. Вот тогда СОЧ и предложила свою помощь в проведении выборов.

Ну да, Свободная Организация Человечества, помогающая решать проблемы людей всем миром. Авторитет во многих областях культуры у нее уже был, но в глобальную политику она не лезла, это не соответствовало ее принципам. А здесь представился случай помочь населению страны избежать той петли, которую на них собирались накиннуть местные кланы, готовые распродать страну по дешевке, лишь бы захватить власть. Кому продавать? Желающих было немного. Французы, которых в стране еще помнили, хотя больше полувека прошло после деколонизации, да везде сующие свой нос американцы, считающие себя способными командовать всем миром и постоянно наступающие на одни и те же грабли национального сопротивления.

Особого интереса ни для кого эта страна не представляла, поэтому никто туда особенно и не лез. Нефти или газа геологи не обнаружили, алмазов тоже не копали. Нищая аграрная страна, в которой половину территории занимает пустыня. Единственное достояние – огромный национальный парк, где туристы могли посмотреть на диких животных или, если есть деньги – поохотиться. Вкладывать деньги в развитие туризма никто не хотел без твердых гарантий законного руководства, а дать такие гарантии было некому. Но вопрос должен был решиться без драки, демократическим путем и СОЧ получила поддержку всяких там международных ассамблей и комиссий. Поддержка эта выразилась в том, что «голубые каски» ООН, которые уже полгода как торчали в этой стране, прикрывая караваны с продовольственной помощью, идущие с побережья Атлантики в столицу получили приказ содействовать проведению выборов. Приказ-то приказом, да пятьсот человек с двумя танками и десятком бронетранспортеров едва справлялись с конвоированием караванов и вряд ли могли контролировать даже столицу. А уж про остальную территорию и говорить нечего. Поэтому СОЧ решила справиться своими силами, которые состояли из жителей страны и тех, кто был готов оказать этой стране помощь. Об этом мы узнали одними из первых.

В марте закончили в нашем Институте испытания системы голосования для области, но до наших выборов еще полгода оставалось, тут директор и предложил использовать такую надежную систему на практике пораньше. Во многих работах СОЧ наши специалисты уже принимали участие, хотя бы в исследованиях демографического взрыва на побережье Черного моря.

Ну, там ситуация была вполне понятной: за последние пять лет экономика во многих регионах поднялась, у людей появилось больше свободного времени, да и зарабатывать стали побольше. Экология улучшилась после того, как за побережье взялась группа СОЧ и поставила на все стоки очистные комплексы, которые начали собирать всю грязь, а выдавать столько добра, что пришлось увеличить пропускную способность железных дорог – эшелоны с чистыми металлами, удобрениями и органическим сырьем неделями стояли в очереди на отправку. Вот и начал народ тогда на чистое Черное море ездить, обустраиваться да размножаться...

Директор собрал нашу команду, что систему «Глас народа» разрабатывала, и объявил: ребята, кто хочет в полевых испытаниях принять участие, шаг вперед. Ну, тут только женщины, у которых малые ребятишки, вперед не шагнули, но и среди них были колеблющиеся. Посмотрел директор на добровольцев, улыбнулся, словно иного и не ожидал и взял в руки распечатку. Зачитал рекомендации СОЧ по отбору рабочей группы, там все по полочкам было разложено: кто требуется и для чего. Нет, никаких анкетных данных для отбора не использовалось, только профессиональные навыки и уровень физической подготовки, все-таки Африка. Многие заворчали, когда поняли, что поедут не все, но это быстро закончилось, народ у нас сознательный. Зачем, скажем, дизайнеру туда ехать, если продукт уже в серию запущен, или программистам там делать нечего, все уже проверено и работает. Остающиеся без работы не останутся, твердо заявил директор. Все данные испытаний через спутник попадут в Институт, обработкой можно и дома заниматься, зачем мотаться по жаре да по пескам, верно?

Вот и зачитал нам список рабочей группы директор. Там и я оказался. Как пояснил директор, мол, без такого важного специалиста группе никак не обойтись. Ну, я и так шаг вперед уже сделал, так что остальные трое избранных только обрадовались, все-таки я среди них самый опытный и старый. Так вот, вчетвером и пошли собираться. Через три дня погрузили нас вместе с нашей системой в челнок, и началась наша эпопея с суборбитального полета Восточная Сибирь – Северная Африка.

Сели мы не в столичном аэропорту, где царил бардак из-за забастовки диспетчеров, а километрах в пяти от города, на ВПП заброшенной лет сорок назад военной базы и решили разгружаться своими силами. Пришлось выгружать оборудование прямо на

землю, так как грузовики, что для нас должны были подогнать, застряли где-то по дороге из аэропорта вместе с грузчиками. А челнок ждать не будет, у него время по минутам расписано. Вот и давай мы вчетвером тягать пластиковые контейнера по грузовому отсеку, а в каждом контейнере не меньше ста килограмм. Хорошо, штурман и второй пилот помогли, хоть и не наши ребята, из Австралии они оказались, но сознательные. За двадцать минут вытаскали мы все наружу, проводили взглядом челнок, после короткой разбежки по потрескавшемуся бетону растаявший в блеклом голубом небе и, усевшись в тени от контейнеров, составленных в два ряда, принялись пот утирать.

Старшим в нашей команде Василий был назначен, как ведущий конструктор системы. Выпил он стаканчик минералки, которой нам две бутылки добрая душа - стюардесса сунула, когда мы, словно загнанные лошади у финиша свои личные вещи забирали, и вытащил телефон. А вокруг автоматчики стоят, таможня и полиция, прибывшие через минуту после посадки челнока. Только они и пальцем не шевельнули, чтобы нам помочь. Ждали указаний от начальства.

Грузовики подошли через два часа, и орда грузчиков набросилась на контейнеры, словно это были сокровища Али-Бабы. Водители грузовиков презрительно поплевывали в окна, глядя на своих соплеменников, громко кричащих и бестолково суесящихся. Поражало то, что одеты они были так, будто с одного на троих одежду делили: один только в рубашке, под которой только повязка набедренная; другой в штанах, но без рубашки; а третий обут в кроссовки и в панаме, из остального на нем только повязка. И потом они обливались не меньше нашего, пока таскали контейнеры. А ведь должны бы привыкнуть к своему климату.

Нас, оттиснутых от контейнеров возмущенными попыткой помочь грузчиками, обнял как братьев загоревший дочерна кучерявый и бородатый представитель СОЧ, подъехавший первым на минивэне. Соскучился, видать, по бледнолицым братьям поляк Станислав, сразу же предложивший называть его Стасем, и радушно пригласил нас в кондиционированное нутро своей машины. С таможней он все оформил быстро, но наши личные вещи таможенники осматривали придирчиво и долго. Видно преисполнились долгом, после долгого ожидания на солнцепеке.

Пока мы плелись за грузовиками по старой бетонке в облаке пыли, он сообщил, что машины задержались на выезде из столицы, где устроили сидячую забастовку голодные жители окраин, решившие, что челнок привез очередную продовольственную помощь и настроенные не пропускать в город машины, пока с ними не поделятся. Подъехавшая полиция, долго освобождала проезд для грузовиков и особенно не спешила. Кто-то из

местных политиков не хочет нашего присутствия здесь, пояснил с хмурой усмешкой Стась. Вот и начинают палки в колеса вставлять.

Стась оказался парнем хорошим, компанейским. Разместил нас на вилле, которую арендовал под представительство СОЧ. Там же, в бетонный гараж в подвале дома, разгрузили наш груз и гомонящая толпа грузчиков, получив расчет, залезла в грузовики и отправилась восвояси. С непривычки воспринимать такой гомон и жару было тяжело, и остаток дня мы провели в блаженной тишине и прохладе холла, помывшись и немного перекусив тем, что было в холодильнике. Кормить нас он собирался в небольшом ресторанчике, расположенном в центре города и где неплохо готовили, по его мнению.

Конечно, после наших мартовских оттепелей и заморозков оказаться среди пальм, в тени которых термометр показывал все 30 градусов Цельсия, было непривычно. Есть в России любители зиму проводить на курортах в тропиках, но среди нашей команды таких не оказалось. Все предпочитали размеренную жизнь, когда зимой – холода, а летом – как получится, лишь бы не каждый день дожди. Да и долго тут задерживаться мы не собирались, от силы на месяц. Наберем из местных помощников, научим, как с системой работать, поясним, как за оборудованием ухаживать, и – домой, в тайгу, к белым медведям, как нам уже посоветовал какой-то таможенник в черных очках. Правда, там вся банда бездельников была в темных очках, но у того они были еще и зеркальные. Но, оказалось, что старые поговорки еще действуют, наперед зарекаться нельзя, и даже вредно, особенно в таком климате.

Местная кухня, блюдами которой нас потчевал за ужином метр небольшого и уютного ресторанчика, мне особо не показалась. Все равно картошка вкуснее бататов, а солененькие грузочки и квашеную капустку не сравнить с теми салатами из местных овощей и фруктов, что нам подавали. Но некоторое временное разнообразие полезно для здоровья, уверял Стась, закатывая мечтательно глаза, когда кто-нибудь из нас поминал грузди с лучком и сметанкой, или сибирские пельмени с вырви-глазом.

Ночью вырубился в доме свет, обычное дело, как пояснил Стась, протирая глаза и зевая. Пришлось помочь ему запустить аварийный генератор, чтобы не вертеться на кроватях в духоте и продукты в холодильнике не пропали. Без кондиционеров спать невозможно, через закрытые противомоскитной сеткой окна воздух едва проходит.

Утром началась наша работа. Каждый терминал надо было вытащить из контейнера, проверить работоспособность после перевозки и снова упаковать. К вечеру все машины были проверены, ни одной неисправной среди них не обнаружили, все-таки умеют у нас делать технику. Мы опять были похожи на выжатые лимоны: в бетонном гараже кондиционера нет, а вентилятор, что мы поставили на вытяжку у входа, только мух

отгонял. В обед мы только слегка перекусили, есть совсем не хотелось, только пить. Отмокая в бассейне перед ужином, и минералкой восполняя потерю жидкости, мы обсуждали наши дальнейшие планы. Вернувшийся из города Стась был жизнерадостен и потащил нас на ужин, где мы снова принялись говорить о делах. Пара местных красоток предложила составить нам компанию, но Стась сделал выговор метру, и нас оставили в покое.

Предстояло продемонстрировать нашу систему комиссии наблюдателей ООН и временному кабинету министров. Это Стась организовал на послезавтра в самом крутом отеле, а завтра мы могли совершить ознакомительную поездку по столице и окрестностям.

Как пояснил Стась, чтобы получить некоторое представление о тех вопросах, которые мы услышим послезавтра. Экзотика здесь, по сравнению с Европой, сетовал он. В стране кланы составляют шесть группировок, которые грызутся между собой хуже собак, не желая делить будущую власть. Временное правительство, состоящее из марионеток кланов, ищет внешней поддержки, но кроме слов и мелких подачек ничего не добилось. Реальной власти оно никакого в стране не имеет. Министры только щеки надувают, да пыль в глаза своим кукловодам стараются пустить...

Мы только посмеивались над его страхами. Видно он не сталкивался с тем, что происходит у нас, в России и в бывших странах Союза вплотную. Такого бардака больше нигде не найдешь и не придумаешь. И, едва удастся навести порядок в одном месте, как возникают проблемы в другом. Кто не верит, пусть хотя бы по нашей области поедет, а она размером больше этой страны...

Загрузились мы в минивэн и отправились на экскурсию. Центр столицы оказался вполне обычным для миллионного города – десяток небоскребов, дорогие магазины, банки и заполненные толпами улицы. Правда одежда здесь была легкой, но полицейские в шортах и форменных рубашках следили за тем, чтобы в набедренных повязках на улицах не шастали. Разномастные автомобили и масса мотоциклов, от японских монстров до карликовых китайских. И велосипеды, конечно. Тут мы задерживаться не стали, только заскочили в супермаркет, где проходила распродажа и запаслись провиантом и более подходящими для этого климата нарядами: шорты, рубашки и по два головных убора, но это брали скорее как сувениры. Позднее очень даже порадовались, что взяли плетеные из соломы сомбреро. Естественно, все «сделано в Китае». Стась прихватил четыре упаковки газированной минералки, которую он не употреблял, и мы, забив багажник машины покупками, отправились дальше.

По дороге Василий расспрашивал Стася о том, как здесь с линиями связи и был огорчен тем, что только между тремя городами есть оптоволоконный кабель, а связь с

мелкими поселками только по старым телефонным линиям, через допотопное оборудование. А уж в том, что проблемы с электроэнергией здесь явление постоянное, в этом мы сами убедились. Электронщик наш, Федор, беззаботно рассматривал сувениры для своей дочки, выразив надежду, что автономное питание терминалов выдержит местные условия. А социолог Илья легкомысленно разглядывал прохожих, , как я заметил, особенно интересовался местными красотками. Ну, это дело молодое, тем более, что неженатый он еще. Меня же занимала мысль о том, что большая часть населения была неграмотна. А это могло означать некоторые проблемы для нас. Ведь помощников-то надо будет набирать, а вот из кого? Но об этом я пока помалкивал, чего раньше времени беспокоиться, сейчас-то мы на экскурсию поехали.

За городом стало интереснее, поселки располагались далеко друг от друга и представляли собой беспорядочные скопища хижин и глинобитных домов, небольшие поля и плантации возле редких водоемов обрабатывались вручную или с помощью быков. Техники было мало, небольшие тракторы и старые пикапы встречались очень редко. Местные жители не обращали на нас внимания, лишь дети шумною толпою окружали нашу машину и сопровождали нашу команду, пока мы осматривали деревню и беседовали со стариками. Стась, как опытный человек запасся мелкими монетками, но их хватило ненадолго. Мы тоже выскребли карманы и раздали все, что нашли, даже российские монетки. Посетив четыре поселка, мы решили возвращаться.

Впечатлениями о поездке группа, помывшись и намазав обгоревшие участки кожи кремом, делилась во время ужина. Мнения сходились: выборы проводить будет непросто, средства массовой информации здесь практически не действуют, вездесущее телевидение здесь работает только в городах, да и то, не в каждом доме есть приемник. Одна государственная и три частных радиостанции вели предвыборную пропаганду, больше похожую на свару базарных торговков. Распечатки переведенных текстов приводили в ужас обилием нереальных обещаний и массой плохо скрытых угроз в адрес конкурентов.

Решение использовать нашу систему казалось нам скороспелым и неэффективным. Все-таки мы готовили систему в расчете на то, что население нашей области достаточно образованно, постоянно смотрит ТВ, слушает несколько радиостанций и получает информацию из других СМИ, включая Интернет. Здесь большая часть населения практически не имеет доступа к информации о кандидатах и их программах, а значит, не сможет сделать правильного выбора. Все-таки у нас не информационно-справочная система, а техническая система для проведения голосования. Без хорошей информационной подготовки населения и нечего мечтать о всеобщих и легитимных выборах.

Стась подтвердил наши выводы. Он был на удивление спокоен и только посмеивался, когда мы чесали в затылках, недоумевая, зачем надо было приглашать нас сюда. Все решится завтра, утешил он нас перед сном, на встрече с руководством страны и международными наблюдателями. СОЧ собирается предложить кое-что и считает, что за оставшиеся до выборов три месяца все наладится и наша система будет использована с максимальной эффективностью. В раздумьях о дне грядущем мы разошлись по спальням. Что ж, как говорила моя бабушка, утро вечера мудренее.

Встреча с руководством страны и наблюдателями происходила на десятом этаже «Хилтона», где располагался самый крупный конференц-зал. Только здесь охрана отеля могла гарантировать безопасность гостей и уберечь свой фасад от экспансивных жителей столицы, заполнивших прилегающие улицы и азартно скандировавших разные нелицеприятные для своих правителей лозунги. Мы приехали пораньше, за три часа до встречи, чтобы подготовиться к демонстрации системы и уже тогда наша машина с трудом пробилась сквозь толпу. Привезли мы с собой один терминал для непосредственного волеизъявления народа и системный блок, собирающий данные со всех остальных по различным каналам связи. Конференция началась часом позже, часть гостей не могла вовремя пробиться в отель, хотя для министров дорога была расчищена довольно быстро.

Представил нашу группу собравшимся Стась со всеми регалиями, не забыв упомянуть и о ведущей роли СОЧ в технической организации выборов. Василий, как руководитель группы, десять минут объяснял присутствующим общий принцип работы системы, а затем подал нам знак, чтобы мы начали демонстрацию систему в действии. Тут из задних рядов, где располагались журналисты, с криками: «Честная игра! Честная игра!» выскочил какой-то нервный тип в мятом костюме, с пробковым белым шлемом на голове и потребовал, чтобы его, как лицо независимое и беспристрастное, допустили к проверке этой системы.

Стась успокаивающе шепнул нам, что это известный комментатор крупной английской газеты и, с улыбкой, поспешил ему навстречу. Реакция в зале была неоднозначная, среди министров зашептались, премьер скривился, а остальные наблюдатели начали ухмыляться или морщиться, глядя на англичанина. Все телекамеры сосредоточились на нем, и комментатор, победно озирая зал, был также представлен высокому собранию и допущен к проведению демонстрации системы. В качестве независимого и очень авторитетного эксперта, с серьезным видом добавил Стась и был награжден жидкими аплодисментами остальных журналистов, почему-то

развеселившихся. Комментатор побагровел, и торжествующая улыбка сползла с его лица. А Василий снова подал нам знак начинать.

Сняв терминала, напоминавшего четырехгранную, узкую пирамидку высотой в рост человека чехол, я нажал кнопку запуска. Снизу выдвинулись четыре лапы опор и, приподнявшись над полом, пирамидка выровнялась по горизонтали и вертикали. Из верхней части вытянулся на телескопической стойке и раскрылся защитный зонт диаметром в три метра. На четырех гранях осветились панели управления. Федор включил системный блок и на его экране появился логотип нашего института. Василий по ходу наших действий давал пояснения.

В системный блок ввели пять выдуманных кандидатур, присвоив им вместо имен номера от 1 до 5, чтобы не отвлекать внимания присутствующих, внимательно следящих за действиями нашей команды на несущественные детали. Тотчас на всех четырех панелях терминала появились пять окон с номерами кандидатов. Можно было вводить еще много информации о кандидатах, но Василий предложил воспользоваться в качестве фотографий одинаковыми профилями человеческой головы, а в качестве информации о кандидатах, просто ввести одинаковый текст, содержащий общие фразы. Зал настороженно наблюдал за всеми нашими действиями, комментатор пристально следил за набором текста через плечо Василия.

После этого он предложил залу рассмотреть работу терминала, имитируя голосование. В качестве избирателей должны были выступить члены нашей команды, Стась и комментатор, начавший ехидно ухмыляться.

Мы подходили к терминалу по очереди и «голосовали» за одного из кандидатов, нажимая на ярко-синее сенсорное пятно, выделяющееся на черном фоне панели рядом с одним из экранов, на котором размещалась фотография и информация о кандидате. Перепробовав все сенсоры на четырех панелях, комментатор с усмешкой обошел вокруг терминала и внезапно ткнул пальцем в сторону системного блока. Ему совсем не понравилось, напыщенно заявил он, что при каждом нажатии сенсора система регистрировала его как нового избирателя. Где гарантии, что один человек не проголосует за нескольких кандидатов, или не возьмется непрерывно нажимать кнопки?..

В зале зашумели, так как на экране системного блока действительно с каждым его нажатием менялись цифры, показывающие число проголосовавших избирателей. Но Василий, пресекая шум, поднял руку и пояснил, что так и должно быть. Сейчас система работала в режиме голосования без регистрации, когда любое нажатие на сенсор воспринимается как выражение воли одного избирателя. Этот демонстрационный режим рассчитан на цивилизованных избирателей, пояснил он, с улыбкой глядя на комментатора.

Такой избиратель осознает свою ответственность и нажимает сенсор только один раз, сделав свой выбор по совести. Тут комментатор в очередной раз побагровел, и снова раздались аплодисменты и смех. Среди министров возникли прения, и пришлось подождать несколько минут, пока они не успокоились.

Федор перенастроил систему на второй режим, который, как пояснил уже без улыбки Василий, рассчитан на не очень сознательных избирателей и будет использован во время предстоящих выборов. Перед тем, как проголосовать, избиратель должен зарегистрироваться. Эту процедуру можно делать в различных вариантах, пояснял внимательным слушателям Василий. Можно вводить данные с помощью сенсорной клавиатуры, которая появится на панелях терминала. И самый простой метод, пояснил Василий, после того, как наша команда показала одновременный набор текста и цифр на всех четырех панелях терминала, рассчитан на самого простого избирателя, не умеющего читать и писать. Он знаком попросил газетного комментатора подойти к машине и сделать выбор одной из пяти кандидатур. На экране системного блока все было по нулям, Федор даже привлек к экрану внимание зала, похлопав в ладоши и показав на него рукой.

Комментатор гордо вздернул голову, подошел к терминалу и ткнул пальцем в сенсор, выбрав первого кандидата. Затем отошел на шаг и сделал жест, словно умывает руки. В зале похлопали, но Василий обратил внимание зала на экран системного блока и сделал приглашающий жест нам. Мы по очереди подходили к машине и нажимали один из сенсоров. Зал пристально следил за происходящим, явно ожидая какого-то действия от комментатора, но тот стоял и рассматривал свои ногти. Тогда Василий попросил всех «избирателей» поставить себя на место несознательных избирателей.

Комментатор вернулся к терминалу и небрежно ткнул в сенсор, и сразу отошел к системному блоку. Мы тоже подошли и принялись беспорядочно нажимать сенсоры так, как это несколькими минутами ранее делал комментатор. Но на экране системного блока ничего не менялось, цифры показывали, что проголосовали четверо. Зал загудел, и, с разрешения Василия, к терминалу начали подходить желающие попробовать себя в роли избирателей. Больше одного раза проголосовать никому не удалось. Только через несколько минут зал успокоился и, возбужденно переговариваясь, добровольцы заняли свои места.

Вопросы посыпались на Василия, и он обстоятельно объяснил, что в этом режиме система сканирует отпечаток пальца и после этого второй раз проголосовать невозможно. Данные с терминала поступают в системный блок и там обрабатываются, поэтому, сколько бы ни было терминалов, голосовать избиратель может только один раз.

Тут же комментатор, который успел занять место среди журналистов, видимо, не захотел больше выглядеть дураком перед телекамерами и с ехидной улыбкой заявил:

-Тогда получается, что любой человек, не являющийся гражданином этой страны, может участвовать в голосовании. Например, сотни тысяч туристов, которые ежедневно посещают национальный парк страны... Или ваша машина будет выяснять гражданство? Каким, интересно, способом?...

Василий спокойно выслушал его и пояснил, что в систему можно ввести контрольные сведения, которые будут отсекают такие попытки. Какие именно сведения, это решит правительство, а для общего развития можно только сообщить, что дактилоскопия на сегодняшний день вполне способна по отпечатку пальца определить не только национальность, но и место проживания, с точностью до района. Снова комментатор был посрамлен и спрятался за спины коллег.

Правительство отправилось на совещание в один из номеров отеля на этом же этаже, всех посторонних удалили на это время из зала, и мы смогли немного передохнуть. Стась, приглашенный на совещании как представитель СОЧ, рассказал, вернувшись, что атмосфера там быстро накалилась. Восемь министров и премьер выставили своих помощников за дверь и сразу начались бурные прения. Согласия среди них не было и раньше, но теперь они едва драку не затеяли. Премьер не выдержал и рявкнул, все расселись вокруг стола и сообща начали пытаться Стася вопросами. На некоторые мог ответить только руководитель нашей группы, но его приглашать не стали и через полчаса взмогший Стась с облегчением выбрался из номера и отправился к нам.

Он уже рассказывал нам, что здесь издавна культивировался идеал царя – большой живот, означающий, что имеется достаточно богатства, чтобы не работать, ежегодно пополняемый гарем и наличие в конюшне породистых коней и верблюдов, сейчас вполне заменяемых наличием нескольких машины типа «роллс-ройс» или громадных джипов. Естественно, мистицизм и национальный колорит здесь еще широко использовались, но не это было главным.

Совещание закончилось, и министры со своими свитами вновь собрались в конференц-зале, куда журналистов уже не пустили. Правительство, прежде, чем принять окончательное решение хотело поговорить с нами. Но, словно степной пожар между ними разгорелся жаркий спор, и о нас забыли. Говорили то на французском, то на английском, потом переходили на местный язык, которого среди нас никто, кроме Стася, не знал.

Он раздал нам горошины наушников и стал негромко комментировать происходящее. Министры азартно обсуждали, в каком виде должна быть представлена

информация о кандидатах. Одни требовали, чтобы фотографии были в полный рост, другие кричали, что достаточно будет только физиономий...

Послушали мы крикунов минут пятнадцать, а потом Стась их остановил и предложил обсудить то, ради чего они здесь собрались. Премьер вытер пот с лица большим платком и согласно кивнул. Остальные только глухо ворчали, но противоречить не стали.

Стась в сжатом виде изложил программу подготовки и проведения выборов и раздал министрам папки с полным текстом, Василий также получил папку, но открывать не стал. Суть программы заключалась в следующем: все кандидаты должны предоставить по одной фотографии; информация о кандидате должна состоять из фактических данных и не превышать нескольких строк; предвыборная агитация должна закончиться за трое суток до дня выборов; все кандидаты должны эти трое суток и сам день выборов провести в одном здании; кандидаты на эти четверо суток должны быть лишены возможности обращения к населению...

Премьер не стал дожидаться очередных дебатов министров и, поблагодарив нашу группу за прекрасную демонстрацию, сообщил Станиславу, что решение нам сообщат в ближайшее время. Правительство шумно удалилось из зала, напомнив нам ораву грузчиков, только цивильно одетых. Обслуга отеля помогла нам доставить контейнеры на подземную стоянку и погрузить в багажник. Толпы народа все еще окружали отель и, с большим трудом, полиции удалось протащить нас через это море возбужденных людей, непонятно чего ожидающих, ведь министры покинули отель раньше нас.

На вилле, которую мы уже начали привычно называть домом, Василий первым начал обсуждение после возвращения с ужина. Стась был уверен, что предложение СОЧ будет принято, но палки нам в колеса будут вставлять обязательно. Все мы понимали теперь, что работать придется в сложной обстановке: если уж среди правительства нет согласия, то и у нас возникнут сложности, особенно с подбором команды помощников из местных, которую мы должны подготовить. Стась наши опасения разделял, но хитро улыбался и советовал подождать ответа премьера. Мы недоумевали, каким образом премьер может помочь нам, но он только сказал, что все нам объяснит после получения официального ответа правительства. Получалось, что он и сам испытывал некоторые сомнения.

Тут Илья нас удивил: зачем, спрашивает он, понадобилось задействовать нашу систему именно здесь и сейчас? Могли бы обойтись и стандартными процедурами, изобразили бы честные и контролируемые международными наблюдателями выборы, как это неоднократно делалось и у нас. Проголосовало бы процентов сорок населения

городов, а в сельской местности каждый клан заставил бы на подконтрольных территориях проголосовать все 90 процентов. Какая нам разница, кто тут будет следующим царьком? Я, говорит, посмотрел свою запись конференции и последующего совещания, это же дело безнадежное. Прямо как в басне Крылова, лебедь – рак – да щука тянут одеяло на себя и нам-то зачем сюда вмешиваться? То-то я удивился, что он все в сторонке держался на пресс-конференции, оказывается камерой все снимал. Молодец, надо будет посмотреть, как мы там выглядели.

Мы тут же обратили свои взоры на Стася. Парень он хороший, но Илья правильно говорит: что тут может путного выйти, если грызня идет не за право руководить страной на пути развития, а за право продавать ее по дешевке? Кандидаты, судя по тем рекламным роликам, что мы успели посмотреть, друг от друга отличаются только амбициями и габаритами. В остальном-то они ничем не отличаются друг от друга, каждый обещает всем сделать хорошо, но вот как и когда, тут ясности никакой, кто же в такие обещания поверит? Стас встал с плетеного кресла-качалки, в котором он любил отдыхать, прошелся по холлу и остановился напротив Ильи. Но обращался он ко всем нам.

Затем, говорит, что в этой стране Свободная Организация Человечества проводит первый раунд в борьбе за действительно свободное человечество. В конце концов, пора уже перестать быть стадом, ведомым на закланье ТНК. Каждый должен осознать себя гражданином сначала своей страны, а затем уж и всего мира. Вот для этого нас сюда и пригласили, чтобы мы могли внести посильный вклад в эту борьбу.

Смотрит мы на него и поражаемся: как он загорелся весь, произнося такие слова. Видно ведь, что человек искренне верит в то, что говорит, глаза у него сверкают, руками размахивает, будто птица перед взлетом... Переглянулись мы и нам даже как-то неудобно стало, мы-то ведь сюда ехали работать: систему свою в деле посмотреть, отладить, если какие огрехи выявятся. А о таких высоких материях и не задумывались. А тут на тебе – задумка-то оказывается с дальним прицелом, и мы тут вроде бы историю собираемся творить по большому счету...

Но Илья у нас скептик известный, даром что социолог. Ему высокие фразы о будущем и благородных целях как мертвому припарки. Какие есть конкретные основания для таких беспочвенных утверждений? Что с того, говорит, что система наша поможет выбрать одного из царьков? Разве от этого лучше станет простым работягам, которые продолжают горбатиться на новых хозяев, которые ничем не лучше старых? Откуда у них самосознание появится, если они никаких перемен в своей жизни не заметят? Ну, даже если и заметят, так только что у одного клана станут больше животы, появятся десяток

новых жен и машин, что им-то от этого? Национальная гордость появится или они за это себя уважать больше станут?

Стась от такого натиска должен был хотя бы сконфузиться, но он только усмехнулся, мол, не того напали. Завтра, говорит, даже если ответ премьера не получим, вы все узнаете и поймете. Покажет он нам, на чем его надежды основываются и почему СОЧ решила нашу систему использовать здесь. А чтобы мы все хорошо поняли, заявил он нам, давайте-ка спать пораньше ложитесь. Утро вечера умнее, закончил он и, уходя к себе, добавил, что завтра летать будем.

Самолет взмыл в густую синеву неба и направился на север, где кроме пустыни, если верить карте, ничего интересного не располагалось. Мы глазели вниз, разглядывая через иллюминаторы лоскуты полей и просторы саванны, где еще бродили редкие стада антилоп. Приземлились мы через пару часов и, подождав несколько минут, пока уляжется поднятая пыль, пересели в ожидавший нас джип с тонированными стеклами. На подлете Василий заметил какие-то строения, но Стась только хитро улыбался: мол, скоро все увидите, чего зря язык трепать.

Песок здесь был да глина, что тут могло понадобиться СОЧ было непонятно, но мы решили придерживаться вопросов, пока нам не объяснят. Машина выскочила на новенькое шоссе и резко прибавила скорости. Покрытие шоссе по цвету было чуть темнее окружающих песков и на бетон или асфальт не походило, скорее, походило на спеченный до стекловидного состояния песок, с шершавой поверхностью. Через десять минут мы подъехали к светлым воротам в высокой стене из того же материала, что и шоссе. Слева и справа от ворот метрах в ста, над стеной возвышались башни ветровых генераторов с конусами ветряков Сизова. Створки ворот раскрылись, и мы заехали во двор.

Мы оказались в поселке-комплексе, который год назад построили несколько десятков специалистов со всего мира и сотня местных жителей, выразивших желание жить и работать здесь. Все они прошли тщательный отбор на социальную совместимость по тест-программам СОЧ и профессиональную подготовку. Теперь население комплекса, вместе с семьями, составляло триста человек и, по расчетам руководителя комплекса, доктора социологии Арбиндо, должно было возрастать ежегодно на десяток человек за счет рождаемости.

Под предводительством высокого и жилистого доктора, оказавшегося выпускником Кембриджа, мы с интересом осмотрели удобные и просторные двухэтажные дома жителей. С удивлением побывали в цехах, где из сырья, лежащего под ногами делали стекло, кирпич, алюминиевый и стальной прокат. И уже с приоткрытыми ртами узнали о производстве удобрений и выделении чистых металлов из отходов,

осмотрели холодильные установки, скрытые в толще стен и потрогали черные панели солнечных батарей, которые производили здесь же...

Но больше всего нам понравился оазис в центре комплекса, где уже росло несколько десятков пальм вокруг бассейна с фонтаном. Доктор уверял нас, что через два года внутри ограды комплекса уже будет полно зелени, и в это можно было поверить, глядя на зеленеющие ростки кустов и деревьев, которые уже принялись в щедро удобренном биогумусом песке.

Стась держался теперь позади нас, предоставив доктору руководить экскурсией. Все, кто встречался нам, были заняты своими делами и на нас только горделиво поглядывали, не отвлекаясь. Даже дети, совершающие прогулку вокруг фонтана под руководством воспитательницы, только показывали на нас пальцами и смеялись.

Получалось, что комплекс этот из песка, глины и солончаков добывал металлы и удобрения, воду и кислород; с помощью плазмотронов из песка возводились пятиметровой высоты стены и башни, дороги и фундаменты домов. Доктор мечтал превратить окружающую пустыню, отрезая от нее разделительными стенами небольшие куски, в луга и леса. И в это вполне верилось, даже скептик Илья восхищенно вертел головой и прищелкивал пальцами. То шоссе, по которому мы приехали, было сделано из песка и в ста километрах южнее выходило на бетонку, ведущую к столице. Всю энергию здесь получали от ветровых генераторов и солнечных батарей. Если нет ветра, то есть солнце, и наоборот, пошутил доктор Арбиндо, увлеченно давая пояснения.

СОЧ помогла построить комплекс, оснастила его оборудованием и обучила персонал, поставила генетически модифицированные для местных условий семена растений, кустов и деревьев. Все остальное делали сами жители, они должны были сами осваивать пустыню, заниматься земледелием. Стада верблюдов и овец уже паслись с северной стороны комплекса, где подросла «песочная» трава и принялись модифицированные колючие кустарники, способные вытягивать влагу с глубины. А воду в комплексе запасали в виде льда, это ведь самый эффективный способ хранения.

И жители работали с удовольствием, ведь они теперь работали на себя, пояснял нам на обратном пути Стась, очень довольный произведенным на нас эффектом. Все технологии построены таким образом, что никаких отходов нет, все идет в дело. СОЧ использует такие на космических станциях, где строят челноки и проводят научные исследования. Второй комплекс сейчас строится на юге страны, в саванне и будет заниматься производством бумаги, тканей, стройматериалов из растительного сырья. Там будут печатать книги и учебники, шить одежду и производить легкие сборные дома.

Рты мы уже закрыли; каждый из нас, удобно развалившись в креслах самолета, молча переваривал впечатления и отличный обед, которым нас угостил в комплексе доктор Арбиндо, с удовольствием отмечая, что все продукты были своего производства.

По установившемся за наше пребывание обычаю, обсуждение началось после ужина. Стась для начала предложил посмотреть рекламный ролик еще одного кандидата в президенты. Фильм был снят очень хорошо, вид комплекса с высоты птичьего полета впечатлял, а компьютерная анимация показывала, как будет происходить дальнейшее развитие. На месте песков вырастали деревья; по зеленым полям бродили стада коров и овец; табуны лошадей скакали вдоль полосы кустарников, защищавших поля от песчаных бурь... Счастливые лица жителей и постройка новых домов; загрузка готовой продукции в грузовики и шоссе, уходящее за горизонт... Вдохновенное лицо доктора Арбиндо, призывающего соплеменников изменить свою жизнь, стать настоящими хозяевами своей страны и выбрать новую дорогу жизни. Смешной у него был наряд, да еще копье какое-то древнее в правой руке. Но смотрелся он гораздо лучше своих соперников, ролики которых напоминали рекламу жевательной резинки или зубной пасты. И лозунг у него был привлекательный и понятный: «Энергия и вода изменят пустыню навсегда!».

Теперь было понятно, кого решила поддержать СОЧ. Стас добавил, что по рангу местной иерархии доктор был на равных с остальными кандидатами. У него в предках тоже был какой-то местный царек, хотя сам он вполне довольствовался одной женой и имел всего одну машину, тот самый джип, на котором нас возили в комплекс.

Илья, согласившись с общим мнением, что ролик хорош, тем не менее, вновь набросился на Стася. Хорошо, говорил он, расхаживая перед нами, комплекс – дело хорошее. Но сколько таких комплексов надо будет построить, чтобы реализовать эти мечты? Кто будет за все это платить, СОЧ? Но ведь это внешнее вмешательство в дела страны, тут такой визг поднимется, что мало не покажется. И каким образом население страны, особенно в сельских районах, где проживает большинство, где практически нет телевидения, да и радио слушают не все, узнает об этом докторе? Без хорошей рекламной раскрутки, причем наглядной, ибо листовки или рекламу на щитах никто читать не будет, о докторе мало кто узнает. И кто тогда будет голосовать за него?

Стась с серьезным видом выслушал и собрался ответить, но его опередил Василий. Руководитель наш оказался парнем грамотным не только в конструировании систем. Зачем, говорит, мы сюда приехали, теперь прояснилось. СОЧ наверняка что-нибудь придумало для эффективной раскрутки своего кандидата, который ему очень понравился. И главный вопрос теперь в том, какую помощь может оказать наша группа, помимо того,

что мы должны сделать. Кому как, а мне, говорит, очень хочется, чтобы победил доктор Арбиндо. Таких ребят здесь бы побольше, может и вправду тогда страна поднимется.

Илья усмехнулся на это, а Стась, подождав немного, не выступит ли еще кто, поднялся с качалки своей любимой и заявил, что СОЧ всегда тщательно рассчитывает последствия своей помощи. И организация эта не альтруистическая, комплексы строятся с условием, что пятая часть доходов комплекса будет отходить ей. Экономическая эффективность в планах СОЧ не на последнем месте стоит. Аналитики заранее просчитывают различные варианты развития событий и готовят программу действий, охватывающую сразу все направления. И никакого постороннего вмешательства во внутренние дела страны здесь нет, так как комплексы принадлежат объединению местных жителей.

Что касается рекламной кампании доктора Арбиндо как кандидата, то здесь тоже все продумано и осуществляется в рамках закона. Аналитики знали, что в стране слабая информационная база, доступ к СМИ для доктора будет сильно ограничен соперниками, которые их и контролируют. Но что именно будет сделано – пока останется сюрпризом для всех. Как только будет получен ответ правительства, можно будет раскрыть карты. Нам он доверяет полностью, но вот то, что у здешних стен есть уши, в этом он совершенно уверен. И показал нам детектор «жучков», который весело помигивал индикаторами, подтверждая его слова. Федор хотел тут же заняться уничтожением вредных «насекомых», но Стась жестами остановил его и с помощью записки пояснил, что завтра появятся новые и их могут замаскировать получше. Пусть остаются те, что уже есть. А мы теперь в курсе происходящего и должны учитывать это в разговорах. А чего нам бояться, подумал я тогда, мы ведь никаких секретов не знаем, все что имеем, на конференции выложили.

Утром нас ожидал сюрприз от правительства. Прибыл посланник от премьера, и вся группа вместе со Стасем должна была отправиться на высокую аудиенцию. В старом здании с колоннами вдоль фасада мы поднялись на второй этаж по широкой мраморной лестнице и встретились с премьером в его просторном кабинете. Обстановка сугубо официальная, со стен из рамок портретов на нас смотрели суровые лица в мундирах, старинная мебель и хрустальные люстры внушали почтение своей старостью. Премьер вручил Станиславу ответ правительства и пригласил нас за длинный полированный стол, сделанный, судя по всему, из одного ствола гигантского дерева лет двести назад. Хозяин кабинета, расположившийся во главе стола, предложил нам по чашечке кофе или бокалу минералки, пока Стась знакомится с документом.

Когда Стась закончил изучать документ, он поднялся и поблагодарил правительство за оказанное доверие. После этого попросил у премьера разрешения проинформировать нас. Хозяин кабинета благосклонно кивнул и Стась по-русски сообщил нам, что программа СОЧ принята, подробности он расскажет дома, а сейчас мы должны решить одну важную проблему, которая касается именно нас. Оказалось, что правительство не доверяет никому из местных, и выставило встречное требование: обслуживание системы до окончания выборов должны осуществлять доверенные лица. То есть мы. Как производители системы мы лучше всех разбираемся в этой технике, а как русские, мы не имеем никакого влияния в этой стране и о нас здесь никто ничего не знает.

Мы растерянно переглянулись: остаться здесь еще на три месяца? Это надо обдумать. С кондачка такое не решается. Не то, чтобы мы были сразу «против». Но ведь у каждого были свои планы, у меня так вообще отпуск планировался после возвращения, семейный, с выездом на черноморский курорт... Стась, глянув на наши лица, быстро все сообразил и выпросил у премьера время на раздумья. До завтрашнего утра.

Получалось, что отказаться после того, что мы узнали накануне неудобно, мы ведь высказались в поддержку доктора. Да и, если подумать рассудительно, что нам мешало остаться и помочь? Дело ведь серьезное, стоящее. А до наших выборов еще полгода, да и есть там, кому управиться с подготовкой. Здесь же на нас у доктора одна надежда. Уедем мы и вполне может так случиться, что набранных нами людей заменят какими-нибудь недоумками, которые умудрятся что-нибудь испортить и тогда – пропали выборы, а с ними и надежды доктора и СОЧ.

А без помощи местных никак не обойтись, так уж лучше мы сами найдем себе помощников, и будем контролировать работу системы до последней минуты. Ну, а отпуск или другие дела придется отложить. Василий почесал в затылке, у него жена на сносях, но к рождению ребенка мы должны успеть вернуться. Федор сильно сокрушался, что девушку свою долго не увидит, так на это связь есть, через Сеть сможет налюбоваться. Илья же съязвил, что мол купили нас задешево, но когда я ему предложил билет заказать по телефону, обиделся и минут пять сидел в сторонке, пока мы с Институтом связывались через спутник.

Директор наш, Савелий Игнатьевич, выслушал Василия, пожевал губами и предложил составить к завтрашнему обеду план работ и финансовую заявку. Потом попросил передать привет доктору Арбиндо и пожелание победы на выборах от всего Института. Он его, оказывается, знал по проекту «Пустыня», познакомились в Монголии. Поинтересовавшись, не надо ли кого в помощь прислать, директор пожелал нам удачи и посоветовал «лицом в грязь не ударить».

Стась на время нашего совещания в город уехал за продуктами, а на самом-то деле, чтобы не давить на нашу психику, как он сам потом признался. Да только что ж мы, не понимаем, что ли ситуацию?..

Когда мы ему решение свое сообщили, очень обрадовался. Я, говорит, очень надеялся, что так и будет. Потачил нас в какой-то новый ресторанчик в городе, чтобы такое событие отметить. Ну, выпили мы там немного, поели морепродуктов, очень вкусно, оказалось, здесь умеют готовить, а потом вернулись домой, готовить план работ на ближайшие три месяца.

И началась работа. Многое пришлось нам пережить, а еще больше переделать за эти месяцы. И мне, слесарю пятого разряда работы нашлось достаточно: монтаж терминалов в кузова грузовиков, которые будут мотаться по поселкам и плантациям в день выборов; придумывать, как спутниковые антенны на тех же грузовиках крепить, чтобы данные передавать; вместе с остальными обучать экипажи машин, как обращаться с терминалами...

Помощников мы набирали с помощью доктора и его сподвижников в столице, ребят нам присылали хороших, на лету все схватывали и с инструментом обращались бережно. Тех, кто приходил к нам по направлению от правительственных структур приходилось отправлять несолоно хлебавши: каждый второй был либо агентом какой-нибудь секретной службы, либо каким-нибудь «племянником», ничего руками делать не умевшим.

И помогать группе СОЧ, что занималась проектом рекламной раскрутки доктора Арбиндо тоже надо было помочь. Хорошую вещь они придумали – рекламу показывать в небе. Десять дирижаблей, предоставленные СОЧ в аренду партии доктора Арбиндо за умеренную плату, таскали в небе над страной голографические проекторы два месяца, демонстрируя в вечернее время громадные изображения, вполне различимые с расстояния в десятки километров. Небольшие тридцатисекундные сюжеты про доктора и его сторонников чередовались с минутными статическими изображениями национальных символов.

Это была новая технология пиара, оказавшаяся настоящим сюрпризом для всех и по эффективности превзошла все остальные информационные каналы в этой стране. Но любая техника требует обслуживания, а иногда и ремонта, вот и моей бригаде приходилось несколько раз срочно выезжать в дальние районы, где дирижабль стоял на вынужденной стоянке в ожидании нашей помощи. Чаще всего приходилось чинить подвеску оборудования после встречи дирижабля с грозовым фронтом, ведь он неповоротлив, и на земле укрыться от непогоды не может. Насмотрелись мы на всяких

зверей и в песках, и в саванне, вместо трактора даже слонов использовали однажды. И везде нас встречали гостеприимно, сразу определяя, что мы не туристы-бездельники, а такие же работяги. И у меня постоянно держалось такое впечатление, что я никуда не уезжал, просто тайгу нашу и тундру заменили саванной и песками, а людей перекрасили в черный цвет. Илье я об этом не рассказывал, иначе бы он меня замучил своими тестами, а вот Василий меня поддержал, сообщив, что от общения с местными чиновниками он так же начинает закипать, как и на родине. Только здесь жара требует гораздо больших усилий, чтобы удержать себя в руках.

Всяко бывало, особенно поначалу. Информационная блокада, которой окружили доктора Арбиндо соперники была успешно сорвана после запуска дирижаблей, которые мы называли агитбригадами, а местные – ночными шаманами. После появления дирижабля над столицей многие осознали, каким мощным рекламным оружием обладает партия доктора, и захотели с ним подружиться. Только не все решили прекратить предвыборную борьбу, доходило и до потасовок на митингах, несколько активистов попали в больницу с ранениями. Пытались воздействовать и на нас, и чем меньше времени оставалось до выборов, тем сильнее становился нажим. Сначала нам делали сомнительные предложения посетить неких доброжелателей, желавших, впрочем только одного – получить доступ к управлению системой и изменить результаты в пользу одного из кандидатов. Потом дошло и до прямых угроз, на виллу прибыл десяток «голубых касок», охранять склад с терминалами. Столица кипела страстями, на улицах появились передвижные установки с мощными «звучками», только собирали они вокруг немного народа, вскоре расходившегося по своим делам. Обещания были такими, что в них никто всерьез поверить не мог. В сельской местности начались рейды вооруженных банд, пытавшихся с помощью демонстрации автоматов и пулеметов агитировать за своих кандидатов.

Только разве можно сравнить пустые обещания или угрозы с тем конкретным, что каждый житель мог увидеть в небе?! Там ведь таких же, как они сами показывали, занятых конкретным делом и не ждущих манны небесной. Это, мне кажется, было убедительнее всяческих воздушных замков. И день выборов прошел хорошо, хотя в некоторых районах были попытки сорвать голосование, а один грузовик с терминалом даже подожгли из гранатомета. Только камеры с отличной оптикой, установленные на дирижаблях вели постоянную трансляцию на государственный канал телевидения и те, кто хотел бы сорвать выборы или оказать давление на избирателей, сильно просчитались. Попробуй тут отправить головорезов в какой-нибудь поселок, если их рожи сразу попадут на экраны.

Система наша не подвела, все сто терминалов, которые за световой день смогли побывать в тысяче поселков и городах страны исправно собирали и передавали без сбоя информации в столицу. Системный блок прекрасно справился с обработкой данных в отеле «Хилтон», где все шесть кандидатов с различной реакцией наблюдали за цифрами на экранах мониторов.

Прощаясь с нами у челнока, президент Арбиндо передал благодарность Институту и личный привет нашему директору. Мы же пожелали ему развития и процветания, основа заложена, теперь только работать и работать. Пожав нам руки и выразив пожелание вновь встретиться с нами, президент выразил уверенность, что и наши выборы пройдут успешно и наш народ выберет достойного губернатора. В этом мы тоже не сомневались, но хотелось поскорее вернуться домой, чтобы самим убедиться. Кандидаты ведь и у нас разные встречаются, есть парочка бизнесменов с грязными руками, которым очень хочется во власть, и денег у них хватает, чтобы по деревням агитаторов своих с водкой рассылать. И дирижабли СОЧ в нашей предвыборной компании вполне могли пригодиться, так что возвращались мы полные новых планов и предложений, не только по системе «Глас народа». Впереди еще оставалась пара месяцев подготовки к выборам, опыта мы поднабрались, и оставалось только занять свои места.

Штуковины

Сколько раз Федор зарекался пить, но выдержать больше недели не получалось. Даже после того, как он стал обеспеченным, с точки зрения его соседки, Инны Валерьяновны. Старуха считала, что имея такие доходы, он мог бы закодироваться, вшить себе какой-нибудь ограничитель или пройти курс лечения в клинике... Это было бы хорошо для нее и безопаснее для соседей снизу. Ведь не раз он устраивал им потопы, и только её бдительность и наличие запасных ключей спасали его от выселения. Всё это Фёдор в очередной раз выслушал, покорно склонив голову и опираясь двумя руками в железную дверь своей квартиры. Не понимала она его, совсем не понимала! Именно наличие денег мешало ему, если бы их не было, он бы не пил!...

Стоять прямо он уже не мог, хотелось лечь и, сжавшись калачиком, заснуть. Соседка гудела как назойливая муха, но сил отогнать её не было. Тем более, не было сил достать ключи. Все силы уходили на то, чтобы удержаться и не упасть, прямо на дверь лицом. Наконец, соседка высказала всё, что смогла и, вытащив заранее приготовленный ключ, открыла замок и недовольно поджала губы. Фёдор с большим трудом смог заставить свою левую руку соскользнуть по двери к ручке и нажать на неё. Теперь предстояло выполнить более сложное упражнение: оттолкнуться от двери, не отпуская ручку потянуть её за собой и успеть шагнуть вправо, чтобы попасть в квартиру через образовавшийся проем. Всё-таки как были хорошо устроены двери раньше, когда они были деревянными и открывались вовнутрь. Попасть домой было проще простого – повернул ключ и падай!...

Утром он добрался до работы вовремя, что можно было посчитать чудом: за полчаса преодолеть маршрут, на который обычно уходит не меньше сорока минут. Фёдор даже проверил часы, достав сотовый телефон – отклонение в несколько секунд, все в порядке. Головная боль дала о себе знать, когда он поднимался по ступенькам из метро. Но на улице легче не стало, от автомобильной вонь начало мутить и пришлось постоять немного, делая вид, что разглядывает витрину с манекенами, обряженными в модные тряпки.

В магазине уже хозяйничала Лиза: жалюзи на окнах были подняты, неяркий свет создавал уют, замечательно пахло кофе. Запах отвлек его от горестных раздумий о слабости своего характера. Бодрая и жизнерадостная толстушка, с крашеными под серебро волосами, румяная и курносая, улыбнулась зелеными губами и помахала рукой из-за своего монитора.

- Привет, Федор!

- Привет, Ли! Есть там ещё кофе? – Добравшись до кресла для посетителей у большого круглого стола, в самом дальнем от двери углу, на котором лежало несколько больших плетеных салфеток, Федор осторожно сел и принялся растирать пальцами затылок. Лиза подошла, поставила перед ним чашку на блюдечке, села в кресло напротив и усмехнулась. И как можно красить губы такой помадой? Хотя ей это идет, особенно при искусственном освещении.

- Как вчера прошло? Опять крепко поддавали? Ладно, можешь не говорить, сама вижу. Пей лучше, пока горячий. Сахар я бросила как обычно, три кусочка и размешала.

- Ох, спасибо, Ли. – Он принялся отпивать мелкими глотками крепкий горячий напиток, вдыхая горячий аромат, закрыв глаза. Сразу возникла яркая картина, как всегда бывало, когда он пил горячий кофе с закрытыми глазами: серо-желтые барханы под бледно-синим, будто выцветшим небом и вдалеке, колышущийся в жарком мареве караван из десятка верблюдов, бредущих размеренно и неторопливо. На лбу выступила испарина, будто он и вправду побывал там, в неизвестно где располагающейся пустыне, прогrelся под лучами жгучего солнца.

- Что, полегчало? – участливо спросила Лиза, когда он открыл глаза. Федор согласно кивнул.

– Ну, то-то! - Лиза, довольная собой, поднялась и отправилась к своему столу.

- А что, Михалыч не приходил ещё? – спросил он вслед, зная, что хозяин раньше одиннадцати появляется редко.

- Нет, не приходил. Хотя мне показалось, что вчера он возвращался. Может, даже хотел заночевать здесь, но утром я его не видела...

- Ага, - протянул Федор, зевая. – С чего бы это? Вроде бы с клиентом мы вместе попку обмывали, он ничего не сказал. И срочного не было ничего, я бы узнал...

Достав «сотку», Федор просмотрел сообщения: ничего нового со вчерашнего вечера не поступало.

– Странно, может, тебе показалось?

- Ну конечно, - обидчиво надула губы Лиза. – Пылесосы ещё работали, когда я пришла. В запаснике кто-то был, там ящик стоит открытый. И в гостевой чашка немытая осталась... Говорю вам, чтобы убрали посуду в мойку, да толку нет...

Федор нахмурился и встал. Надо самому посмотреть, может, хозяин действительно приходил или, не дай Бог, приводил кого... Такое пару раз было: после выпивки хочется ему покуражиться, вот и тащит кого-нибудь в магазин, сколько раз ругались из-за этого... Один раз девку какую-то притащил, кольцо Русалки хотел подарить. К счастью, не получилось, оно ведь капризное, колечко это... Хозяин, видно, забыл, что колечко можно

только обменять и условия обмена само выбирает. Получилось тогда некрасиво, девка морду Михайлычу исцарапала тогда здорово. Зато экспонат на месте остался...

Другой раз клиента притащил, да никак найти не мог Трехпалого, его тогда только привезли, место не успели подобрать, оставили в коробке, а хозяин запомнил. Пришлось Федору среди ночи вставать, бежать на работу, сломя голову... Трехпалого нашли, только клиент так и ушел пустой... Не понял он ничего в этой деревяшке, да и мы ещё мало знали, получилось одно расстройство и головная боль. Зато потом, когда ученые разобрались, что он раны быстро залечивает, Трехпалый на торгах ушёл влёт!...

В запаснике стоял открытым ящик с медными «лепешками», как Федор сразу окрестил находку каспийских нефтяников. Совсем ведь случайно нашли, что-то у них там с буровой установкой на платформе случилось, послали водолазов, один и заметил их на тридцатиметровой глубине. Случайно заметил, что выступает что-то из ила, подошел поближе... Хорошо, что там, на буровой однокашник его по институту, Генка, оказался, быстро выкупил находку у водолаза, как потом сказал по секрету – за сотню евро. Сообщение прислал сразу, уже слышал о нашей фирме. Хозяин поторговался, Генка уступил, сошлись на полутора тысячах, баксов. За деньгами Генка сам приезжал, довольный как кот, сметаны наевшийся. Теперь надо «лепешки» на исследование пристроить, институт подобрать, где спецы по металлам и сплавам. Повозятся недельку и выдадут результаты исследований, как полагается, с подписями и печатями. Хозяин в последнее время требует, чтобы не меньше двух академиков или член-коров подписывались, марку держит. И правильно, за такие деньги, какие он ученым отстегивает, да ещё и налом, и академику расписаться не стыдно. Работу-то они на совесть делают, без всяких там фальсификаций.

Да, вот они, две «лепешки», лежат себе, спокойненько одна на другой, зеленую бронзы окисленной отсвечивают под лампой. И действительно ведь, больше всего похожи на лепешки, какие в степи пекут, нашлапывая тесто на горячую стенку тандыра. Вкусные лепешки, сам пробовал, когда на практике работал. Вот только как можно было следы пальцев оставить на бронзе, непонятно. Даже капиллярные линии видны... Надо будет вечером самому их посмотреть. Генка говорил, что друг от друга отталкиваются. Водолаз, кстати, именно потому их и нашел, что наступил на бугорок ила, а его возьми и приподними... Получалось, что если эти лепешки отпечатками человеческих ладоней сложить, то они отталкиваются друг от друга, и, если верить Генке, чем сильнее давишь, тем больше отталкиваются. А если обратной стороной их приложить, то они спокойно соприкасаются, как и обычные лепешки.

Ну, с этим еще ученым надо повозиться, но цена на них будет немаленькая. Редко когда попадаются вещи с такими хорошо выраженными свойствами, вполне доступными для понимания покупателей. А то попробуй, объясни «новому русскому», а равно как и другим «новым», что Пустынное Древо, к примеру, тоже вещь уникальная: сухостоина, без корней, без единого листочка, безо всякой воды обходится, но раз в два года зацветает...

Значит, хозяин на «лепешки» полюбоваться приходил, не выдержал до утра, решил посмотреть, на что свои денежки потратил. Ладно, это не возбраняется...

Закрыв крышку пластикового контейнера, Федор осмотрелся: на полках вроде бы всё стоит, как и стояло. Контейнеры в углу тоже стоят, крышки опломбированы, это как раз те штуковины, что вчера самолетом из Южной Америки привезли. Надо посмотреть документы, все ли прибыло, а то ведь латиносы ребята ушлые, за ними глаз да глаз нужен. Жаль, что без хозяина ящики не откроешь, пломбы только он лично снимает, а у самого руки дрожат от нетерпения. Но это понятно, интересно ведь, да и азарт есть, ведь эти штуковины обратно не вернешь, рисковать приходится.

Сколько уже диковинок продали, но спрос растёт, только успевай привозить. Вовремя Фёдор с хозяином повстречался, можно сказать, им обоим повезло. Хозяину – с тем, что человека встретил с классной идеей, а Федору – что пристроился, наконец, на денежную и не пыльную работу, второй человек на фирме. А то бегал бы сейчас в каком-нибудь офисе и чинил компьютеры, за гроши...

В гостевой комнате, больше похожей на гостиничный номер класса «люкс», действительно кто-то побывал ночью, на столике стояла кофейная чашка с засохшим осадком. Одно кресло было отодвинуто от столика так, как обычно отодвигал его хозяин, когда смотрел материалы на большом экране, в богато украшенной резьбой раме над камином. Мода нынче такая пошла, экраны-картины, аляповато, но для хозяина в самый раз. Он ведь на водке поднялся, с его-то средним образованием так бы и торговал самопалом, если бы на Федора не наткнулся. Зато теперь весьма уважаемый человек, в определенных кругах, конечно. Манеры перенимает культурные, учится жить красиво.

Сейчас на экране отображалась копия картины какого-то абстракциониста, Федор в них совсем не разбирался, в этом больше Ли понимала. Что-то интересное в этой картине было, разноцветные пятна и простые геометрические фигуры были нагромождены не просто так, посмотришь и будто знакомое что-то, но сразу не угадаешь, надо посидеть, подумать...

Федор чертыхнулся и отвел взгляд: некогда картину разглядывать, надо осмотреть всё внимательно, не приводил ли кого хозяин с собой. Вроде бы никого: кровать не смята,

полотенца в ванной сухие, даже в баре порядок. Хозяин любил хвастаться перед гостями запасом напитков в холодильнике и баре, а тут на столе одна только кофейная чашка.

Бросив последний взгляд на стеклянный куб с Пустынным Древом, на которое пока покупателей не находилось, слишком высокую цену хозяин выставил, когда сам увидел, как оно цветет, Федор вышел из гостевой. По пути в торговый зал зачем-то начал вычислять, когда оно должно будет зацвести в очередной раз. Получалось, что в сентябре, ближе к середине, если верить тем слухам, которые ему удалось собрать в Кара-Кумах. Это была одна из первых его сделок, когда вся эта затея с торговлей необычными вещами только начиналась. Он тогда ещё сам выезжал на места, чтобы проверить подлинность товара и расплатиться на месте. Вот же было времечко...

Теперь двадцать шесть агентов работают, а сколько еще информаторов... Сотни полторы наберется, пожалуй. Да, дело растёт, если так дальше пойдет, придется помощника заводить. Надо поискать среди студентов–дипломников, есть ребята толковые и не гордые, будут работать за совесть, хоть и не по специальности. Но тут уж надо выбирать: или мизерная зарплата и неуверенность в завтрашнем дне, или приличные деньги и возможность посмотреть на странные вещи и странных людей, которые эти вещи покупают.

- Ты где пропадал? – поинтересовалась Лиза, ловко орудуя метелочкой из перьев, сметая пыль с экспонатов, расставленных на стеклянных полках.

- Да не пропадал я нигде, - рассеянно ответил Федор, усаживаясь за стол и включая компьютер. Он раздумывал, стоит ли сейчас звонить хозяину или лучше ближе к обеду, чтобы не попасть под плохое настроение. Очень ему хотелось посмотреть на новинки.

- Как это, не пропал? – Лиза возмущенно махнула метелкой и подбоченилась. – Сорок минут смотрел на пустую чашку? Я тут с клиентом десять минут договаривалась по телефону, вдруг, кто бы зашел с улицы...

- Каких сорок минут? – растерянно смотрел на нее Федор. – Я там минут пять был, от силы десять, чего ты городишь огород?

- Тьфу на тебя. Думает, я его разыгрывать буду..., - Лиза притопнула возмущенно, взмахнула метелочкой и снова принялась за работу, ворча что-то себе под нос.

- Да ладно тебе, Ли, - буркнул Федор, поднял руку и посмотрел на часы: четверть двенадцатого. Вот черт! Не может такого быть! Не мог же он столько проторчать в гостевой... Посмотрел на монитор – шестнадцать минут двенадцатого, все правильно. Остается только решить, стоит ли считать это последствием вчерашнего вечера или ... на картинку засмотрелся? Раньше у него никогда не было таких выпадений памяти, все последствия попок сводились к головной боли и неважном общем самочувствии. Или...?

Все-таки третий год он возится с этими штуковинами-дикувинами, может от них это? До сих пор ничего такого не было, да и быть не могло. Это только в книжках необычное происходит, всякие там нуль-переходы или машины времени... Нет, все-таки надо с алкоголем завязывать. С этим делом откладывать нельзя, огорченно думал Федор, упершись взглядом монитор, где появилась заставка. Придется к врачам идти, какие-нибудь таблетки глотать или кодироваться, но ведь совсем не хочется...

А сейчас надо работать, спохватился он. Ежедневная сводка даже не начата! Новое поступление не оформлено, информаторы ответа ждут... Черт бы побрал хозяина, приходящего не вовремя.

- В четыре придет клиент, этот, как его... ну этот, старикашка с портфелем. Хочет новенькое поступление посмотреть, – крикнула через полчаса недовольным голосом Лиза через весь магазин. Федор, приступивший к просмотру сообщений, только отмахнулся: - Ладно, понял...

В час Лиза позвала обедать, обратившись по имени-отчеству, обиду свою демонстрируя. Федор сохранил незаконченную сводку и, ругая себя за то, что сразу не помирился с ней, пошел закрывать входную дверь. На полчаса. Если уж кому сильно приспичит, то немного подождут. Солидные покупатели договариваются о посещении заранее, а праздношатающихся зевак ничто не привлекает, витрин внешних нет, окна с зеркальными стеклами. И вывеска у них неброская, ничего зевакам не говорящая: «Артефакт». Большинство прохожих считают, наверное, что здесь располагается какое-нибудь агентство, информационное или экономическое. Редко кто, прочитав название, решается зайти. Мало ведь кто понимает значение этого слова, особенно из тех, кто может днем прогуливаться и вывески разглядывать.

Лиза считает, что большинство из тех, кто проходит мимо, просто не замечает вывески, или не успевает прочитать название на бегу. С этим можно было поспорить, что они и делали неоднократно. У Федора имелось свое мнение, с которым она, историк по образованию, соглашаться никак не хотела.

«Безграмотных становится все больше, книг читают все меньше. Специалистов готовят много, но при этом специализация сужает их образование, делает зашоренными от всего, что не касается непосредственно работы. Мир духовный все больше сводится к удовлетворению плотских желаний, которые внедряются в людей всеми средствами массовой информации, усердно и успешно подменяющих любознательность любопытством, сводящих культуру к умению пользоваться столовыми приборами и образованность к способности читать этикетки на товарах или сообщения на мобильнике. Да и это скоро станет ненужным, видеосвязь развивается, услуги дешевеют... А

самообразование требует напряжения и под силу не каждому, особенно на фоне того, что пропагандируется теми же СМИ. Покупай прокладки и памперсы, борись с перхотью и пей «Спрайт», чтобы идти в ногу со временем... Как мало оказывается надо, чтобы быть новым поколением! Да здравствует общество потребителей, особенно приветствуем тех, кто имеет толстый кошелек!»

В ответ на такие эскапады Лиза, приводила примеры из области статистики, трясла распечатками таблиц и диаграмм, где линии и кривые тянулись вверх. Яростно доказывала обратное.

«Образованность растет, наша страна самая читающая, наши спецы пользуются спросом везде... Культура возрождается постепенно, но процесс идет: вон сколько храмов восстановили и построили, произведения искусства возвращаются в страну, необычайный возрос спрос на исторические предметы, люди интересуются сведениями о своих предках... И богатые люди вносят свой вклад в возрождение культуры страны и ее традиций - сколько они тратят на то, чтобы вернуть национальные сокровища на родину.... И система дистанционного обучения развивается, теперь любой сельский житель может получить диплом любого университета... Даже мы вносим свой вклад в развитие культуры, ведь наши товары пробуждают в покупателях интерес и могут послужить развитию науки и техники...»

Невозможно было ее остановить, ничего она не слышала, да и слушать не хотела. Она верила в то, что ей преподносили СМИ, совершенно не воспринимая негативные сообщения и вылавливая всё, что совпадало с ее точкой зрения. Кто в заброшенных деревнях и селах может позволить себе подключение к Сети? Сколько сейчас стоит хорошее «железо» и спутниковая связь? Там телевизоров-то почти нет, так как нет электричества, за которое нечем платить... Она этого не слышала, талдыча свое о прогрессе и развитии.

После рассмотрения таких, предвзято подобранных, аргументов Федор мог только шипеть и сверкать глазами, так как очень хотелось перейти на ненормативную лексику, но при Лизе выражаться было нельзя, она это сразу оговорила при поступлении на работу. Даже в контракт это требование внесли. Хозяин при ней тоже сдерживался, порой изо всех сил. Все-таки, специалист она хороший, особенно по истории древних азиатских царств и империй. Такое иной раз клиентам наплетет, что те только рты разевают и ушами хлопают. И, что самое важное, товар после этого берут с энтузиазмом. Да и знание двух языков, французского и английского было весомым плюсом. Таких работников найти трудно, чтобы и работой всерьез интересовались, не требовали больше того, что дают, да еще могли по собственной инициативе пыль с экспонатов смахивать.

- Слушай, Ли, что-то у меня сегодня с памятью плохо,- сделал Федор попытку примирения, засовывая в микроволновку обеденный комплект. – Вот, хоть убей, не могу вспомнить, что я так долго в гостевой делал. Так ведь не бывает, чтобы на полчаса сознание потерять и не заметить этого. Я ведь там действительно не задерживался...

- Меньше пить надо, - покосилась на него Лиза, и Федор понял, что она уже не сердится на него. – Ешь, давай, а то и про обед забудешь. И не забудь, что в четыре клиент придет, Савельев.

- Хорошо. Постараюсь. Только сводку закончу, и буду готовиться к приходу клиента. – Федор вытащил разогретый комплект и содрал упаковочную пленку.

Удобная вещь, эти полуфабрикаты – сунул в микроволновку комплект на пару минут и готово. Открывай и ешь, потом бросил упаковку в утилизатор и мыть посуду не надо. Только ложки-вилки, но это мелочи. Молодцы, работники общепита, быстро все перехватывают у иностранцев, да еще умудряются свой вклад внести. Только вот чай у них жидковат. Поэтому чай из пластиковой чашки он пить не стал, протянул Лизе свою большую фаянсовую кружку. Лучше того чая, что Лиза заваривает по своей мудреной процедуре, он не встречал еще. Она всегда какие-то новые сорта приносит, то китайский, то цейлонский... И процесс заваривания у нее сложный, как процесс запуска космического корабля: проходит строго по минутам, не дай бог отвлечь в это время...

Допивая вторую кружку чая с названием «След зеленого дракона, спустившегося в сад перед дождем», как сообщила с торжественностью Ли, отдающего немного пряным запахом, чем-то похожим на запах спелого яблока, нагретого солнцем, Федор вспомнил про хозяина.

- Да, что-то сегодня он не торопится, - согласно кивнула Лиза, держа нос над своей чашкой и глубоко вдыхая аромат.

- Надо ему позвонить, старикашка Савельев может и обидеться, если его не будет в четыре. – Федор достал сотку, но дозвониться снова не смог. – Вне зоны, черт возьми, куда он мог уехать?!

- Может быть, дома отсыпается после вчерашнего, - предположила Лиза, убирая подносы со стола. – Ты мог бы и посмотреть, когда он ушел...

Стукнув себя по лбу за недогадливость, Федор решил срочно закончить сводку и сразу просмотреть запись камер наблюдения. Ведь действительно, через охранную систему можно легко выяснить, когда хозяин ушел. Дома у него работает автоответчик, сотовый недоступен. Обычно один из телефонов всегда работает, даже когда он уезжает «за бугор». На него это непохоже.

- Ты бы дверь открыл, а то там какой-то молодой человек стоит, - Лиза прервала его размышления и кивнула в сторону дверей. Сама отправилась выносить мусор и мыть посуду. Федор, недовольный тем, что его опять отвлекают, глянул: действительно, парень стоит, пальчиком по стеклу постукивает. На клиента не очень похоже, простовато выглядит, хотя и в костюме. Хотя сейчас по внешнему виду клиента не разберешь, кто во что горазд одевается. Был тут, неделю назад один тип, в футболочке и потертых джинсах. Такого в ресторан приличный не пустят, зато купил Головешку с Байкала, не торгуясь. Она месяц стояла на торгах, старикашка Савельев на нее всё облизывался, а потом локти кусал, что не ему досталось. Так этот тип деньги по Сети сбросил, а сам из Тюмени прилетел на своем самолете. Хорошо они тогда проводили его, весело...

Парень, слегка кивнув, прошел в открытую дверь, небрежно пожав плечами на невнятные извинения Федора и, остановился в двух шагах от входа, внимательно оглядываясь. У Федора возникло ощущение, что парень этот не любопытный прохожий, и не будет он сорить деньгами. Не интересуют его экспонаты, красиво выставленные и подсвеченные на полках, стоящие на подставках или лежащие под стеклом. Не интересно ему знать, сколько стоит, например, Пустынное Древо, совсем не интересно. Другое его интересует и очень плохо, что хозяина до сих пор нет.

- Неплохо, очень даже неплохо. Здравствуйте, - посетитель все еще осматривался, когда появилась Лиза. Она бросила вопросительный взгляд на Федора, тот только плечами слегка пожал, мол, ладно, сам разберусь, и тут же приветливо улыбнулся - гость повернулся к нему. Федор, глянул в серые глаза гостя, показавшиеся ему пустыми и холодными, отвел взгляд и с холодной вежливостью поинтересовался: - Чем интересуетесь? Что-то конкретное ищете или просто посмотреть хотите?

- Да, - ответил гость, с некоторой насмешкой в голосе. Потом пояснил: - Хочется что-нибудь необычное посмотреть, вдруг пригодится. На подарок, например. Вот и решил заглянуть к вам.

- Тогда вам лучше посмотреть вот здесь, - Федор засомневался в своих предположениях и, для пробы, подвел посетителя к застекленной витрине с мелкими и недорогими вещицами, которые для настоящих клиентов интереса никакого не представляли, а выставлены были специально для любопытствующих. Ни одной, по-настоящему, ценной вещи здесь не было. Так, красивые безделушки, которые продают в сувенирных магазинчиках, поделки ремесленников из камня, раковин, дерева и металла. Парень, которому, на первый взгляд, было не больше тридцати, осматривал полки так, будто текст читал: слева-направо и сверху-вниз. И вопросов не задавал, молча слушал

краткие пояснения и о цене не спрашивал. Все-таки любопытствующий, успокаиваясь, решил Федор и кивнул Лизе, чтобы она взяла посетителя на себя.

– Если желаете, наш консультант, Елизавета Аркадьевна, расскажет вам подробно о каждом экспонате.

Лиза подошла и Федор, подмигнув ей, чтобы она поскорее выпроводила клиента, повернулся, собираясь вернуться к работе над сводкой, но парень цепко ухватил его за руку, чуть выше локтя.

- Вы знаете, лучше я вас еще послушаю, - твердо и с белозубой улыбкой произнес он и кивнул Лизе. – Благодарю, но не стоит беспокоиться. Мне нравится, как вы работаете.

- Вы знаете, у меня очень много другой работы, - натянуто улыбнулся Федор, шевельнув рукой, пытаясь освободиться, но парень не собирался отпускать его. Лиза бросила тревожный взгляд на Федора: может, вызвать подкрепление в виде охранника от соседей, чей офис занимал второй этаж и охранялся круглосуточно тремя крепкими парнями с помповыми ружьями? Соседи занимались игорным бизнесом и в охране у них были ребята крепкие на вид, хозяин сразу договорился о поддержке в случае непредвиденных обстоятельств и сигнализацию провел, параллельно с той, что шла в охранную контору. Так ему казалось надежнее.

Федор подумал, что на грабителя парень не похож, а если из проверяющих, то охрана соседей будет бесполезна, или даже наоборот, создаст осложнения, если окажется, что парень из какой-нибудь государственной конторы. Федор, скрипя зубами, решил справиться с нахальным посетителем самостоятельно. Отрицательно качнул головой, но Лиза нахмурилась и прошла к своему столу, поближе к кнопке тревоги, находящейся под столешницей. Клиент, отпустил Федора и, как ни в чем не бывало, снова повернулся к витрине.

- Так что вас заинтересовало? – спросил, сдерживая раздражение, Федор, гадая, что же все-таки надо этому типу. На бандита он не похож, на «нового русского» тоже, остаются ...только государственные органы, контролирующие и проверяющие, коих теперь расплодилось безмерно. И каждый член этих органов считал своей обязанностью с каждого бизнеса срезать свой ломтик, желательно пожирней. С такими всегда работал сам хозяин, который знал всю «верхушку» района и знал, с кем надо делиться и в каком размере давать взятки.

- Мне надо встретиться с вашим хозяином, Федор Геннадьевич, - негромко сказал посетитель. Федор вздрогнул, машинально хотел сказать, что он тоже этого хочет, но

вовремя спохватился и только пожал плечами. – Это важно для Валерия Михайловича. И не терпит отлагательств.

- Его сейчас нет, может быть, что-то передать, когда он появится? – Федор опять засомневался, уж не клиент ли это? А может поставщик, который самостоятельно решил выйти на хозяина? Но все равно хозяин его к нему же и отправит, все-таки он здесь главный эксперт по шуковинам.

Посетитель промолчал и посмотрел на его отражение в стекле витрины. Федор решил, что этот тип вовсе не из проверяющих органов. Те сразу выдают себя блеском глаз и некоторой развязностью, скрывающей алчность и неуверенность. Они ведь очень хотят получить мзду и в то же время опасаются, как бы их не схватили за руку. Этот смотрел уверенно и устало, будто знал всё про всех, всю подноготную каждого знал, и неинтересно ему уже было играть в какие-то словесные игры. Тоже мне, комиссар Мегре задрипанный, подумал почему-то Федор. Нет, чтобы сразу сказать, что надо, строит тут из себя...

- А вы, извините, по какому вопросу? Может быть вам лучше созвониться с Валерием Михалычем? Вы хотите что-то предложить? – спросил Федор и сразу понял, что сказал глупость. Этот тип наверняка знает все телефоны и уж, наверняка, пытался дозвониться до хозяина. Тогда чего он сюда пришел? Думает, что хозяин прячется от звонков в магазине? Только это ведь глупо, у хозяина есть несколько уютных гнездышек, где он может укрыться от нежелательных контактов на любой срок. А в магазине прятаться только круглый дурак станет. Да и отчего ему прятаться?...

- Я по личному вопросу, - странный посетитель обернулся и уставился в глаза Федору. Глаза у типа были неприятные, как буравчики, и он не отводил взгляда. А вокруг глаз и на лбу – мелкие морщинки. Все сорок ему было, решил Федор. Просто подтянутый он, хорошо выглядит, наверное, спортом занимается и не пьет. – Но теперь вижу, что здесь его действительно нет. А жаль...

Федор только кивнул согласно, сбитый с толку, потом понял, что ведет себя глупо, и решил возмутиться.

- Тогда чего вы хотите? Если знаете, что его нет... Зачем устраивать этот спектакль? Приходите, когда он будет здесь. - Федор драматическим жестом указал посетителю на выход, но тот не обратил на это внимания. Федор в замешательстве даже закашлялся, раздумывая, а не вытолкать ли ему этого нахала. Пусть и крепкий он, но ведь явно напрашивается на грубость.

- Успокойтесь, Федор Геннадьевич, я еще не закончил. Мне надо чтобы вы срочно нашли Валерия Михайловича и передали ему..., - негромко заговорил посетитель, глядя на витрину.

Но Федор раздраженно прервал его: - Извините, но вы и сами можете передать ему все, что хотите, когда он появится. Оставьте вашу визитку, - с ехидцей добавил Федор, но посетитель снова проигнорировал его слова, только метнул на него взгляд и усмехнувшись, шагнул в сторону следующей витрины, где располагались куски ракет и блоков оборудования, оплавленные или покореженные. Федор схватил посетителя за правую руку, но тот неожиданно легко освободился и резко повернулся к обеспокоенной Лизе, уже потянувшейся к кнопке тревоги: - Не надо беспокоить соседей, Елизавета Аркадьевна, не надо.

Лиза, с широко раскрытыми глазами, медленно откинулась в кресле, вымученно улыбаясь и часто кивая головой. Федор понял, что она перепугана и может начать истерику, надо ее успокоить, воды, что ли, дать. А потом выпроводить этого наглого всезнайку. Он хотел пройти к стойке и налить ей минералки из холодильника, была там бутылка «Боржоми»... Но не успел он сделать и шага мимо посетителя, как в руку снова впились, как железные крючья, пальцы этого странного посетителя и Федор, досадуя на помеху, рванулся вперед... и мир вокруг внезапно перевернулся...

- ...Тоже занимаемся, но средств выделяется мало. Поэтому ваша деятельность нас заинтересовала. Вот я и решил познакомиться поближе. – Капитан Костенко усмехнулся и поставил на столик бокал с минералкой. От кофе он сразу отказался, сказал, что не хочет сердце подсаживать кофеином. – Сожалею, что напугал девушку, действительно сожалею. Все мы сейчас нервные стали, раздражительные...

- Да ладно, ничего страшного, - потер правое предплечье Федор и взял чашку с кофе левой рукой.

Действительно, что тут страшного: пришел человек с улицы, всех знает по именам, ведет себя странно, наводит тень на плетень... А когда все уже на взводе и надо успокоить перепугавшуюся Ли, посетитель демонстрирует свою силу и знание приемов борьбы. Со стороны наверное очень смешно выглядело, когда Федор кувыркнулся через голову и распластался на полу, едва не впечатавшись лицом в гранитные плитки. А после этого достает удостоверение капитана ФСБ... Хорошо хоть не пистолет. Но Лиза молодец, про истерику сразу забыла, бросилась на помощь...

Капитан плечо Федору промял-прощупал, чтобы успокоить Лизу, нет мол переломов. Мог бы и не демонстрировать свои умения, показушник чертов. Наверняка ведь хотел впечатление произвести – вот мол, какой я крутой... Федор хотел послать его

куда подальше, когда очухался, но передумал. Все-таки лучше было выяснить, что же спецслужбам понадобилось от хозяина. Вот и пошли они в гостевую, чтобы за чашкой кофе мирно побеседовать.

- ...Просто необычно для Валерия Михайловича... Он всегда до обеда приходит, если что-то срочное – так всегда звонит, предупреждает, что задерживается. А сегодня как-то так, ни звонка, ни сообщения... Непонятно, где он, что с ним...

- А вот скажите, Федор, сколько может такой вот экспонат стоить, - показал на Пустынное Древо капитан, игнорируя намеки Федора.

- Двести тысяч, - после некоторой заминки, с усмешкой ответил Федор. – Евро. Но это так, для прайса. Валерий Михайлович его продавать не хочет, один раз увидел, как оно цветет и все – был потрясен и решил оставить.

- Красиво, наверное, - на капитана такая цена впечатления не произвела.

Федор снова усмехнулся. Конечно, когда государственные средства используешь, масштабы другие. А вот клиенты свои эмоции не скрывают, у них глаза на лоб лезут, когда цену узнают. Но кое-кто после просмотра видеосъемки, которую сделал Федор, причем успел снять только последнюю фазу цветения - неожиданно все тогда началось, задумываться начал и, чуял Федор, скоро придется хозяину цену поднимать, чтобы не ушло Древо в чужие руки.

- А вас, наверное, больше интересуют такие вещи, которые что-то техническое представляют? Или все подряд? Тут ведь разделить трудно, что к технике, а что к психологии или, скажем, к биологии относится. Думаю, что вы все отчеты, которые мы получаем из разных НИИ, тоже просматриваете. – Федору было интересно услышать ответ, ведь он не раз задумывался, почему на их деятельность никто не обращает внимания. Даже обижался, что государство так безразлично к тем находкам, которыми они торговали. Среди экспонатов попадались весьма загадочные вещицы, но никто из тех, кто проводил исследования особых эмоций не проявлял, будто к ним каждый день такое попадало. Но теперь-то понятно, почему...

- Конечно, - ответил капитан, будто гвоздь забил. Федор решил зайти с другой стороны. Не хочет гость непрошенный говорить на эту тему, попробуем другую.

- И много ли еще желающих такими вещами заниматься? – спросил Федор и на вопросительный взгляд, пояснил: - Ну, у нас в стране... Да и за рубежом, тоже. Хотелось бы знать своих конкурентов, у вас ведь наверняка все это отслеживается?

- Желающих хватает, но не всем по карману такие дела вести. Таких как ваша фирма в СНГ больше нет, несколько мелких посредников не в счет. Тут вы вне конкуренции, вовремя начали. А за рубежом... там направленность несколько иная, они

больше внешними материалами увлекаются, с Луны или тем, что падает сверху... Метеориты, обломки ракет или «шаттлов». А такими вещами, какие вы продаете, больше организации интересуются. Есть несколько частных институтов, вроде наших НИИ, но что они делают и к каким выводам приходят, узнать трудно.

- Но можно, - уверенно продолжил Федор, когда капитан, снова игнорируя его намеки, о чем-то задумался, разглядывая пустой бокал. – Все равно ведь результаты исследований как-то используются. В той же медицине, или биологии... У нас ведь тоже должны понимать, что такие вещи могут дать новые знания, новые технологии. Сейчас ведь некоторые бывшие государственные институты стали частными, наверняка ведь теперь они сами планируют, чем заниматься. Или у нас это не афишируется, но все-таки разрабатывается?

Но капитан отвечать не стал, бросил взгляд на свои наручные часы, с браслетом из каких-то черных камней и поставил бокал на столик.

- Что ж, очень приятно было познакомиться, - сказал капитан с хмурой улыбкой и поднялся с дивана. Чем-то он вдруг озабочился, будто вспомнил что-то и заторопился уходить. – Не буду вам больше мешать, но очень прошу, - протянул он визитку, непонятно откуда взявшуюся в его руках, вроде бы в карманы не лазил. – Как только Валерий Михайлович появится, пусть свяжется со мной. Сразу же. Тут все телефоны указаны...

Лиза сухо попрощалась с гостем, бросив на него секундный взгляд, и снова уткнулась в монитор. Федор проводил гостя до дверей, у которых капитан задержался, будто хотел что-то еще сказать, но не стал ничего говорить, первым протянул руку и вышел. Федор посмотрел, как он неторопливо пересекает улицу и исчезает в толпе на перекрестке. Ох, неспроста он приходил, что-то с хозяином неладно... Но корочка у него настоящая, с микрочипом, такую не смастеришь на досуге. Через сканер бы ее пропустить, можно было бы поподробнее узнать, откуда этот капитан. Спецслужб много, а на удостоверении кроме ФИО и звания глазом ничего не разглядишь. Надо будет этот визит обдумать на досуге, очень странно все это.

Федор глянул на часы и оторопел: половина шестого! Что за бред?! Не может такого быть, они беседовали от силы полчаса! Куда три часа исчезли?! Сводка не готова, старикашка Савельев должен был прийти... И где хозяин, черт побери?!

Лиза, не отрываясь от монитора, сухо сообщила: Савельеву она позвонила и перенесла встречу, все равно, без шефа смотреть нечего. Шеф не появлялся и не звонил, его спрашивали семь раз, посетителей больше не было и она сегодня не собирается задерживаться допоздна. Сейчас она занята переводом документации по новому поступлению, поэтому, если Федору захочется кофе, придется управляться самому.

Федор не стал ей ничего говорить, все равно не поверит, что с работником спецслужбы он провел в гостевой комнате не больше получаса. Что-то здесь неладно, но об этом сейчас думать некогда. Надо работать. Придется сидеть допоздна, может и ночевать придется...

Работа, когда интересным делом занимаешься, затягивает и время летит незаметно. Ли, добрая душа, ушла в восьмом часу, все-таки задержавшись. Отсортировала новые сообщения, пока он возился со сводкой, и пропустила через компьютерного переводчика два испанских текста, которые прислали аргентинские агенты. Сколько раз Федор просил, чтобы писали на английском, все равно не слушаются. Вот и приходится потом разбирать коряво составленные компьютерной программой фразы, жаргон ведь в переводчик не закладывают.

В девять он закончил сводку, записал ее на архивный диск, отослал копию в бухгалтерию и принялся за сообщения. Агенты предлагали свои находки, часто даже не умея толково составить описание тех предметов, что они предлагали, но цены при этом заламывали такие, что только держись. С ними работать было интересно и трудно: приходилось обмениваться десятком-другим сообщений, пока удавалось понять, что же они предлагают. Добиться приличных фотографий или проведения видеосъемки можно было только после долгих уговоров, торговаться тоже приходилось долго, но здесь последнее слово оставалось за хозяином.

Два сообщения его заинтересовали всерьез: какая-то «дырчатая коробочка из соленого стекла размером с кулак, дающая холод снаружи» и «металлический кусок типа зеркала показывающий цветные картинки без резкости в темноте и на свету». Пришлось повозиться, составляя подробные запросы. На цены он не стал обращать внимания, рано еще о цене говорить. Агенты чаще всего были людьми настолько безграмотными в техническом или культурном плане, что приходилось использовать самые простые слова, составляя для них подробные инструкции, чтобы получить достоверную информацию о предмете торга. Попробуй, объясни, бывшему колхознику как измерять диаметр или определять объем тела. Гораздо легче было общаться с помощью видео, но большинство агентов не считали нужным тратиться на аппаратуру и выделенные линии, предпочитая работать по старинке...

Клиенты же интересовались новыми экспонатами, запрашивали дополнительную информацию по тем или иным старым позициям, не утруждая себя заглянуть в файлы описания, которые высылались вместе с прайсом. Тут уж приходилось сдерживаться, высылая вежливые напоминания посмотреть фото там-то, прочитать информацию на странице такой-то... Это уже было неинтересно и времени отнимало не меньше, чем на

работу с агентами. Но без клиентов тоже нельзя и приходилось отвечать всем, иногда просто вставляя в сообщение куски информации, которая у клиента уже была под рукой, но ему было лень до нее дотянуться. Или он не умел этого делать, хотя в этом Федор сильно сомневался, скорее не хотел утруждать себя. Но у богатых свои причуды, пусть их...

К половине одиннадцатого он разобрался со всеми сообщениями и полез в охранную систему. Хозяин пришел в магазин во втором часу ночи, открыл дверь карточкой... и не выходил. А Лиза-Лизавета не обратила внимания утром, когда входила, что на сканере замка горел зеленый огонек. Она на такие вещи внимания не обращает. Значит, получается, что хозяин улизнул из магазина после ее прихода. Но как он это сделал?

Еще полчаса Федор потратил на просмотр записи мониторов, установленных над «черным» ходом, открывающимся только изнутри и основной дверью. Никто до его прихода не выходил из магазина. Для того, чтобы убедиться в том, что охранка не сбила ночью, он просмотрел и запись мониторов за всю ночь. Хозяин помещения не покидал, в этом он был уверен теперь на все сто! Но тогда получается... Нет, в голову ничего не приходило, кроме того, что все это пахнет чертовщиной.

Закрыв все приложения, Федор запустил на проигрывателе последний диск «Эскападо» и отправился за очередной порцией кофе.

Теперь у него есть время подумать над теми событиями, что происходили сегодня. День выдался насыщенным и беспокойным, настолько, что про головную боль он совсем забыл, а когда вспомнил, она тут же напомнила о себе: по затылку будто молотком ударили. В столе он нашарил упаковку с анальгином и выщелкнул две таблетки, одну проглотил сразу, запив горячим кофе, другую оставил на потом. Посидел с закрытыми глазами, прислушиваясь к гитарным переборам, делая мелкие глотки из большой кружки.

- Что ж, начнем, - приободрил он себя вслух и открыл глаза. Вздрыгнув и дернувшись так, что кресло покатилося назад, Федор судорожно ухватился руками за край стола. Перед ним стоял, ухмыляясь, хозяин.

- Ты-то чего сюда приперся, на ночь глядя? – поинтересовался он довольный произведенным эффектом.

- М-м-м..., - только и смог выдавить из себя Федор, пытаясь унять бешено стучащее сердце и морщась от сильной пульсирующей в такт сердцу боли в висках. Руки его продолжали судорожно цепляться за край столешницы, но он этого не замечал, глядя на ухмыляющегося хозяина.

- А я вот решил заглянуть после кабака, да заснул... Сколько времени-то?

Федор наконец-то обрел возможность говорить и, разжав онемевшие пальцы, глянул на экран.

- Двадцать двенадцатого... Но В-валерий Михалыч! Так же заикой можно сделать, или инфаркт..., - Федор ошарашено смотрел на хозяина, который боком присел на край стола и зевнул, широко раскрыв рот. Прикрыть рот у него желания не было, чего при своих-то церемониться. Нет, далеко ему еще до аристократизма, подумал Федор и, заметив, что хозяин без туфель, в носках одних, тут же спохватился.

- А где же вы были? Все обыскались...

- Чего? – Потирая щетину на подбородке недоуменно спросил хозяин. – Я ж тебе говорю, что зашел... Погоди!...

Он тупо уставился на Федора, потом поднял левую руку и застыл, разглядывая циферблат своих «Картье». Федор с каким-то нетерпением и непонятным страхом смотрел на него и ожидал продолжения. Интересно было смотреть, как меняется выражение этого заплывающего жиром лица, с отвисающими брылями, с недоуменного на озабоченное и, наконец, на испуганное.

- Эт-то что же... Это значит у нас четверг уже?! Ночь?! Вот же ..., - тут хозяин снова уставился на Федора, только теперь с выпученными глазами.

- Точно, - тихим голосом от ужаса голосом подтвердил Федор и для убедительности кивнул, тут же пожалев об этом, боль снова ударила в затылок молотком. Но, с замирающим от предчувствия чего-то нехорошего сердцем, он даже не поморщился, не отводя взгляда от лица хозяина. Тот соскочил со стола и матерясь, побежал мелкими шажками в гостевую. Смешно было смотреть, как колышется его выступающее вперед пузо, он ведь, хоть и торопился, но боялся поскользнуться на полированных плитках пола и взмахивал руками, стараясь удержать равновесие.

- Вы что же, разбудить не могли!... Я же вас всех ... Ах вы ...

Голос хозяина стих, когда он скрылся за дверью и Федор порадовался, что Лизы сейчас здесь нет. А потом побежал следом за хозяином, не обращая внимания на трель факса и на бегу доставая вибрирующую сотку из кармана.

- Так значит, вы не знали, что находится в контейнерах? – повторил вопрос следователь и поднял взгляд на Федора.

- Нет, не знал. Контейнера всегда открывал хо... Валерий Михайлович, сам. И не разрешал никому к ним прикасаться. – Федор бросил взгляд на сидящего за столом Лизы капитана, тот ободряюще кивнул. Следователь занес ответ в протокол и, задумчиво пожевав губами, принялся что-то писать дальше. Допрос продолжался уже полтора часа, Федору уже все было безразлично, голова раскалывалась, глаза горели так, будто в них

песка насыпали, а конца-краю этому безумию не было видно. Мелькали какие-то обрывки мыслей и образов. Хозяин, стоящий с ошалелым видом, над открытым контейнером с пустым полиэтиленовым пакетом в руках... Его торопливое бегство в незашнурованных туфлях на улицу через черный ход и темные силуэты, запикивающие его в машину без огней... Внезапный свет и визг шин, мелькнувшие огни «мигалки» бросившейся в погоню машины... Появление через несколько минут капитана, а следом за ним целой толпы полицейских в штатском... Обыск в магазине и унижительное раздевание под безразличными взглядами...

- Подпишите протокол, - вывел Федора из полусна следователь и он машинально расписался в трех местах, не слушая того, что ему монотонно зачитывал следователь. Какая теперь разница, что подписывать? Хозяина убили, магазин теперь закроют, снова надо будет искать работу... Хорошо хоть не посадят, только подписку о невыезде возьмут.

- Давайте-ка я вас подброшу, Федор, домой. – Предложил капитан Костенко после того, как Федор подписал все бумаги и получил разрешение быть свободным.

- Если не трудно, - вяло согласился Федор. Капитан взял его за руку, тем же жестом, что и вчера, отметил машинально Федор, посадил на заднее сиденье невзрачной зеленой машины и сам сел за руль. Всю дорогу Федор боролся со сном и, чтобы не свалиться на сиденье и не заснуть, пялился в окно на будничную суету проснувшегося города. Капитан молча и умело лавировал на переполненных улицах, проскакивая на желтый и терпеливо ожидая на перекрестках зеленого. Когда машина остановилась во дворе, капитан обернулся к нему.

- Вот что, Федор, - жестко и без улыбки сказал он. – Сегодня отдыхайте, отсыпайтесь... А завтра с утра я заеду и мы поговорим о том, как вам жить дальше.

Федор вяло пожал плечами, чего там говорить, и так все ясно. Но капитан так не считал.

- Только не советую покидать квартиру. И не ломайте себе голову над тем, что произошло. Над этим сейчас работают специалисты. Они разберутся... А завтра мы все обсудим. Понятно? – капитан смотрел на Федора своими холодными глазами и тот, подавив порыв послать его подальше, выдал из себя: - Хорошо.

- Вот и хорошо, - капитан усмехнулся и протянул ему непонятно откуда оказавшийся в его руках бумажный пакет. Федор машинально принял неожиданно тяжелый пакет, в котором на ощупь почувствовал стекло и сразу понял - бутылка. Скорее всего, бутылка его любимой «Посольской». Заглядывать в пакет он не стал. Заботливый

капитан, все знает, все предусмотрел, все рассчитал... Ну и пошел он... Федор выбрался из машины, со злостью захлопнул дверцу и побрел к своему подъезду.

После горячей ванны и стакана холодной водки, успевшей остыть в морозилке, спать расхотелось и он устроился на диване, захватив из спальни плед. Закапал глаза какой-то импортной гадостью, снимающей усталость и раздражение, сразу побежали слезы и скулы свело так, будто лимон жевал. Нашупав на стоящем в изголовье столике пульт, наощупь включил музыку, выбрал седьмой диск с саундтреком из «Высокой башни» и, уменьшив громкость, повертелся, устраиваясь поудобнее. Тыльной стороной ладони утер слезы со щек и, стараясь не ворочать глазными яблоками, чтобы не резало под веками, отдался теплым волнам, идущим от солнечного сплетения и начавших укачивать его нежно и неторопливо.

Бедная Ли, ее наверное не пустили в магазин. А может, отвезли в другое место, все-таки она тоже была сотрудником и представляла интерес... Куда она теперь пойдет работать? Как же им не повезло, только начало все налаживаться, как вдруг все рухнуло. И хозяин, бедный хозяин, откуда взялись наркотики?... Неужели он с латиносами связался?...

Образы медленно всплывали и погружались обратно в темноту, будто киты в ночном океане и он, уже совсем отстраненно подумал, что надо было чего-нибудь поесть. А потом все исчезло в зыбком тумане.

Капитан Костенко разбудил его в восемь утра, кивнул, разрешая умыться, и решительно направился на кухню. Когда Федор зашел на кухню выбритый и одетый в джинсы и джинсовую же рубашку, его уже ожидал завтрак в виде нарезанного сыра, сухой колбасы, хлебного батона и дымящаяся кружка с растворимым кофе. Сам капитан нашел-таки и заварил себе пакетик зеленого китайского чая. Приглашающее кивнув в сторону плетеного стула у стены, капитан шумно отхлебнул из чашки, которую держал в левой руке и взял из коробки на столе кубик рафинада. Федор присел за стол и хмуро принялся сооружать бутерброд. Хлеб был свежий, да и рафинада у него давно на кухне не было. Вот же какой капитан заботливый... Только вот непонятно, чего он приперся. Толку от Федора для органов теперь никакого, разве что еще разок допросить. Но для этого достаточно было позвонить и вызвать куда надо.

- Ну что ж, Федор, унывать нечего. – Капитан был в том же костюме, что и позавчера, только сорочку поменял на бледно-серую. Говорил он так, будто обсуждал давно решенную задачу и ставил Федора перед фактом. - С хозяином вашим осечка вышла, не усмотрел я за ним, но дело начато, так кому же его продолжать, как не вам?

Федор застыл с кружкой в руке и удивленно посмотрел на него. Капитан продолжал, как ни в чем не бывало.

- Вы придумали этот магазин, рекламные объявления ваши хорошо сработали, нашли поставщиков, с клиентами общаетесь напрямую. В общем, запустили механизм и он прекрасно работает. Да и в курсе всех денежных операций, кроме тех, что отношения к магазину не имели. Но с этим мы сами разберемся... Это даже хорошо, что вы только своим делом занимались.

- Но как же с магазином?... – Федор хотел сказать, что у хозяина есть жена, дочь, да и родственники какие-то имеются. Они ведь сразу накинутся делить наследство. Тут и разговора нет, чтобы сохранить дело. Знает он этих людей, им только дай возможность, все постараются быстренько продать, тем более, после того, как узнают о том, что органы магазином заинтересовались. Нет, тут все ясно на сто лет вперед.

- С магазином все будет улажено, это не ваша забота. С родственниками мы все решим, они еще рады будут, что их не станут проверять... Но это наша забота. А вы сегодня после обеда можете сообщить Елизавете Аркадьевне, что она может выйти на работу. Под вашим руководством, как директора вашего ТОО. Вы ведь не против такого расклада, Федор Геннадьевич?

- Но как же... Как же так, ведь прокуратура... Да и по документам я, как учредитель, только десять процентов имею... - Начал было мямлить обалдевший от неожиданности Федор, но капитан сухо усмехнулся и поставил чашку на стол.

- Документы мы переделаем, вам будет принадлежать двадцать пять процентов, остальное будет числиться на... одном юридическом лице. Это уже детали, вам сейчас надо подумать о том, как правильно объяснить клиентам смену руководства. Здесь вы должны быть последовательными и кратки: Пустяков Валерий Михайлович трагически погиб, попав в нетрезвом состоянии под колеса автомобиля. Водитель найден и признан виновным, будет суд и все остальное, как полагается. Мы сообщим вам завтра все данные, это будет абсолютно достоверно. Далее. Наследники продали дело за хорошую сумму тому юридическому лицу, которое и станет вашим соучредителем. Название магазина остается без изменений, вы назначены директором и можете даже увеличить штат. Вы ведь хотели такое предложить хозяину, нет? Как вам такое?

- Знаете, звучит все очень... заманчиво, - Федор уже оправился от изумления и теперь принялся жевать бутерброд, с наслаждением глотая горячий кофе. – Только вот непонятно, что же все-таки произошло с хозяином.

Капитан посмотрел на него спокойно, неторопливо встал, достал из верхнего шкафчика упаковку с чаем. Отвернувшись от Федора, дождался, пока закипит вода в

электрическом чайнике, неторопливо залил кипятком пакетик в своей чашке. Так же неторопливо он перенес чашку на блюдце на стол, сел и, помешивая ложечкой, покачал, будто в недоумении, головой.

- А зачем вам это знать, Федор? Хотите лишнюю проблему? Так я вам не советую, зачем зря голову забивать? Живите себе дальше, нам помогайте, себе жить не мешайте... Все равно, пока вы не с нами, ничего нового не узнаете. Да и потом неизвестно, надо ли будет вам знать это...

- Ну, не знаю... Что-то ведь произошло... Ладно, пусть с наркотой все остается тайной, пожадничал хозяин, решил урвать кусок. Но что-то сорвалось, хозяин на сутки исчез, наркота пропала и его за это убили... Думаю, что здесь и для вас не все понятно, хотя вы и старались держать все под контролем. Только он не из тех, кто дает себя обманывать. В делах он был мастером, тут что-то другое...И вы ведь знали, что в тех контейнерах наркотики. Да? Можете не отвечать, все равно ведь правду не скажете, - усмехнулся Федор, скептически скривив рот. Капитан молча и холодно смотрел на него. Потом положил ложечку на блюдце, взял чашку опять левой рукой и шумно отхлебнул.

- Извини, горячо, - неожиданно сказал он и Федор, только плечами пожал, растерявшись. Нравилось этому фсбешнику морочить голову своими репликами, может, он их заранее репетировал? Капитан бросил в рот кусок рафинада и вопросительно взглянул на Федора. Тот понял, что от него ждут продолжения, и потер указательным пальцем переносицу, вспоминая, о чем это он говорил.

- Ага. Ну вот... Хозяина шлепнули за наркотики, но где он был весь день? Это ведь точно, что он из магазина не выходил. Я смотрел записи... Зайти он зашел, а вот выходить – не выходил. Будто стал невидимкой, или, как сейчас любят фантасты писать, телепортировался. Но только куда и как?...Да и со мной что-то происходило... А вы разве не заметили, когда вышли из магазина? – Федор глянул на капитана и запнулся: тот подался к нему и смотрел так пристально, что жутко вдруг стало от взгляда. Капитан не отводил от него взгляда еще сколько-то времени, за которое Федор ощутил, как по спине поползли мурашки, и ему захотелось отпрянуть назад, к стене, но он не мог шевельнуться, точно лягушка, под взглядом змеи.

- И что же, по-вашему, происходило с ... нами? – откинувшись на спинку стула и отхлебнув теперь уже без шума, поинтересовался с усмешкой капитан. Федор облегченно перевел дух, отложил недоеденный бутерброд на тарелку, есть расхотелось. И молчать теперь было нельзя, никто за язык не тянул.

- Когда мы беседовали, ну позавчера, мне показалось... Что прошло больше времени, чем мы потратили... - Капитан поощрительно кивнул и Федор, поднявший на

него глаза, снова опустил их и, пожав плечами, закончил: - По моим ощущениям прошло минут тридцать, а оказалось, что три часа...

- Отлично, Федор, отлично. Ты верно заметил, но... - Капитан снова посмотрел ему в глаза, чуть подавшись вперед и прихлопнул ладонью по столу. – Все хорошо, только я не услышал твоего согласия на мое предложение. Или ты считаешь, что условия для тебе невыгодные, а? Тогда можно и поторговаться, в разумных пределах, конечно. Тридцать процентов тебя устроят?...

Федор понял, что сейчас он одним словом должен решить свою дальнейшую судьбу, но не испытал ни малейшего волнения. Скорее всего, его собираются использовать как подопытного кролика. И расходов меньше и результаты скорее появятся. Они ведь наверняка все в магазине оставили так, как и было. Эх, не об этом сейчас надо думать. Выбор есть, но есть ли большая разница между тем, кто будет тобою командовать – спецслужба или богатый дурак? Откажись он сейчас и что его ожидает? Поиски нового места, неинтересная работа среди новых людей, стремящихся строить свою карьеру за счет окружающих, продираясь всеми правдами и неправдами наверх, расталкивая соседей локтями... И найдется ли еще один такой богатый, пусть и не дурак, который захочет выслушать тебя и заняться тем, что тебе интересно? А здесь все остается по-прежнему, кроме хозяина. Но и риск ведь больше, теперь-то, после того, что произошло в магазине. Они ведь за это именно хотят ухватиться, тут похоже на то, что со временем какие-то фокусы происходят. И изучать это надо, но кто же добровольно рисковать будет? А я для них удобен: никого лишнего не надо посвящать, видимость внешнего благополучия сохраняется, внимания чужого исследования в магазине не привлекут и прочее. А случись что с мной, следов ведь не останется, все приберут. Заботливые и аккуратные, незаметные люди сделают так, чтобы твое исчезновение было воспринято обыденно, мало ли причин, по которым может помереть человек?! Зато у меня остается возможность и дальше находить чудные, непонятные и, как теперь оказывается, страшные вещи. Но об этом я и раньше подумывал, что не все найденное будет таким безобидным. А может, так оно и есть? Были ведь некоторые тревожные сообщения, из Вильнюса и Норильска. Что-то по поводу наших клиентов, я тогда внимания не обратил, а ведь там было что-то неясное, будто один с ума сошел, а другой... Нет, не помню. Да и ладно с этим. Мне ведь предлагают то, что я сам выбрал три года назад. Пусть и ненадолго, но соприкоснуться с неведомым, пусть и не заниматься его изучением, как исследователи в НИИ, но читать их отчеты и быть в курсе того, что же еще неведомого таит природа. Стоит ли это того риска, который теперь стал вполне ощутимым, и который можно обменять на серую жизнь

одного из сонмища тех, кого именуют «обслуживающий персонал»? Чего играть словами, ведь уже все решено.

Федор посмотрел исподлобья на ухмылявшегося и уверенного в своих расчетах капитана, продолжавшего что-то говорить о процентах и ответственности, поднял голову и глянул в окно, затянутое противомоскитной сеткой, впервые за сегодняшний день и отметил, с некоторой досадой, что день собирается быть пасмурным и наверняка пойдет дождь. Серый осенний дождь и порывы ветра будут срывать остатки листвы с деревьев и покрывать рябью грязные лужи... Осталось только произнести короткое слово, но торопиться некуда и пусть этот капитан пару минут понервничает, пока он не приготовит себе настоящий кофе...

Акция

-1-

Горошина приемника в ухе негромко щелкнула, Вадим вздрогнул и непроизвольно напрягся: во время дежурства это могло означать только получение боевого задания.

- Три – девять – семь – пять – четыре – один – шесть, – сообщил глубокий женский голос.

- Принято, – отозвался, как положено Вадим, но синтезированный голос не ответил, двойной щелчок завершил сообщение, его отзыв был принят.

Вадим нахмурился, нажал на браслете коммуникатора кнопку общего вызова и вытащил из внутреннего нагрудного кармана матово-черную планшетку-комп. Раскрыл, набрал на клавиатуре код доступа и прижал указательный палец к серому пятну сканера. На экране развернулась эмблема спецгруппы Б-4: серая кошачья лапа с острыми желтыми когтями и черными подушечками на изумрудном фоне, будто с той стороны экрана кошка лапой ударила. Сам рисовал, жаль, что некому оценить. В группе не стал хвастаться, могли посчитать несолидным. Сказал, что взял картинку в Сети.

В нижнем правом углу замигал индикатор: получено сообщение и требуется ввести пароль. Вадим отстучал семь символов, переданных таким приятным, постарался же кто-то!, голосом штабного компьютера, и снова прижал палец к пятну сканера. На экране появился текст задания с пиктограммами. Пробежав глазами текст, он поднял голову и посмотрел на собравшуюся в комнате группу. Все здесь, шесть голубчиков. Что ж, начинаем работать. Вадим подал сигнал «На выход» и снова уткнулся в экран, где уже раскрылась схема маршрута движения к объекту. Группа без разговоров отправилась собирать свое снаряжение. На сборы отводилось не меньше трех минут, но Вадим знал, что уже через две вся группа будет в машине.

Первый выезд за последние два дежурства! Ребята уже скучать начали по делу, никому не хочется бесцельно просиживать на базе по двенадцать часов в терпеливом ожидании и уходить, несолоно хлебавши. Кто спорит, что лучше бы их вообще никогда не отправляли на выезд, но они-то упорно и тщательно готовились к тому, чтобы действовать. И когда им предоставлялась такая возможность, они были этому рады. Хотя чаще всего им предстояло выполнять грязную, опасную и неблагодарную работу, о которой знали немногие, и о которой не сообщалось в выпусках новостей. Вадим про себя называл себя и своих подчиненных «фагоцитами» общества, но вслух об этом никому не говорил, как-то выпренно это могло прозвучать.

Белый микроавтобус с неброской надписью «Орбита. Установка и обслуживание систем связи» уверенно лавировал по городским улицам, пробираясь в район недавно выстроенного комплекса двух- и трехэтажных коттеджей для городской элиты. Комплекс этот занял часть старого городского парка отдыха, которым жители города раньше гордились: все-таки больше ста лет назад этот парк заложили горожане, в нем росли редкие деревья и кустарники, за которыми хорошо ухаживали. Теперь гордости у горожан поубавилось, а в парке стали постоянно патрулировать наряды милиции, что уменьшило его популярность, особенно у молодежи.

Группа занимала свои места в машине так, как это у них было заведено. Слева от водителя сидел Командир, пристально следивший за происходящим на экране планшетки, раскрытой на коленях. Спина к командиру сидел первый Боец, готовый в любую минуту раскрыть дверь пассажирского салона и начать действовать. Напротив двери сидел Медик со своим объемистым чемоданчиком и смотрел в просвет между водителем – вторым Бойцом и Командиром на дорогу через лобовое стекло. За ним сидел Снайпер, поглаживая металлический тубус со своим оружием, и прикрыв глаза, чтобы они не устали раньше времени. С другой стороны салона, рядом с дверью расположился Сапер, который негромко насвистывал незатейливую мелодию и безразлично поглядывал в окно. В проходе между сиденьями лежали рюкзаки с касками и небольшие пластиковые ящики с ручками, похожие на те инструментальные наборы, что таскают с собой электрики или слесаря. Содержимое этих ящиков для непосвященных мало отличалось на вид от обычных инструментов, но было сделано на заказ и по качеству, надежности и удобству в использовании, превосходило во много раз. В конце салона за стойкой с аппаратурой работал Связист, ему приходилось сейчас трудновато и на лице застыло сосредоточенное выражение. Короткоствольные автоматы, как и часть боеприпасов, находились у всех под серо-синими комбинезонами из кевлара, укрепленные на ременных креплениях так, чтобы не мешать движению и не выпирать наружу. Тонированные боковые стекла скрывали происходящее в машине от посторонних взглядов.

Задачу группе Вадим, ставший на время операции для всех только Командиром, которому подчиняются беспрекословно, и приказы которого выполняются без промедления, озвучил сразу после начала движения, это была стандартная процедура, машина была оснащена приборами антисканинга, что давало гарантию от утечек информации. Штаб приказывал: обезвредить группу вооруженных террористов, захватившую особняк в парковом районе и ведущую через Сеть трансляцию антигосударственной пропаганды. Предположительно, террористы заминировали особняк

и подходы к нему и готовы к длительной осаде. Никаких требований пока не выдвигали, на связь с СМИ не выходили, если не считать самой трансляции. Необходимо немедленно прекратить трансляцию и в кратчайшие сроки обезвредить всех террористов. Степень воздействия - «А». Это означало для группы разрешение действовать в жестком режиме, не взирая на потери и возможные жертвы среди террористов.

Вопросов у группы не было, но на месте, как это обычно бывает, они появятся. Сейчас каждый должен был настроиться и продумать свои вероятные действия. Все согласно кивали, подтверждая, что задание понятно, когда Командир, оглядывая салон, задерживался взглядом на каждом. Теперь Вадим смотрел и слушал ту самую трансляцию в Сети, ждал доклада от Связиста, который должен был сообщить свои соображения по поводу того, как можно прервать трансляцию... и недоумевал.

Качество изображения было хорошим, надо будет посмотреть, что за компьютер там используется. Мужчина под пятьдесят сидя на диване перед накрытым столом в домашнем халате глупо ухмылялся и говорил, как заведенный.

- ...А потом мы всех козлов в городе, что мешают свободе предпринимательства, выгоним. Это факт, тут мы с Петровичем и Кириллом Владимировичем уже договорились... Но ведь как с ними можно по-хорошему? Они ведь не понимают, понимаешь? – Мужчина повернулся к своей собеседнице, которая на экране была видна частично – белый халатик, едва прикрывающий колени, на которых покоилась правая рука мужчины, левая рука, держащая кисть винограда на весу и левое плечо. Лица собеседницы не было видно, то ли нарочно так села, то ли за камерой никто не следил. Но голос её, невысокий, мягкий, будто обволакивающий истомой, так, что сразу представлялось холеное тело, жаждущее ласки, был слышен также хорошо, как и голос мужчины.

- Да, дорогой. Ты расскажи, расскажи подробно, как с ними надо поступить. О, смотри туда, на меня смотреть еще рано...

Мужчина утвердительно кивнул головой и снова повернулся к камере. Снисходительно улыбнулся и небрежным жестом, будто отмечая несущественное, повел перед собой правой рукой.

- Точно, мурка моя. С ними мы поступим строго, но по справедливости: закроем их клуб, в лицее поменяем директора, а там и центр их, консультационный, разгоним. Это ведь просто делается, чик-чик, и готово. Надо только знать, где искать материал, а под правильно и вовремя поданный материал всегда можно статью подвести, сечешь? Вот и Петрович так считает, мол, дайте мне данные, а дело я построю так, что ни одни комар из прокуратуры носа не сунет, да и там у меня есть свои, не полезут с проверками. А то

разошлись, поганцы, устроили тут защиту граждан от произвола чиновников... Мы им покажем, кто в городе настоящий хозяин! Нечего нам свои петиции да обращения в глаза совать, что для города полезней, мы и сами знаем.

Не было видно на экране никого, кто напоминал бы террористов, ни увешанных оружием и взрывчаткой бородачей, никого не тыкали стволом в висок и не наводили ужас отрезанием пальцев или ушей. Больше всего это походило на саморекламу кандидатов в депутаты или интервью новых магнатов по Сети, вошедшие в моду года три назад. Теперь ведь по Сети обычно все и всё смотрят, удобнее и дешевле, чем по телевизору. Но бизнесмены не афишировали свои связи с мафиозными группами и не выкладывали свои карты на стол так откровенно.

Вадим чертыхнулся, осененный догадкой. Боец покосился на него, но Вадим не стал ничего говорить. Это пока только догадка, а не факт, пока незачем её афишировать. Да, очень похоже на то, что в последнее время тоже вошло в моду. У террористов и фашиствующих молодчиков из разных фронтов. Одни боролись за свою независимость от закона, другие рвались спасти отечества и родины, о которых имели весьма смутные понятия. Объединяло их только одно – новый метод, теперь часто используемый. Да, это очень похоже на те случаи, которые рассматривались в аналитических обзорах штаба.

Захватывается крупный чиновник, политик или коммерсант, жаждущий власти, вкалывают ему какой-нибудь препарат, типа «сыворотка правды», сажают перед видеокамерой и устраивают «разговор по душам», во время которого из заложника «льет как из дырявого ведра». А уж потом записанные материалы отправляются тем, кто готов либо хорошо заплатить за ценную информацию, либо тем, кто за нераспространение этой информации готов выполнить любые требования. И чаще всего информацию предлагают сразу всем заинтересованным сторонам, устраивая торги. Но здесь какая-то неувязка – компромат идет в Сеть, где его может увидеть каждый. Какая потом торговля, если каждый причастный может сразу обрубить все «хвосты» или сбежать. Нет, что-то здесь не так.

-3-

В гостиной на втором этаже, с громадным экран в полстены над камином черного гранита, с мягкой мебелью, обтянутой светло-кремовой кожей, с баром из светлого дерева, раскинувшимся вдоль противоположной экрану стены, находились все три человека, обнаруженные биодетектором Сапера. Больше в доме никого не было и это с одной стороны, облегчало задачу, а с другой вызывало большие сомнения в том, что это террористическая группа. Из гостиной был выход на балкон, но дверь закрыта, ломиться

через стеклопакеты окон с крыши или снизу смысла не было, шуму много. К тому же, Сапер не обнаружил в доме ничего страшнее газового пистолета, да и тот находился в прихожей, в кармане мужской кожаной куртки.

Рассматривая комнату на экране планшетки, Вадим ловко орудовал управлением телеглаза, спущенного с крыши Бойцом, и привычно отмечал в памяти расположение всех предметов и людей, потом ведь придется составлять отчет. В голове продолжал крутиться уже надоевший вопрос: где же все-таки взрывчатка или сосуды с опасной химией, о которых его информировал штаб? Сапер заканчивал сканирование фундамента и подвала, но ничего подобного не обнаружил.

На столике перед диваном располагался низкий, вровень с сидением, столик из тонированного стекла на роликах, на столике стояло множество тарелок, бутылок и бокалов. Судя по тому, что тарелки были наполовину опустошены, равно как и содержимое бутылок, здесь довольно долго пировали. А вот и те, кто пировал. Развалившийся на диване в шелковом багрово-красном халате в кожаных шлепанцах мужчина продолжал разглагольствовать, глядя на экран и поглаживая коленку сидевшей рядом черненькой девицы, в коротеньком белом банном халатике.

- ...И теперь останется закрутить гайки в нашем хозяйстве так, чтобы ни одна интеллигентская шавка не вякала. Хочешь воспитывать детей – иди домой, там своих, если есть, воспитывай. А портить нам будущих граждан – не позволим. Это всем козлам надо на носу зарубить, поняла, мурка моя? Эх, как мало ты еще знаешь, какие мы планы строим... Вот закончим гостиницу, там такие сладкие девочки будут в кабаре отплясывать. А тебя точно над ними главной поставлю, мягкая моя...

Девица вроде бы ничего против того, что ее гладят, не имела, обирая по ягодке кисть крупного желтого винограда и с легкой усмешкой поглядывая на сидевшую у стены девчонку лет семнадцати. Девчонка была в черном джинсовом костюме и сидела, обхватив согнутые ноги руками, с перекошенным, словно от боли лицом, закусив губу, с застывшим взглядом. Рядом стоял открытый ноутбук, от которого тянулись провода по ковру к миниатюрной камере, установленной под экраном так, что она была почти незаметна сидящим на диване. Виднелась приоткрытая дверь в углу рядом с баром, там, по плану, который уже нашел Связист в архивах, должен быть санузел.

И все тревожней становилось, на душе Командира, хотя понять, отчего и почему, за прошедшие с момента прибытия к дому минуты не удалось. Связист сообщил, что сигнал по кабелю надежно заблокирован, второй сигнал еще идет и, судя по приборам, источником его является «тарелка» спутниковой связи на крыше соседнего дома. Сигнал на «тарелку» идет по радиомодему, судя по характеристикам, модель мощная и

скоростная, находится в комнате. Снять «тарелку»? Вадим нажал на браслете кнопку подтверждения. Через три секунды Связист сообщил, что сигнал исчез. Вадим ясно представил себе, как Снайпер из садика у дома делает выстрел, и головка модулятора на спутниковой антенне соседнего дома разлетается брызгами пластика и металла. Искать остальную часть передающей системы будут потом технари, если понадобится. Приедет через пару часов ремонтная бригада от их «конторы» и наладит работу антенны, обломки соберет, и следов не останется.

Отличная работа, похвалил про себя Снайпера Вадим, но беспокойство и тревога не оставляли его. Трансляция прекращена, бойцы проникли в дом, готовы к захвату, но здесь не было ничего опасного. Не похоже, чтобы здесь орудовали террористы-боевики. Потеря сигнала никого не насторожила, значит, никто не контролирует поступление передачи в Сеть. Что-то здесь не так, слишком тихо и спокойно для «особо опасной группы» террористов. Две молодые женщины и мужчина, совершенно не подходили под переданное штабом описание. Дилетанты какие-то... И других следов, свидетельствующих о том, что до их приезда кто-то еще посещал дом, тоже не обнаружено. Ладно, будем работать захват.

В отражении зеркала, закрепленного на рукаве комбинезона, он заметил Медика и обоих Бойцов, мелькнувших за его спиной. Бойцы ничего не нашли ни в подвале, ни на первом этаже. Медик кивнул, заметив вопросительный взгляд Командира: он был готов к тому, чтобы оказать экстренную помощь тем, кто пострадает во время штурма. Вадим отодвинулся на корточках от двери, на пальцах и с помощью картинок на экране пояснил Бойцам: первый должен взять мужчину, второй должен брать черненькую девушку. Себе он определил девчонку, сидевшую к двери ближе всех и, судя по ее виду, опасности не представляющей. Медик тоже внимательно смотрел на картинки и кивнул, в знак того, что понял раскладку, когда Вадим бросил взгляд на него. Бойцы заняли места по бокам дверного проема, приготовившись к броску. Вадим мягко опрокинулся на спину, сжался пружиной и, распрямившись, ударил ногами по створкам двери, одновременно отбрасывая к стене коридора планшетку и выхватывая пистолет.

Створки двери распахнулись, пропустив нырнувших следом Бойцов, с грохотом ударились об ограничители на полу, дернулись, было обратно, но Вадим, растопырив ноги, удержал их и, не вставая, клубком вкатился в комнату. Первый Боец уже сдернул с дивана через столик на пол мужчину, совершенно ничего не понимающего, с приоткрытым ртом, из которого вылетела струйка слюны. Руки его сразу были скованы за спиной наручниками, Боец заканчивал возиться с ногами, застегивая на них вторую пару наручников. Вадим понял, что с мужчиной проблем не будет, реакция у него была весьма

заторможена. Пьян или под «дурью». Тапочки его остались у дивана, а голые волосатые ноги торчали из задравшегося до пояса халата. Черненькая широко раскрытыми глазами обшаривала пространство перед собой, прижатая грудью к коврику коленом второго Бойца, сковывающего ее вывернутые за спину руки наручниками. Рот ее был приоткрыт, между зубами виднелась раздавленная виноградина. Что-то она слишком спокойна, подумал Вадим, скользнув вдоль стены к девчонке, вскочившей и собиравшейся закричать. Вадим, отметив, что глаза у нее были полны слез, а в судорожно сжатых у груди руках ничего не было, просто закрыл ее рот ладонью правой руки в перчатке и, крутанув легонько вокруг себя, сунул пистолет в карман комбинезона и снял с пояса за спиной пластиковые наручники. Девчонка дернулась вниз уже после того, как наручники защелкнулись на ее запястьях, но он легко поднял ее обратно. Весила она не больше пятидесяти килограмм при росте в метр семьдесят. Точно, еще девчонка, не старше семнадцати. Она тут же попыталась укусить его, но зубы только скользнули по плотной коже перчатки, и она обмякла.

Все закончилось быстро, когда Медик вошел в комнату, Вадим глазами показал на мужчину и девушку с эластичными пластиковыми повязками, закрывавшими их рты. Медик кивнул и деловито раскрыл на полу свой чемоданчик, занялся приготовлением необходимого для проведения анализа крови и слюны.

- Если ты не хочешь, чтобы и тебе одели такую же повязку, кивни два раза, - сказал Вадим шепотом девчонке на ухо. Она вздрогнула и напряглась в кольце его рук. Ему хотелось выяснить, кто же здесь был террористом, а кто – заложником. Он перехватил взгляд черненькой, наполненный ненавистью. Она тут же перевела взгляд на чемоданчик Медика, но во взгляде не было испуга, она будто знала, что сейчас будет происходить. Странная дамочка, на вид лет тридцати, за собой следит, может и постарше окажется.

Вадим шагнул к дивану, не отпуская девчонку, еще раз повторил вопрос. Когда девчонка судорожно подергала головой, он убрал руку, ткнул ей под коленки и, едва она успела опуститься в развернутое его ногой кресло, защелкнул наручники и на ее ногах. Развернув кресло так, чтобы девчонка сидела спиной к Медику и его пациентам, Вадим подал знак первому Бойцу, чтобы он посидел вместо него напротив согнувшейся пополам и глухо рыдающей, уткнувшись в коленки, девчонки и отправился за брошенной в коридоре планшеткой. Пусть поревет, это её расслабит.

Проверив, как работает фиксирующая видеокамера, Вадим вместе с первым Бойцом занялся фотографиями задержанных. Боец правой рукой хватал сзади за волосы задержанного, удерживая голову в неподвижности, левой стягивал пластиковую повязку со рта, под подбородок и Вадим тут же делал снимок. Затем повязка возвращалась на

место и задержанный снова переходил в распоряжение Медика, все еще возившегося с анализами. Девчонка дала себя сфотографировать без сопротивления, а слезы и выражение отчаяния на лице не помешают аналитикам в штабе провести идентификацию.

-4-

Отправив в штаб фотографии задержанных и сообщение, что все находящиеся в доме захвачены, оружия и взрывчатки не обнаружено, Вадим закрыл планшетку и посмотрел на девчонку. В ухе щелкнуло и прошелестело: «Принято. Ждите указаний». Ладно, подождем, согласился Вадим, решивший сегодня не удивляться ни странному заданию, ни необычной задержке с приказами штаба. Видимо, аналитики сегодня не в ударе. Пока штаб выдаст дальнейшие указания, можно и с задержанными побеседовать, этого ведь не запретили. Девчонка, пристально следившая за его манипуляциями, теперь смотрела перед собой невидящим взглядом, изредка всхлипывала, и по щекам ее продолжали катиться слезы.

- Как тебя зовут?

- Ан...Ангела, - всхлипнула она и посмотрела на него, кривя побледневшие губы. – А вы кто?

- Послушай, не бойся, мы из ФСБ. Никто не причинит тебе вреда. – Вадим немного подался вперед, и, стараясь удержать ее взгляд, попросил негромко: – Расскажи, что тут происходило.

- Что тут происходило? – переспросила она так, будто не расслышала, потом криво усмехнулась, глубоко вдохнула и неожиданно закричала: – А что тут могло происходить, а? Вы зачем сюда пришли? Вломились, чтобы поинтересоваться, а что же тут происходило?

Она начала судорожно дергаться, пытаясь освободить руки, скованные за спиной, потом, будто осознав, что ей это не удастся, откинулась назад и хрипло засмеялась. Смех ее звучал попеременно со всхлипываниями, она завалилась набок, вытягивая шею и пытаясь выглянуть за спинку кресла. Вадим схватил ее за куртку и усадил обратно, но она снова задержалась, пытаясь ударить его скованными ногами. Ничего у нее не получилось, и она снова разрыдалась, обессилено закрыв глаза и отвернув мокрое лицо. Медику, взглянувшему на Вадима с немим вопросом: «Может, успокоить?», он дал отрицательный ответ, слегка покачав головой из стороны в сторону. Девчонке сейчас надо дать выговориться, потом можно будет сделать успокаивающий укол. Надо выяснить, что же здесь происходило до прихода распоряжений из штаба. Ему эта операция всё больше казалась странной.

Он приподнялся и, взяв ее за плечи, легонько встряхнул. Она открыла глаза и, заметив, что он достал из кармана пластиковую повязку, замерла и принялась отчаянно мотать головой.

- Нет, не надо... Я скажу, - опухшие от слез глаза смотрели на него со страхом и мольбой.

- Хорошо, Анжела, скажи, - произнес Вадим и сунул полоску пластика снова в карман. – Что здесь происходило? Кто эти люди? – он кивнул вперед, туда, где за креслом лежали на полу мужчина и девушка. Она повернула голову, чтобы тоже взглянуть туда, но, упершись взглядом в обивку кресла, резко обернулась и выкрикнула с отчаянием.

- Мы здесь стриптиз устроили... Моральный стриптиз моему... папочке! Семье моей, проклятой! Господи, как я всех вас ненавижу! Будьте вы прокляты! Слышишь, ты, папочка! Будь ты проклят! – Она снова начала всхлипывать и дергаться вперед-назад, выкрикивая фразы.

- А Ирина тут ни при чем. Она тут просто... Отпустите ее! Это я, я все сделала, она ни при чем...

Потом она замолчала, закусив до крови губу и замычала, будто от сильной боли. Когда она ударилась со всего размаху лицом о свои колени, Вадим поднял с пола бутылку с минеральной водой, из которой на ковер натекло, и резким движением плеснул струей воды ей в лицо. Она изумленно замерла с приоткрытым ртом. Вадим встал, и она со страхом откинулась на спинку кресла, потом хрипло вскрикнула: «Ха-ха!», будто хотела показать, как ей смешно и совсем не страшно. Прижав ее плечо к спинке кресла, он поднес к дрожащим губам горлышко бутылки и дал ей сделать несколько судорожных глотков. Затем взял со стола льняную салфетку, промокнул мокрое лицо, вытер слезы и кровавые сопли из разбитого носа.

Она смотрела на него так, будто это он разбил ей нос. А может, подумал Вадим, стыдно ей стало, что сопли ей вытерли, как маленькому капризному ребенку. Ничего, от этого не умирают. Медик вставил ей в нос ватные тампоны и обработал спиртом прокушенную губу, затем молча вернулся к своему чемоданчику. Девчонка обожгла Вадима взглядом, в котором была горечь и боль, потом опустила глаза вниз, на свои намокшие джинсы и заговорила. Она говорила, судорожно вздыхая, с горечью в голосе и не обращала внимания ни на что, происходящее вокруг.

- ...Сколько раз я узнавала, что он посещает женщин...От своих же подруг, в школе! Рестораны и дача, сауны и друзья... Не скрывал даже особенно, весь город знал. А мать за него держалась – еще бы, такой известный человек! Когда меня родила, жили скромно, в двухкомнатной... Потом он пошел на повышение, карьера началась! А она

терпела, все его похождения сносила, считала, что так и должно быть... Карьеру ему боялась испортить! Как же – если все шлюх имеют, то и он должен, иначе нельзя...

Лишь изредка она всхлипывала, переводила дыхание и снова продолжала говорить, глядя вниз и изредка усмехаясь, будто над собой. Качала головой, словно самой себе удивляясь, и продолжала.

- Я-то, пока дурочкой была маленькой, тоже папочкой своим гордилась. Как же – заместитель мэра, такая красивая машина, подарки красивые... А потом как подружки давай рассказывать-докладывать... Ну ладно, мать, она привыкла, потом сама завела себе ухажера. Один, другой... Нет, чтобы бросить эту сволочь! Уйти от подонка, со мной, - Анжела дернулась, поняла, что руки не освободить, топнула со злостью и бешенством скованными ногами о ковер, но это было совсем не то, чего она хотела.

Она даже не заметила, как Медик подошел к Командиру и подал записку. Так, мужчина находится под воздействием наркотика, кололи в вену; у девицы - легкая степень опьянения. Девчонка чиста, это уже хорошо. Вадим посмотрел на неё, ребёнок ведь ещё, и как угораздило на такое решиться?

- ...А потом я стала сама следить. Только не за тем, с кем он там гуляет, а с кем дела имеет. Вот когда он свое истинное лицо показал. И с бандитами обнимался, и с фашистами целовался... Господи, с какой дрянью он только не сходил, чтобы «бабки» свои поиметь! И тогда я решила: ну всё, хватит! Мало того, что семью свою превратил в гнездо гадюк, так ещё и сам гнидой стал, хуже некуда, - Анжела дернула снова головой, чтобы отца своего увидеть, но, заметив предостерегающее движение Вадима, уткнулась лицом в колени и разрыдалась.

Вадим налил в чистый бокал воды и поднялся, чтобы дать ей напиться и прервать эти рыдания, вызывающие у него режущую боль в груди. Жалко девчонку, так собственного отца ненавидеть - это не каждый сумеет, обычно у таких отцов детки считают поступки своих родителей вполне нормальными, принимая как данность то, что происходит вокруг. А тут такая трагедия, с чего бы это?

В ухе снова щелкнуло: «Два-четыре-восемь-семь-один-девять-три».

- Принято, - отозвался негромко Вадим и потянулся за планшеткой. Сообщение было коротким. Дождаться прибытия группы поддержки, передать им задержанных, самим вернуться на базу для продолжения дежурства. Время ожидания – 10 минут.

Что ж, подождем, только вот не очень понятно, зачем надо еще одну группу посылать. Сами могли бы отвезти на базу этих псевдо-террористов. Обычно они так всегда делали, чтобы другим зря не «светиться» у места проведения операции. Ладно, решил он, штабу виднее. И повернулся к девчонке, которая все еще продолжала говорить,

поясняя, каким «замечательным» человеком был ее папа, сбиваясь и начиная повторяться. Но пока ни словом не обмолвилась, каким образом и кто это всё организовал. Только эмоции, и ни слова о деле. Вадим кивнул Медику, чтобы тот сделал ей укол, пусть к прибытию группы поддержки успокоится.

Не сама ведь она придумала накачать папашу родного наркотиками и устроить его интервью в Сети. Для этого надо быть очень расчетливым и опытным программмером, судя по докладу Связиста. Создать «плавающий» по Сети сайт, перескакивающий с одного сервера на другой по сложному алгоритму - это ведь надо было заранее все оформить, оплатить, да и программу составить, тоже не один день нужен. И продублировать передачу с камеры через спутниковый канал тоже не так просто, и стоит дорого. Тут должен поработать кто-то ещё, одной ей такое было не под силу. Дружки по классу? Вряд ли, сейчас мало умников по компьютерной части среди школьников. Наемные «спецы» со стороны? Судя по стилю передачи, «беседа» велась продуманно, как только папаша съезжал с заданной темы, то ...

Черт, это же черненькая его умело направляла, не давала отвлечься. Сидела рядом, но в кадре старалась не светиться, и гладить себя давала в меру, но так, чтобы папаша сильно не отвлекался. А девчонка тут как-то не вписывается, её явно использовали, хотя сама она считает себя главной виновницей. Жаль, что аналитики штаба не делятся своими выводами с боевыми группами, было бы интересно узнать о том, кто такая эта черненькая сейчас, а не через пару дней из аналитического отчета для служебного пользования. Но, как говорил Шеф, каждый должен заниматься своим делом. Результаты работы дознавателей будут известны не ранее, чем с этими «опасными террористами» закончат работу и не выяснят все подробности организации этого видео-сеанса. На это может уйти не один день... Интересно, чем же она папашу «накачала»?

Закрыв дверь в санузел, Вадим включил в раковине холодную воду и показал Медику жестом, чтобы тот спустил воду в унитазе. Дверь была тонковата, чтобы можно было говорить, даже вполголоса, не опасаясь быть услышанными.

- Чем папашу накачали?

- Похоже на «сыворотку правды», препарат не наш, что-то импортное. Он бы так и продолжал болтать, если бы ему рот не закрыли, - ответил Медик. – Кололи в вену, плюс алкоголь. Сердце у него выдержит, только дергается все время, хочется ему дальше болтать, а никто не слушает. Как собака скулит, смотреть противно. Что-то ещё колоть не хочется, коктейль и так опасный получился. Я думаю, еще с часок препарат будет действовать, потом он может отключиться на часок, поспит, потом можно будет с ним беседовать уже на нормальном уровне.

- Ладно. Проверь девчонку на алкоголь и наркоту. Что с черненькой? – Командир не удивился, когда Медик сообщил, что на ней парик, возраст под тридцать и лицо явно обрабатывал гример. Изменена форма носа и щек, контактные линзы. Вадим бросил взгляд на свое отражение в зеркале – тонкая полимерная маска на его лице, надетая, согласно правилам перед тем, как выйти из машины тоже изменила его лицо, немного исказив черты лица, но не изменила цвет волос. Если бы кто из знакомых встретил на улице, то вряд ли бы сразу признал. Раньше были черные маски с прорезями, пугающие людей и заметные издали, но он в таких масках не успел поработать, даже когда служил в армейском спецназе, добровольцем после Политеха.

- Хорошо, за ними скоро приедут. А ты после анализов спускайся в машину, надо будет встретить группу поддержки, поменьше чужого внимания к дому.

Вадим открыл дверь и вышел первым. В лаборатории «конторы» быстро установят, что за «сыворотка правды» использовалась. Тогда можно будет вычислить, и откуда она взялась. Такие препараты достать теперь очень трудно. Даже за большие деньги, которые у девчонки вполне могли найтись. Правда непонятно, как она могла выйти на поставщиков такого товара. Все равно что-то тут нечисто, надо посмотреть обстановку в доме, может и станет понятно, как они до такой жизни докатились. Время еще есть. А девчонка пусть говорит, запись идет, аналитики потом разберутся в ее соплях. Вычислят из ее болтовни все важное и дознаватели на основе данных, полученных от аналитиков, быстро «раскрутят» задержанных правильно поставленными вопросами. Иногда ему тоже хотелось заняться аналитической работой, это было интересно, но для этого надо еще учиться. Пока он доволен своей работой, через годик можно будет и об учебе подумать. Шеф всегда такие стремления поддерживает, постоянно напоминает, что его подчиненные должны постоянно «расти» профессионально. «Плох тот Командир, что не мечтает стать Шефом...»

-5-

В кабинете папаши, на первом этаже Вадим заметил фотографии на стене, подошел поближе и сразу наткнулся взглядом на лицо своего Шефа. Шеф регионального управления по борьбе с терроризмом, между своими - Контора, с улыбкой, редко бывающей на его лице, пожимал на снимке руку папаше девчонки. Свежая фотография, не больше года. Очень интересно. Но девчонка ведь говорила, что ее папаша в мэрии работает, значит, вполне мог встречаться с руководителями спецслужб региона. Шеф здесь работает уже третий год и по службе вполне мог посещать мэрию. Только вот редко он соглашается фотографироваться, где-то на официальном приеме их «щелкнули». А на

другом снимке губернатор по-отечески похлопывал папашу по плечу. И даже рядом с Президентом этот пройдоха успел сфотографироваться. Остальных людей на фотографиях Вадим не узнавал, он никогда не интересовался политиками, да и чиновников не жаловал. Для его работы это было ненужно, а местные новости он просматривал бегло, обращая внимание только на то, что имело отношение к его работе.

Вадим прошелся вдоль застекленных шкафов с книгами. Здесь стояли солидные тома, тщательно расставленные по порядку, на корешках золотились и серебрились тисненные буквы. Юридическая и политическая литература, энциклопедии и справочники по экономике, даже толковому словарю Даля здесь нашлось место. Книги были как новенькие, видимо редко их доставали с полок.

На столе в идеальном порядке располагались письменный прибор из малахита, закрытый ноутбук, стопка книг, хрустальная пепельница. На отдельной приставке к столу располагался небольшой принтер-копир. Кресла с темной обивкой, столик с пачкой глянцевого журналов, встроенный бар. Дверь в небольшой санузел с солидным набором мужской косметики на полке... Пыль здесь вытирали тщательно и ежедневно. Видно было, что здесь не работали, а встречали гостей, демонстрируя деловой стиль. Показуха.

В комнате девчонки, которая была уютно обустроена, Вадим отметил, что она сильно отличалась от остальных комнат в доме, где все кричало о достатке, и было выставлено как на витрине магазина, вот мол, полюбуйтесь, как мы круто живем. Здесь же был некоторый беспорядок, но это был рабочий беспорядок, жизнерадостный и сразу было видно, что обитатель комнаты много читает, играет на гитаре и любит рисовать акварельными красками. На стенах были развешаны рисунки в рамках, некоторые были приклеены к тисненым шелковым обоям скотчем. Здесь были и пейзажи и парочка натюрмортов, но ему понравился портрет девчонки, сделанный явно другой рукой, профи рисовал. Анжела на рисунке была печальной и очень красивой, но казалось, что вот сейчас она очнется и улыбнется, задорно и весело. Хороший портрет, надо будет узнать у нее, кто рисовал.

Во встроенных шкафах аккуратно висела одежда, выдвижная кровать была убрана в нишу, только плед на узком диванчике был небрежно отброшен на спинку, будто девчонка дремала и затем внезапно вскочила, куда-то торопясь. На большом столе лежали несколько покоробившихся листов с акварелями, коробки с тюбиками и флакончиками красок, на подносе из нержавейки - баночки с водой, кисти в деревянной вазе, несколько расписных деревянных стаканов были заполнены карандашами и фломастерами...

Стойка с музыкальным центром и системным блоком занимала красный угол, диски и кассеты заполняли несколько полок. Ну, здесь был обычный для подростка набор современной музыки и фильмов, только нет в комнате постеров поп-звезды или киноактера. Неужели девчонка не влюблялась в очередного идола, раскрученного на ТВ? Странно, девчонки в таком возрасте обычно находят себе кумира лет на десять постарше себя. Сверстники в этом периоде их интересуют мало.

Связист сообщил, что группа поддержки прибыла. Отлично, надо встретить их Командира, может, кто-нибудь из знакомых. Будем надеяться, что они не привлекут к себе внимания соседей и попадут в дом как можно незаметнее. И чего ради штаб не позволил его группе доставить задержанных?

Вадим поначалу не узнал вошедшего в дом, но после первых же слов, понял, что группой поддержки командовал знакомый, с которым он встречался в штабе. Только Сергей вроде бы занимался «зачисткой» объектов после операций. Пожав протянутую руку, Вадим повел Сергея наверх, решив на ходу выяснить, почему прислали именно его. Зачищать тут нечего, все целы и невредимы. На промежуточной площадке лестницы он остановился и небрежно спросил: - Так вы, что ли, уборку будете делать?

- Ну да, - жизнерадостно кивнул Сергей, маска сделало его ухмылку похожей на оскал обезьяны, большой и сильной, довольной собой. Сергея в штабе считали не очень умным, но очень исполнительным парнем. На операциях «зачистки» это ценилось, ведь сценарий разрабатывали аналитики, а Командиру группы предстояло только тщательно следовать их указаниям. Экспромты не поощрялись, ценилась именно исполнительность. Вадим кивнул так, будто и не ожидал другого ответа, развернулся и сделал несколько шагов по ступенькам.

- Так в штаб никого не повезут? А то мы ведь туда раньше попадем.

- Нет, все здесь останутся, – Сергей оценивающе присмотрелся к повреждениям створок двери, немного задержавшись на пороге гостиной. – Понятно, учтем.

Больше Вадим вопросов задавать не стал. Не стоит нарываться на встречные вопросы, обычно группы не общаются между собой на задании. Сергей дважды нарушил правила, но сам об этом и не догадывался. Потому и останется в своем отделе еще надолго.

Пока Сергей осматривался, остановившись посреди комнаты, Вадим прошел к дивану, не глядя на умолкшую девчонку, взял в руки планшетку и, присев рядом с Бойцом, набил на клавиатуре запрос: «Почему задержанных не берут в разработку? Прошу подтверждения зачистки.» Помедлив секунду, отправил сообщение в штаб. Возможно, он и не аналитик, но уничтожение задержанных обрубает все концы, которые

могут вывести на организаторов акции и поставщиков запрещенного препарата. Не могла девчонка сама все это придумать! И девица эта, в парике и с профессиональным гримом не так проста, как кажется. Уж Шеф-то должен понимать, что здесь что-то нечисто. Никогда еще у Вадима не возникало сомнений в том, что Контора действует правильно, по закону. Не может она может так просто «закрыть дело». Здесь работы аналитикам непочатый край, да и чем девчонка-то виновата? Пусть даже придумала сама, не может она представлять угрозы для общества, это ни в какие ворота не лезет.

Сергей подошел к нему и небрежно поинтересовался: - Какие-то проблемы? Я думаю, твоя группа уже закончила, теперь нам надо поработать.

Вадим бросил быстрый взгляд на вошедших в комнату трёх парней в неброских штатских костюмах, при галстуках, с кожаными кейсами в руках. Неплохо, никто из соседних коттеджей не удивится, заметив приличных людей, входящих в дом. Аналитики постарались, наверняка ведь, выяснили, что здесь часто бывают именно такие гости. Вадим посмотрел в лицо Сергею и, усмехнувшись, постучал ногтем указательного пальца по планшетке. Мол, есть причина, жду указаний штаба. Сергей сунул руки в карманы пиджака и принялся раскачиваться с пятки на носок, выражая свое нетерпение. Троица, повинуясь кивку своего Командира, заняла диван, кейсы они держали на коленях. Вадим знал, что нарушает инструкции, но не хотел уходить, пока не получит ответа из штаба. Пусть это скажется на его карьере, но ответа на запрос он дождется здесь. Раздражение Сергея тоже понять можно, он-то никаких новых указаний от штаба не получал, а время, отведенное ему на «зачистку» уходит.

Вадим поднялся с дивана через минуту, положенную на ожидание, чтобы отдать команду ухода своей группе, но в третий раз за сегодня в ухе раздался приятный голос: «Один- три- девять...». Оба его Бойца, повинуясь указанию жестом, подхватили девчонку и, не давая ей коснуться пола ногами, понесли из комнаты. Сергей оторвал взгляд от наручного коммуникатора, на который пришло сообщение из штаба, и слегка пожал плечами. Ему было всё равно, «зачищать» двоих или троих.

-6-

В машине все молчали, при «клиенте» разговаривать было запрещено, кроме как по делу. Если кроме своих в машине никого не было, группа начинали обсуждение «дела» сразу, как только выезжали с объекта. Делились впечатлениями, строили предположения, обсуждали свои ошибки. Сегодня придется потерпеть до базы. Им ведь еще до конца дежурства четыре часа осталось. Вадим усадил девчонку на место Медика, спиной к стойке Связиста, сам сел напротив, чтобы загородить лобовое стекло.

- Почему вы взяли только меня? – спросила вполголоса девчонка, и посмотрела на него глазами, полными слез. На лице у нее, согласно правилам, тоже была одета маска, «клиентов» всегда так перевозили.

- Тебе нельзя задавать вопросов, - так же негромко ответил Вадим. – Ты можешь только отвечать на мои. Иначе, - он демонстративно похлопал по карману, где лежала повязка. Девчонка сглотнула комок и не удержалась, слезы полились по щекам, проступая сквозь маску и скатываясь по ее поверхности вниз, оставляя влажные следы. Капли собирались на подбородке и срывались, падая на джинсовую ткань, тут же впитываясь и оставляя мокрые пятна.

- Господи, - прошептала девчонка, закрывая глаза. – Значит, их убьют...

Вадим похлопал ее по коленке и ободряюще улыбнулся: - Глупости говоришь, Анжела. Их вывезут на другой машине.

Но девчонка не открывая глаз, помотала головой. Вадим снова похлопал ее по коленке и перевел взгляд на окно, за которым жил своей жизнью город. Город, порядок и покой которого он охранял со своей командой. Девушка в парике скорее всего была настоящей террористкой, и это она, судя по высказываниям девчонки, достала «сыворотку правды». А о том, что была организована трансляция через спутник, девчонка и не знала ничего. Ловко же её использовали, кому-то сильно мешал ее папаша. За три месяца знакомства эта девушка, назвавшаяся девчонке Ириной и выдававшая себя за студентку, смогла втереться ей в доверие и стать лучшей подругой. Вот и нарвалась девочка на неприятности... Сама виновата: решила папочке отомстить, решила выставить на показ его грязную душонку. О последствиях она особенно и не думала, хотя догадливая, кто бы мог подумать. Но показала такое, что «власть имущие» настолько обеспокоились, что задергали за все рычаги и в это «дело» вошла Контора. А Контора по пустякам не работает, значит, что-то знал этот папаша такое, что несло угрозу службе. Шеф согласился «зачистить» дом вместе со всеми, кто там был, хотя понимал, что нарушает закон. Видимо, есть у него соображения, позволяющие нарушать закон. Было бы интересно послушать, хотя после сегодняшнего, это вряд ли получится. Жаль будет из Конторы уходить, но ведь придется. А девчонка пусть поплачет, может, она так и не поймет, в какую грязную лужу влезла, пытаясь образумить своего папашу, но зато дальше будет жить. Пусть и с тяжестью на душе, ведь действительно, такого папашу иметь - не подарок. С временем сможет оправдать себя перед своей совестью, уж у нее-то она чиста. Пусть поймет, что жизнь всегда имеет две стороны, с темной она только сегодня познакомилась. Тут уже ничего не исправишь и за содеянное надо платить. Вадиму очень хотелось верить, что пройдя через штаб, с его дознавателями, она останется чистой душой, не озлобится на

весь свет и не станет винить себя в том, что отец ее получит по своим заслугам. А с Шефом он постарается поговорить, как только отоспится после дежурства.

-7-

Утром он, как обычно, собрался позавтракать и, пока доспевала на плите овсянка, зашел в Сеть, выбрал местный новостной канал. В восемь тридцать выпуск новостей, в большинстве своем, состоящий из новостей вчерашних. Снова цены на нефть растут; курс евро тоже растет; депутаты Думы заседают; проведена очередная смена ученых и персонала на лунной станции «Коперник»; готовится запуск второй очереди нефтеперерабатывающего комбината в городе; пожар в элитном районе города; скандальная информация о городском руководстве в Сети оказалась фальшивкой; обнаружен труп дочери погибшего в огне первого заместителя...

Намазывая на хлеб масло, он вдруг замер и уставился на экран ноутбука, стоящего перед ним. На экране мелькнула машина, в которую грузили носилки с черным пакетом, фотография... С экрана на него смотрело знакомое лицо. Это была она, вчерашняя девчонка, что-то говорили про бабушку, обнаружившую труп внучки, повесившейся в ванной...

Дальше он уже не слушал, чувствуя, как внутри, от горла до крестца натягивается тонкая, но прочная нить или струна, будто кто-то накручивал колки на грифе его души.

В приемной Шефа сидела секретарь Зочка, с которой все любили поболтать о пустяках. Она была всегда свежа, приветлива и накрашена впечатляюще, но в меру. Свежий букет от очередного поклонника уже красовался в хрустальной вазе. О том, чем занимается Контора, она понятия не имела, полагая, что, как и все в этом здании, работает в региональном управлении экономики и развития. Никто её в этом заблуждении не разубеждал, даже развязные программисты, которые работали на отдел аналитики. Секретность и дисциплина в Конторе соблюдались, но теперь это мало помогало Вадиму. Сегодня он был не в состоянии любезничать и только глухо осведомился, у себя ли Шеф. Узнав, что он выехал десять минут назад на совещание городского руководства, сразу вышел, не обращая внимания на вопросы обеспокоенной его видом Зочки. В кабинете его группы никого еще не было, он сел за свой стол и включил компьютер.

Обладательница черного парика оказалась числящейся в их базе данных, вчерашняя фотография заметно отличалась от тех, что имелись в базе, но для программы «Образ» этих отличий оказалось недостаточно, чтобы не выявить сходство. Бывшая сотрудница московской компании «Вояж-Эскорт», занимавшейся не только охраной и сопровождением тех, кто мог заплатить немалые деньги за услуги симпатичных девушек.

Заказные убийства и шантаж, скандалы... компания была закрыта год назад, но скорее всего снова работает под другим названием. Вадим вздохнул, закончив просмотр послужного списка покойной теперь уже Валентины, с рабочей кличкой «Фиалка», скорее всего за голубые от природы глаза. Два недоказанных убийства, соучастие в четырех делах с шантажом... Полгода назад была оправдана, за недостаточностью улик, и после этого исчезла с горизонта правоохранительных органов. Контора ею специально не занималась, но, как водится, копила слухи и упоминания о ней, как вполне способной оказаться замешанной в новых преступлениях. И вот теперь, когда она была у них в руках... Неужели никто из аналитиков эту информацию не искал? Быть такого не может, значит, всё было под контролем Шефа. Отключив компьютер, посмотрел на индикатор часов и набрал код на планшете.

- Я знал, что ты объявишься, только не так рано. Подожди, - с экрана монитора на него смотрело лицо Шефа. За ним неясными очертаниями виднелись стены какого-то кабинета и размытые пятна окон. – Извините, я на минутку...- Экран потемнел, видимо Шеф сложил его, пока выходил из кабинета. Потом на экране снова появилось его невыразительное лицо.

- Вы предали меня, генерал! Я уйду из Конторы, – отчеканил Вадим и сам удивился, как твердо смог сказать такое своими онемевшими от волнения губами. Шеф уперся в него взглядом, лицо его налилось кровью: - Сопляк! Как ты смеешь! Нет, с тобой надо серьезно поговорить...

- Я всё равно уйду, - бросил в ответ Вадим и отключился, потому что почувствовал, как слезы душат его и дрожат губы. Он верил в Шефа все три года, что служил в Конторе, как в бога. Он восхищался им и любил его. Те легенды, что ходили по Конторе он всегда воспринимал как подтверждение правильности своего выбора. Во время службы контрактником в спецназе он понял, что был просто смертником, которого бросали туда, куда нужно и не нужно, где его и товарищей по бригаде считали «пушечным мясом», что было бы справедливо на войне, но не в родной стране. Они подавляли мятежи в тюрьмах и ловили беглых преступников, громили подпольные спиртзаводы и нарко-лаборатории, которые охраняли хорошо вооруженные боевики, многие из которых прошли такую армейскую выучку, как и он. Ему хотелось служить стране, а не генералам. Защищать справедливость и оберегать жизни своих соотечественников от внешних врагов, которых за два года службы так и не увидел, вопреки уверениям президента. Наивный романтик, начитавшийся книжек и упорно занимавшийся спортом, полюбивший небо в пятнадцать, когда впервые поднялся в него на дельтаплане... Энтузиаст-мечтатель, разрабатывающий в институте модель

планетолета для экспедиции к спутникам Юпитера... Глупый, но здоровый юноша, вызвавшийся добровольцем служить в спецназе... А теперь - профессиональный волкодав, не пожелавший давить без разбора волков и овец. И в результате - сопляк, слюнтяй или прозревший, наконец-то, убийца-профессионал? Струна внутри вновь натянулась и готова была под легким дуновением ветерка сыграть на высокой ноте последнюю мелодию.

На улице, выйдя из Управления на автомате, ничего и никого не замечая, он столкнулся с Сапером, расплывшимся в улыбке и первым протянувшим руку.

- Вадим! Чего так рано уходишь?

- Привет Толик, - мрачно отозвался Вадим и хотел отделаться стандартной фразой, что мол, по делам. Но Толик и сам понял, что не до него, но всё же сказал то, что хотел.

- Слушай, Командир, я тебе вчера забыл папку отдать...

- Какую папку? – насторожился Вадим, ему показалось, что не случайно он столкнулся с Сапером именно сейчас. Шеф вполне мог за те пять минут, что прошли с момента их разговора найти Сапера и направить его сюда, чтобы он «присмотрел» за своим Командиром. С Сапером у него отношения были самые дружеские во всей группе, они даже пару раз вместе ездили за грибами. Сапер знал в окрестностях несколько грибных мест, они оба раза много белых грибов набрали и хорошо посидели с пивком на песчаном обрыве, откуда открывался прекрасный вид на лесное озерко, зарастающее камышом.

- Ну, вчера я ведь в гараже сейф нашел, помнишь? – немного смущаясь, сказал негромко Толик. – А пока вы наверху возились, я его и открыл, посмотреть просто... А там бумаги, я их начал смотреть да и прихватил, думал, пригодятся аналитикам. А когда чистильщики прибыли, я о нем и забыл, немного испугался, когда ждать пришлось. Ну, а потом, в машине... ты был девкой занят, не до разговоров.

- Где он? – Вадим понял, что Сапер еще ничего не знает, даже о том, что девчонка погибла.

- В машине, где же ещё, - удивился Толик, для вещдоков в машине был оборудован сейф-тайник. Вадим больше не стал ничего говорить, а ухватил его за руку и потащил к проезжей части, ловить такси. На своих машинах им незачем светиться, там ведь маячки служебные стоят.

Папка была кожаная, серая и потертая по углам. В ней покойный чиновник городской администрации с самого начала хранил копии компрометирующих своих соратников, или скорее подельщиков, документов. Первые листы уже пожелтели от

старости, но пластиковые файлы, по которым они были разложены, сохранили бумагу мягкой.

- Слушай, Толя, давай-ка где-нибудь посидим, - не разглядывая листы, предложил Вадим и вскоре они уже сидели за столиком в незнакомом кафе, неподалеку от Базы. Толик заказал себе гамбургер с соком, а Вадим попросил кружку пива. Толик бросил на него удивленный взгляд, но промолчал. В группе не было «сухого» закона, но спиртное пили только когда выходили на длительный отдых, а такое бывало не чаще двух раз в год. Раз Командир заказал пиво, значит так надо.

Отпив глоток холодного и крепкого пива, Вадим похлопал ладонью по папке и негромко, так, чтобы слышал только Толик, сказал то, отчего тот замер и прищурился.

- Девчонка погибла вчера. Якобы повесилась после пожара в квартире у бабушки.

- Вот хрень-то, - после недолгого молчания отозвался Толик и отложил надкушенный гамбургер. Вадим скривился в усмешке и добавил: - Я сегодня сказал Шефу, что ушел из Конторы..

- К-как это? – не понял сначала тот, но Вадим утвердительно кивнул, и Толик ещё больше помрачнел. – Значит, наши чистильщики всё-таки доработали, - прищурился Толик и снова взял гамбургер, откусил, но уже без аппетита, просто чтобы чем-то заняться. Сглотнув, пробурчал недовольно: - Группу теперь разделят, раскидают по другим отделам. Плохо. Что делать будешь?

Вадим посмотрел на серую папку, поднял глаза и встретил ожидающий пояснений взгляд.

- В общем, так, Толик... Девчонка хотела показать, какой сволочью был ее отец, но ей это не удалось. Шеф в этом замешан, без его санкции чистильщики не смогли бы вытащить девчонку. А его фотку я видел в том доме, что ночью сгорел.

Вадим сглотнул комок в горле, отхлебнул пива и снова ощутил внутри натянутую струну. Толик обернулся в сторону бара, и к ним тотчас подошла официантка.

- Мне тоже пива, - заказал Толик, Вадим только усмехнулся: дурной пример заразителен. Да только он теперь не указ Саперу.

- В этой папке, - когда официантка принесла кружку для Толика и снова отошла и присела за столик у входа, - лежит то, что может... доказать, что девчонка погибла не так, как это представлено. Если я смогу это передать журналистам, то она погибла не зря. Сейчас ты решаешь, как поступить с этим. Откуда взялось – ты можешь сказать, что знать не знаешь, и я сам папку нашел. А можешь отдать Шефу, на случай возможной проверки. Я теперь для тебя не командир, можно сказать, посторонний. Поэтому решай сам, что делать...

Вадим постучал указательным пальцем по папке, убрал руку и откинулся на спинку стула, показывая, что он теперь к ней не притронется. Толик поднял свою кружку и, не глядя на Вадима, неторопливо отпил половину. Поставив кружку на бумажный кружок, Толик утер пену и удовлетворенно выдохнул: - Ух, люблю я пиво, - потом поднял глаза на Вадима.

- Ты Командир, тебе и решать, что с этой папкой делать, - спокойно произнес он и Вадим понял, что назвал он его так не по привычке, а потому, что сделал свой выбор.

- Спасибо, Сапер, - ответил Вадим, опустив глаза. – Я ведь так и не увидел, как она улыбается...

- Вот что, Командир, - сделав вид, что не замечает опущенной головы Вадима, добавил Толик: - Где меня найти, ты знаешь... За других не ручаюсь, но если надо будет помочь, не стесняйся, зови.

Вадим поднял голову, уже не стесняясь набежавшей слезы, и благодарно кивнул. Толик был моложе на два года, пришел в Контору сразу после Бауманки и, не смотря на молодость, спецом был классным. И если что-то говорил, то этому можно было верить. За три года совместной работы в этом убедились вся группа. Вадим хотел было поблагодарить его, но слова застряли в горле, а струна внутри натянулась еще сильнее, хотя, казалось бы, дальше некуда. Толик поднял свою кружку и, с грустью в глазах, протянул к нему: - Давай, помянем девчонку.

-8-

Ломило затылок, но в голове было ясно и откладывать принятое решение на «потом» Вадим не стал. Струна внутри звенела от напряжения, казалось – тронь только и она лопнет со звоном. Торопливо освободил стол на кухне, подключил сканер к системному блоку, настроил и занялся переключиванием листов бумаги: из серой папки на стекло сканера, оттуда – в растущую стопку на столе. Через час папка опустела, Вадим почувствовал небольшое облегчение. Часть работы выполнена и теперь он мог сделать небольшую передышку. Отпивая горячий кофе, он поглядывал на серое небо за окном и кривил губы в усмешке: вновь появились сомнения, правильно ли он поступает, не стоит ли еще раз всё тщательно обдумать, всё еще может измениться...

Допив кофе, Вадим принялся за сборку скопированного текста в один файл. Струна внутри ослабла, теперь казалось, что тронь ее, и она издаст низкий звук, и колебания ее будут заметны на глаз. Но когда он вошел в Сеть и на сайте СОЧ «кликнул» программу «Почтовый курьер», струна вновь резко натянулась, запела на высокой ноте. На экране появилось изображение раскрытой ладони, словно приглашающей вложить в нее свое

послание. Вдохнув и задержав дыхание, Вадим перетащил файл на ладонь и на секунду замер, задержав палец над кнопкой «мыши». Это был Рубикон, после которого всякая случайность может стать последней. Он сознавал, что теперь будет внимательнее осматриваться по сторонам, переходя улицу и посещая людные места. Над ним теперь будет постоянно висеть угроза, может быть он станет неврастеником, в ожидании мести Шефа, который обязательно использует все возможности Конторы в своих личных целях. Смерти Вадим не боялся, страх он потерял ещё в спецназе. А вот в справедливость ещё верил. Как только данные уйдут по Сети на душе у него не будет того огромного камня, что давит сейчас. Он очень надеялся на это. Вина за гибель девчонки останется, на всю оставшуюся жизнь, с этим он уже смирился. Но, может быть, дальше он сможет хоть немного облегчить эту вину тем, что постарается оставшееся время действовать так, чтобы другие девчонки и мальчишки не попадали в капканы, которые им устраивает жизнь.

Палец уверенно нажал кнопку, рука на экране сжалась в кулак, кулак сжался в точку и «Почтовый курьер» сообщил, что информация отправлена. Теперь никто посторонний не сможет добраться до этой информации, даже Контора. Несколько лет Контора пыталась «взломать» эту программу, но так и не смогла. Как не смогли и другие спецслужбы. Видно, самые лучшие спецы уходят из государственных Контор в общественную организацию, посвятившую себя делу объединения человечества без помощи политиков. Теперь информация попадет туда, где ею смогут распорядиться с умом Там, судя по слухам, ходившим в Конторе, не только лучшие программисты и изобретатели собирались, но и аналитики были классом повыше. Если переданная информация имеет ценность и достоверна, её выставят в открытый доступ и тогда окопавшейся в городе, а может и в регионе банде, членом которой оказался и его бывший Шеф, придёт конец.

Вадим обессилено откинулся на спинку стула и закрыл глаза. Струна внутри ослабла настолько, что свернулась в спираль. Так он теперь и будет жить, ощущая по натяжению струны необходимость своего существования. Когда-нибудь струна не выдержит, но ему очень хотелось верить, что произойдет это не скоро. А береженого – Бог бережет.

Диспут на заданную тему

Моим ученикам трудно что-то доказать, это связано как с их возрастом, так и с доступностью информации, которой они ещё не умеют пользоваться. На уроках новый термин или понятие, которое я даю, часто вызывает торопливые нажатия клавиш коммуникаторов и попытки превратить урок в беседу на отвлеченные темы, порожденные различиями в толковании. Я к этому отношусь спокойно, хотя некоторых моих коллег помоложе, такие попытки сильно раздражают. За девять лет работы я успел научиться доводить начатую тему до конца урока, переключая возбуждение класса в нужном направлении и возвращая их внимание к поднятым мною вопросам темы урока. Не всегда это удастся, особенно в шестых-седьмых классах, когда мои уроки только начинаются. Обычно через год, редко два, мне удастся убедить ребят и девчат, что для обсуждения свободных тем лучше всего подходит послеобеденное время, когда можно собраться в свободной комнате. Такие внеклассные занятия нравятся старшеклассникам, они живо интересуются не только изменениями, происходящими в окружающем мире, но и теми возрастными изменениями, что происходят с ними. Мне эти собрания часто помогают понять, что необходимо изменить в своей работе, на чем акцентировать внимание, а чего стоит избегать. Школьный психолог не может охватить своим вниманием всех учеников и дать рекомендации каждому учителю, да и не его это работа – учить учителей, как работать в классе. Достаточно того, что он стремится выявить и остановить развитие острых конфликтов среди школьников, а учителя, после ухода на пенсию последних монстров дореформенной системы образования, составляют коллектив единомышленников, прошедших через систему тестового отбора и получивших хорошее образование.

Сам я попал в школу случайно, через год после запуска эксперимента по реформе образования, пройдя через жесткую систему отбора и интенсивную переподготовку. Последний финансовый кризис, совпавший с природными катаклизмами и политическими потрясениями на фоне зарождения глобальной информационной сети, похоронил банк, в котором я работал маркетологом после окончания университета. Промывавшись год случайными заработками, отчаявшись найти хорошее место и едва не потеряв семью из-за бытовых неурядиц, я наткнулся в Интернете на проект СОЧ, предлагающий пройти тестирование и получить хорошую работу, «полностью соответствующее способностям и навыкам, с хорошей оплатой в области образования». Преподавательская деятельность никогда меня не привлекала, в школе и университете хороших учителей было немного, и труд их ценился невысоко, по сравнению с трудом банковских работников. Только вот

число безработных экономистов и маркетологов росло с каждым днём, как и цены. Государству было не до безработных, нефть и газ дешевели, экраны телевизоров заполнили сюжеты последствий катастроф и репортажи из «горячих» точек, которых становилось всё больше. На безрыбье и рак – рыба, говорила моя бабушка, и я подал заявку в проект. Было одно «но», которое могло бы смутить слишком разборчивого: работа предлагалась в отдаленных районах страны, одним словом, в глухомани. У меня к тому времени оставалась только надежда на последний шанс получить работу, пусть это будет работа в каком-нибудь провинциальном техникуме или захолустном институте, там ведь преподают экономику. И я его получил, когда по результатам тестирования мне предложили работу учителем в сельской школе. Это поначалу показалось мне насмешкой, но после беседы с представителем СОЧ, раскрывшим мне перспективы программы реформирования и условия работы, я сам выбрал Алтайский край и с трудом уговорил жену на переезд из Питера, о чём теперь несколько не жалею. Решающими аргументами стали угроза превращения Питера в северный вариант Венеции, затопленный подвал дома, где мы тогда ютились в коммуналке и хорошие подъемные, которые полагались семейным. Трудно было пройти переподготовку, ведь образование экономиста я получил без педагогического уклона, но это оказалось даже и лучше, ведь реформа была направлена на то, чтобы преобразовать школу, и в первую очередь путем замены учителей старой формации. Экономическая география и математика в старших классах, да ещё несколько факультативов по основам системного анализа и логике позволяли поддерживать свой профессиональный уровень, я читал новые книги, следил за новостями в журналах и старался помочь тем ребятам, что хотели пойти учиться после школы по экономической части. Сейчас в школу идёт работать новое поколение учителей, тщательно отобранное ещё до окончания средней школы, с хорошей базовой подготовкой, включающей такие предметы, о которых я и не слышал раньше. Мне же пришлось трудно и в первые годы работы, когда я столкнулся с теми самыми «старыми кадрами», которых пришел заменять. Сразу ведь набрать столько подготовленных правильно людей, чтобы осуществить единовременную замену старых невозможно, поэтому пришлось работать бок о бок с истеричными женщинами, часто не имеющих даже вузовского образования и относящихся к детям как к стаду животных, которых надо держать в узде ежовыми рукавицами...

Иногда мне хотелось бросить всё, схватить в охапку жену и дочь и вернуться в Питер, устроиться хоть дворником, только бы не видеть выкаченных глаз и разинутых в крике ртов «коллег», так и не сумевших понять главное: что они не должны работать с людьми, превращая их в своё подобие. Исправить то, что такие «педагоги» творили за год-

два с детьми, невозможно порой и за всю оставшуюся жизнь. Но в школу приходили новые люди, увлеченные проектом с насиженных мест или получившие, как и я, возможность изменить свою жизнь, узнав о том, что имеют способности к работе с детьми. Нас учили развивать у детей интерес к окружающему миру, находить потенциальные способности, обучать навыкам самостоятельного мышления, поиска и обработки информации...

Такие люди и составили новый костяк учительского коллектива, заменив бессмысленную муштру и зубрежку на интерес к познанию мира и себя. А после введения обязательного тестирования школьных работников наш коллектив обрёл единство целей и методов, количество школьников увеличилось за счет соседних поселков и деревень, жители которых начали активно участвовать в управлении жизнью своего района с помощью новой программы СОЧ, запущенной в тестовом режиме. Дети из отдаленных мест и те, кто не желает ежедневно возвращаться в родительский дом, где их не ждет ничего хорошего, а таких родителей ещё хватает, живут в школьном общежитии, переоборудованном из старого дома культуры. Пока строится новое здание школы, с бассейном и оранжереей, мы работаем в двухсменном режиме, но никто не жалуется, ведь желание родителей учить детей именно в нашей школе показывает эффективность реформы образования.

Но не будем отвлекаться, я ведь говорил о внеклассных собраниях. За последние три года, после распространения новых коммуникаторов, такие внеклассные встречи происходят всё реже, а ученики предлагают мне переходить на новый способ общения с помощью коммуникатора, через разнообразные сетевые форумы. Меня это не очень привлекает, мне хочется видеть собеседников не через экран, а вживую, когда я могу видеть каждый жест, каждое движение тела, которые многое позволяют увидеть дополнительно к словам. Я привык использовать в своей работе максимум информации, получаемой напрямую. Общение через коммуникатор или монитор компьютера я обычно сравниваю с натуральным и сухим молоком, некоторые коллеги меня поддерживают. Но ради поддержания своего реноме, приходится следить за происходящим в мире сетевых форумов, которыми так увлекаются ученики старших классов. Младшие больше времени проводят в живом общении, им интереснее общаться друг с другом, играя на спортивной площадке школы или путешествуя по окрестностям, живописным и привлекательным в любое время года.

Сегодня вечером я вспомнил о заявленном недавно сетевом диспуте и решил посмотреть, что там будет и, возможно, сделать небольшую подборку материала, если это покажется мне интересным. Тема диспута, «Пассионарность в 21 веке» меня

заинтриговала, я ведь ещё студентом прочитал несколько трудов Л.Н. Гумилева и какое-то время даже пытался «приложить» его теорию пассионарности к современной жизни, но текучка заела и я эти попытки забросил. А тут вдруг кто-то вспомнил и даже организовал масштабное обсуждение, судя по тому, что анонс был составлен на нескольких языках. Диспут шёл уже второй час, когда я подключился через свой домашний компьютер с большим монитором, экран коммуникатора в таких случаях меня не устраивал, слишком мал. Мельком отметив, что число участников диспута значительно выросло с начала обсуждения, я выбрал текстовый режим и вчитался в вынесенные на обсуждение вопросы. Скопировав их в открытый файл, начал просмотр реплик, привычно называемых комментариями, выделяя те, что могли представлять интерес для меня и моих учеников.

«Вопросы диспута:

1. Существует ли пассионарность в природе?
2. Современное развитие теории пассионарности
3. Примеры пассионарности в нашем веке

Организаторы диспута: Ирина (историк), Алексей (системный аналитик), Степан (историк науки), Галина (биолог), Алмаз (программист).

Число зарегистрированных участников на начало диспута: 23

Выделенное время на диспут: 12 часов

Обсуждение по первому вопросу.

Ирина (Россия): Настоящий диспут вызван растущим интересом к творчеству Льва Николаевича Гумилёва, известного историка, не получившего признания при жизни, но оставившего большое наследство в виде своих научных трудов. Список и ссылки на его труды приводятся на форуме в разделе «Материалы по теме». Организаторы надеются, что участники диспута знакомы с большинством трудов научного наследия Гумилёва и при обсуждении поставленных вопросов постараются использовать основные положения его теории пассионарности, ограничиваясь предложенной темой. Спасибо за внимание и участие!

Алексей (Россия): Постановка вопроса меня несколько обескураживает, ведь если с самого начала диспута мы решим, что понятие «пассионарность» не соотносится с реальными фактами, то есть, признаем принадлежность этого понятия к разряду псевдонаучных терминов, наподобие «теплорода» или «тахсионного поля», то переходить к последующим вопросам темы просто не будет смысла. Сам Гумилёв так и не смог определиться, что же служило источником возникновения пассионарных толчков,

ограничившись указанием на внеземной характер такого источника. Я бы предложил изменить формулировку на «Фактические подтверждения существования источника пассионарности» и вынести обсуждение за рамки диспута. Пусть посетители форума, имеющие информацию по данному вопросу, сбросят свои данные или ссылки. Мы, как организаторы диспута, сможем свести такие сведения в единую табличную форму и разместим результаты на форуме в общем доступе. Думаю, что недели хватит на сбор сведений и обработку.

Галина (Беларусь): Понятие «пассионарность» следует отнести к разряду научных гипотез, а не терминов. Лев Гумилёв создал свою теорию, основываясь на фактах, используемых различными науками в течение двух столетий, по крайней мере. Используя синтез методов широко применяемых естественными науками для обработки данных, используемых гуманитарными, он построил свою модель развития мира, в которой теория этногенеза служит связующей основой, а гипотеза пассионарности объясняет многое в истории человечества. Имеет ли теория этногенеза и гипотеза пассионарности, как составляющая, право на существование – это не стоит обсуждать, иначе мы погрязнем в софистике. Любая теория имеет право на существование, пока не будет опровергнута новыми фактами или не заменится лучшей теорией. Теория этногенеза на сегодняшний день наиболее полно описывает развитие человечества на выбранном Гумилевым отрезке времени. Нам стоит обсуждать не терминологию, и даже не высказать своё отношение к этой теории, а искать новые факты, подтверждающие или опровергающие. Или предложить направление поисков таких фактов.

Степан (Украина): Поддерживаю Галину. Иначе мы с самого начала погрязнем в обсуждении того, что должно быть принято за аксиому. Теория этногенеза и гипотеза пассионарности существуют, есть набор фактов, использованный Гумилёвым. И наверняка есть факты, о которых он знал или которые появились недавно. Поэтому не стоит тратить свое время на переливание из пустого в порожнее, перейдем к тому, что является более существенным для обсуждения. И также поддерживаю предложение Алексея...

Ирина: Хорошо, предлагаю внести по первому вопросу новую формулировку и предложить участникам диспута проголосовать за это изменение до конца выделенного времени. Если большинство будет за изменение формулировки, откроем процедуру сбора сведений по вопросу от участников и посетителей. А исполнителем назначим Алексея...»

***

Жена Людмила позвала ужинать и пришлось оторваться от диспута. Дочка Настюшка вернулась с дежурства в общежитии и, уплетая с удовольствием грибной пирог, заявила, что мальчишки из Сергеевки собираются летом остаться на заготовку трав. Я согласно кивнул: действительно, больше пользы будет для них самих, если они вместо бесполезной беготни по полузаброшенной деревне поработают вместе с другими ребятами. И для здоровья польза, и к осени смогут заработать на одежду и обувь. Родители их перебивались сезонными заработками и большую часть заработанного пропивали, забывая о том, что надо своих отпрысков обеспечивать самым необходимым. Я ввел в коммуникатор напоминание: обсудить на школьном совете необходимость расширения летнего трудового лагеря. Мне ведь, как одному из экспертов совета придется заниматься не только разработкой бюджета, но и заниматься закупками всего необходимого для нормальной работы лагеря, а это и утепленные палатки, и оборудование для кухни, и рабочая одежда...

Жена неожиданно поинтересовалась, что по поводу борьбы с пьянством думают народные избранники, заседающие в Москве. Я пожал плечами, выражая свое скептическое отношение к возможностям государственных органов решить такую проблему. Потом добавил, что вопрос этот решается последние четыреста лет и почему-то никак не решается, а потребление алкоголя в стране не снижается. Наверное, надо искать решение проблемы пьянства нетрадиционными методами, но пока таких предложений со стороны властей не поступало. Там предпочитают «пилить» бюджет государства и вводить новые наказания за нарушение правил дорожного движения, забывая о том, что основной причиной является именно пьянство.

Дочка фыркнула, выражая свое неприятие моей позиции в данном вопросе. В её девятом классе, где наставником был биолог Валерий Васильевич, большинство поддерживало программу СОЧ по переходу к самоуправлению и считало, что лет через пять подобная система вытеснит старую из регионов и тогда вся верхушка, заседающая в Москве, окажется не у дел и сама разбежится. Вот тогда эксперты смогут внедрить программу замены водки на более интересные и полезные дела, до которых народ сейчас не только не пускают, но ещё и усиленно оболванивают, чтобы люди поменьше думали, в том числе и о ненужности таких бесполезных властей. Народ должен сам выбирать, чем заниматься и как проводить свое свободное время, заявила дочка. Надо только не мешать, а помогать тем, кто предлагает заменить общественную пассивность на активное участие в управлении как своей жизнью, так и государством.

Жена, как сторонник сильной власти почему-то к такому варианту развития событий относилась весьма скептически. Она не отказывалась признать, что на уровне

района и даже города система управления, основанная на авторитетных и опытных людях, которые хорошо разбирались в проблемах и потребностях своих доверителей, работает хорошо. В нашем райцентре, например, всем миром добились права распоряжаться выделяемыми бюджетом средствами и разогнали всю администрацию. Теперь здесь все проблемы решаются несколькими экспертами из своих же жителей, среди которых есть и учителя нашей школы. Но жена считала, приводя несколько упрощенные аргументы в пользу необходимости Думы и всевозможных министерств, что при расширении самоуправления даже до масштаба области возникнут проблемы с координацией деятельности экспертов, которым общество доверит управление, да и местнические интересы могут мешать. Дочка сразу же принялась со свойственной молодости энергией доказывать ошибочность таких взглядов, приводя примеры работоспособности самоуправления в Новосибирской области. Я под шумок помыл посуду и отправился посмотреть, как проходит диспут. Возможно, что моя подборка будет интересна не только ученикам, но и коллегам.

***

«Обсуждение по второму вопросу

Ирина: Теория пассионарности Гумилева была создана в конце 20 века и охватывала в описательной части период с 18 века до н.э. по 13 век нашей. Хорошее согласование теории с практическими примерами дало основание на признание научным миром, но инертность авторитетов и известные события 90-х, нарушившие спокойное течение жизни в нашей стране не завершились триумфом автора. Бюрократизм науки, не преодоленный до сих пор, не дали возможности автору создать свою научную школу, издание трудов Льва Николаевича позволило широкому кругу общественности познакомиться с его теорией, но отсутствие инициативной группы в среде ученых не дало развития его системе анализа и теории пассионарности. Возможно, этот диспут вновь возродит интерес к поднятой теме, и образованные люди продолжат его дело, основанное на синтезе нескольких научных направлений. Историки и этнологи, антропологи и биофизики, филологи и экологи могут расширить рамки теории, добыть новые факты и подтвердить состоятельность теории пассионарности. Особый интерес для современных ученых, обладающих огромным арсеналом исследовательских методик и технических комплексов, должны представлять вероятные источники возникновения пассионарности, до которых российской науке в конце 20 века старающейся просто выжить просто не было дела. Но сейчас научные институты получают поддержку государства, переставшего тратить свое богатство на военных. За рубежом растет интерес к нашим разработкам и исследованиям, может, не стоит отдавать на откуп иностранцам наше научное наследие?

В некоторых работах Гумилева имеются осторожные предположения о том, что пассионарные толчки были и позднее. Эти предположения развивались некоторыми российскими учеными, которые высказали гипотезу о последнем толчке, имевшем место в 17-18 веках на территории Азии, захватившим территорию Китая, Японии и стран Ближнего Востока. Что думают по этому поводу наши участники?

Степан: Тогда вполне правомерно предположить и наличие пассионарного толчка, инициировавшего в 15-16 веках открытие и колонизацию обеих Америк, длительные войны за мировое господство на море. Всё это вполне могло быть вызвано полосой воздействия на территорию Англии и западного побережья Европы. Насчет источника у меня предположений нет, вполне вероятно как внеземное расположение, так и локальное.

Энрике (Аргентина, преподаватель истории): в теории Гумилева опущена весьма важная часть Земли, именуемая Новым Светом. Он говорил, что не имеет возможности рассматривать возникновение и развитие пассионарности в странах Южной и Северной Америк. Действительно, по истории цивилизаций Нового Света имеется недостаточно материалов, чтобы делать определенные выводы относительно пассионарных явлений. Но, если опираться на примеры истории, иллюстрирующие теорию пассионарности, то в хронологическом списке Гумилева имеется не менее трех обширных пробелов. Первый – с 16 по 12 века до н.э., второй с 6 по 4 века до н.э. и третий – с 3 века до н.э. по 1 век новой. А ведь именно в эти периоды в Северной и Южной Америках происходили весьма впечатляющие события, когда умирали и возникали империи, состоящие из миллионов людей. И если принять за среднюю периодичность возникновения пассионарных толчков 200 лет, тогда придется признать, что в Америке было не менее 3 таких толчков, приходящихся в указанные периоды. Возможно, что при более пристальном рассмотрении даже имеющихся исторических сведений можно увеличить число пассионарных толчков в обеих Америках до 6 и территориально они также образуют достаточно определенные полосы, проходящие через территории Юкатана, Мексики, Панамского перешейка и Западную часть Южной Америки. При этом вне пассионарного воздействия оказались западная часть Северной Америки и восточная часть Южной Америки. Считаю, что теория пассионарности имеет право на признание и дальнейшее развитие, подтверждений этому слишком много, чтобы считать её просто гипотезой.

Борис (Казахстан, экономист): Вполне возможно, что был и ещё один толчок, послуживший причиной огромных волнений и попыток передела мира в начале 20 века. Территориально это можно представить полосой, проходящей через Восточную Европу и Турцию, только этим можно объяснить Первую мировую войну и массовые революции в Германии, России и, затем, начало Второй мировой. Отсутствие проявлений

пассионарности в конце 20- начале 21 веков объясняется тем, что пассионарии разных стран (в том числе и России) активно собирались корпорациями (ТНК) для проведения исследовательских работ, результаты которых до сих пор ещё не вышли на всеобщее обозрение. Поэтому на местах оставались лишь среднеактивные и низкоактивные обыватели, которые заигрались в политике и экономике, что и привело к серии экономических и политических кризисов 20 века и начала 21, результаты которых теперь приходится расхлёбывать нам.

Степан: Действительно, можно принять такое предположение и для этого стоит обратить внимание на сильное воздействие на общество со стороны СМИ, которые просто занимались оболваниванием общества до уровня рядового потребителя (наиболее активные представители – гивмеры, которых можно отнести к обскурантам по определению Гумилева), что и привело к финансовым кризисам. Но возникновение G-сети и инициативы СОЧ позволили снизить критический порог глобальной катастрофы (переход локальных войн в мировую) и снять основные напряженности в экономике и политике.

Алексей: Синергетика, основанная на системном анализе и сопрягающая многие научные направления, рассматривающие открытые неравновесные системы, к которым относится и человеческое общество, дает возможность описать теорию пассионарности математическими методами. При этом, как показывают примеры использования синергетики в исторических исследованиях или исследованиях по технологическому развитию, можно предполагать сокращение периода действия пассионарности в современном мире. Слишком быстро с 19 века происходят общественные изменения за счет развития технологий, особенно в области коммуникаций и обработки информации. Технический прогресс тянет за собой общество, ускоряет развитие гуманитарных наук и приводит к возникновению противоречий в сфере общественных отношений, которые не успевают приспособиться к новым условиям существования. Это и приводит к кризисам, когда этносы уже не приспосабливаются к окружающему ландшафту и климату, а активно меняют окружающий мир, часто лишь во вред себе. Это и освоение целины в Советском Союзе, и разливы нефти в Мексиканском заливе, вырубка лесов Сибири и Дальнего Востока. В теорию Гумилева необходимо вносить коррективы на технологический прогресс, ставший одним из важнейших факторов изменения этносферы. Новые исследования необходимы и весьма своевременны, надеюсь, что Свободная организация человечества, заявившая о своей способности позитивного изменения мира, станет во главе таких работ.

Ирина: У нас нет сведений о проводимых работах по части обнаружения или хотя бы сопоставлению с зафиксированными научными фактами по источнику пассионарных толчков. Лев Гумилев предполагал, что расположение полос воздействия, вызвавших всплеск пассионарности, имеет электромагнитную природу, ссылаясь на географическую ориентацию полос вдоль геодезических линий. Вполне возможно, что стоит обсудить вопрос о создании инициативной группы по этой проблеме при наборе достаточного количества голосов. Это решится после завершения диспута, я лично готова стать первой в списке инициаторов и принять посильное участие в дальнейшей работе. А вот вопрос по участию СОЧ в работе по развитию теории пассионарности решится только с помощью общественно активных людей. Все проекты СОЧ основаны на инициативе отдельных людей или групп, способных доказать общественную значимость своего проекта...»

Меня отвлек сигнал коммуникатора, пришло два сообщения от коллег, требующих оперативного ответа. Потом жена перед сном зашла, но от обсуждения того, что надо будет высаживать на грядках огорода, я отказался, предложив подождать, пока стает снег. Посильный вклад мой в развитие нашего огородного хозяйства сознательно мною ограничивался тяжелым физическим трудом: вскопать землю или починить парник. Всё, что касалось посадок и выбора растений, я оставлял на женскую половину семьи. Будут летом на столе огурцы и помидоры, или осенью придется закручивать в банки баклажанную икру, меня особенно не волновало, жена разбиралась в том, что можно вырастить на нашем огороде, а уж цветники, которые она поручала обхаживать дочери, бравшейся за это с удовольствием, были выше всяческих похвал и радовали глаз с мая по сентябрь.

Информер коммуникатора вывел несколько новостей, которые вызвали небольшое раздражение и усмешку. Раздражение вызвало сообщение о том, что G-сеть заблокировала на месяц деятельность китайской компании, занятой производством лекарств, среди которых обнаружили и наркотики. В число стран, куда продукция компании поставлялась контрабандным путем, оказалась и Россия. А усмешку, причем невеселую, вызвало сообщение о запрете той же G-сетью запуска Бердского химкомбината после ремонта, выбросы в атмосферу содержали слишком много дряни, от которой окрестное население страдало уже третий десяток лет. И ведь действительно, число онкологических больных было одним из самых высоких по стране, пора нашим промышленникам заняться экологией, а не пытаться по старинке вешать общественности лапшу на уши по поводу очистных сооружений, на которые жалко тратиться.

Мелькнула мысль о том, что упоминание СОЧ подействует на моих учеников как красная тряпка на быка. Но справляться с уходом внимания класса от основной темы я давно научился, ограничить обмен мнениями по поводу грандиозных замыслов этой организации можно с помощью распределения заданий по подготовке небольших информационных сообщений, связанных с теми вопросами, которые дети сами поднимут. Им такие задания нравятся, стоит только с утра выяснить, где после занятий можно устроить это обсуждение, да и сообщение о беседе надо будет давать в самом конце занятий. Вполне возможно, что обсуждение узкой темы, связанной с творчеством Гумилева перерастет в обсуждение более широкого круга вопросов и тогда можно будет предложить устроить своего рода конференцию, растянутую на несколько дней. И устроить её можно будет в столовой общежития, ведь зимой ребятам особенно заняться нечем, а тут появится возможность проявить себя, высказать наболевшее и просто пообщаться. Забот у меня и коллег при этом прибавится, но дело того стоит. За последние два года подобных стихийно возникающих собраний было не меньше десятка, помимо тех, что заранее планировались.

У меня деятельность СОЧ всегда вызывала глубокое уважение и удивление, граничащее с каким-то ребяческим восторгом, который я старался ученикам не показывать, всё-таки возраст уже не тот. И гордость была за тех, кто начинал, в очередной раз Россия впереди планеты всей. Можно ведь к пассионариям отнести всех, не только тех, кто создал эту организацию, но и тех, кто новые проекты организует и реализует. Наверняка среди них большинство из России и стран бывшего Союза. Сытые европейцы, разбавленные наполовину турками и африканцами, или страдающие гегемонизмом американцы в таких проектах участвуют в мизерных количествах, у них и науку с технологиями делают наемные спецы со всего мира, да и культуру тоже развивают либо эмигранты, либо их дети. Правильно у нас говорят, что нет худа без добра, кто мог предугадать десяток лет назад появление такой организации, стремящейся к объединению человечества на основе действительно общих проектов, способных изменить существующие политические порядки и отношения, не случись столь сильных мировых потрясений? И желание учеников принять активное участие в таких проектах я поощряю, стараясь при этом ненавязчиво убедить их, что будущее надо строить не только руками, но и головой, в которой должны постоянно накапливаться знания.

Кстати, можно будет посоветовать обратить внимание на археологические раскопки, которые ведутся совсем рядом, в Солонешенском районе. Денисова пещера, в которой люди жили 40 тысяч лет назад тоже может внести свой вклад в доказательную базу теории этногенеза. Если принять теорию этногенеза, то можно считать, что

человечество зародилось полтора миллиона лет назад в Африке под воздействием того же источника пассионарности, которое впоследствии заставило его разбредиться по всему миру. И дальнейшее развитие также подстегивалось пассионарными толчками и число их должно быть большим, теперь только археологи могут доказать, где проходили линии таких стимулирующих воздействий. Спутниковая археология теперь может рассчитывать на использование военных систем в космосе, взятых под контроль G-сети, об этом на форуме ещё не говорилось. А есть ведь ещё и теория, что вторым очагом возникновения человечества была Сибирь. Вот чем можно заинтересовать учеников, пусть начнут с поиска информации, может в дальнейшем из кого-нибудь и вырастет историк, способный продолжить работу Гумилёва...

На форуме тем временем обсуждение шло весьма активно. Число участников возросло раза в три, страсти накалялись, и я снова взялся за выборку интересных комментариев, мельком отметив, что среди выступающих так и не появилось никого из «чиновных авторитетов» от науки, да и политики почему-то не лезли со своими лозунгами.

***

«Обсуждение по третьему вопросу»

Борис: Вполне возможно, что был и ещё один толчок, послуживший причиной огромных волнений и попыток передела мира в начале 20 века. Территориально это можно представить полосой, проходящей через Восточную Европу и Турцию. Только этим можно объяснить Первую мировую войну и массовые революции в Германии, России и, затем, начало Второй мировой. Отсутствие проявлений пассионарности в конце 20-го и начале 21 веков объясняется тем, что пассионарии разных стран (в том числе и России) активно собирались корпорациями (ТНК) для проведения исследовательских работ, результаты которых до сих пор ещё не вышли на всеобщее обозрение. Поэтому на местах оставались лишь средне-активные и низко-активные обыватели, которые заигрались в политике и экономике настолько, что это привело к серии кризисов, результаты которых теперь приходится расхлебывать всем нам.

Степан: Если принять такое допущение, стоит обратить внимание на сильное воздействие на общество со стороны СМИ, которые с момента активного развития промышленности, породившей массовое производство средств потребления, занимались оболваниванием общества до уровня рядового потребителя (наиболее активные - гивмеры), что и привело к последующим финансовым и экологическим кризисам.

Наверняка, среди основателей наиболее активных СМИ, часто объединенных в конгломераты, именуемых «империями», были пассионарии, которые выражали свою активность в доступной форме, не осознавая, что творят. Это ведь вполне согласуется с теми примерами, что упоминались Гумилевым, при иллюстрации жизненных циклов, связанных с историческими персонажами. Чингисхан, Тамерлан или Александр Македонский создавали свои империи, не сознавая причин и последствий, просто их толкала к этому пассионарная энергия, которой они были наделены в полной мере. В 20 веке появились Сталин и Гитлер, неудачно пытавшиеся повторить подобное. В нашем веке подобной попыткой можно считать действия США, пытавшихся навязать миру свою гегемонию. Но возникновение G-сети и инициативы СОЧ позволили снизить критический порог глобальной катастрофы (переход локальных войн в мировую) и снять основные напряженности в экономике и политике.

Галина: Как эколог, считаю пассионарность, если и не доказанным научным фактом, но очень полезным изобретением, позволяющим сосредоточить внимание на современной проблеме - уничтожение человечеством биосферы, ведущее к прекращению этногенеза. Необходимо связать в один узел развитие техносферы, ведущее к разрушению биосферы и с помощью СОЧ сделать всё возможное для восстановления природы хотя бы до уровня 70-х годов 20-го века. При этом неважно, как будут называться инициаторы проектов, пусть будут пассионариями, лишь свою энергию они направили на сохранение природы.

Алмаз: Как программмер, я сильно сомневаюсь в том, что G-сеть стала благом. Спонтанное возникновение на базе вирусных технологий и невозможность полного контроля многих пугает, вряд ли создателей G-вирусов можно считать пассионариями, они преследовали другие цели, о которых мы и понятия не имеем. Развитие такой структуры до сих пор непредсказуемо и попытки описать будущее пока можно считать простым фантазированием. Единственным проявлением пассионарности в наше время можно считать работу СОЧ, проекты которой направлены на благо большинства и пытаются вписать природу в деятельность человека, что более согласуется с теорией этногенеза Гумилева.

Гульмира (Татарстан): Как можно считать G-сеть опасной для человечества? Разве введение таких масштабных изменений в деятельность человечества, как запрет на продажу оружия, наркотиков и политических конфликтов не является самым знаковым проявлением полезности? День Мечты, День Памяти и другие проекты, развернутые посредством G-сети только развивают нас. Те же коммуникаторы, например, дают возможность решать проблемы самоуправления общества, дают всем возможность

сотрудничать во всех областях .принимать решения, определяющие нашу жизнь ,не полагаясь на политиков и администрацию. Разве это не доказывает полезность G-сети? Я не вижу, каким образом мир мог сохраниться на Земле без этого замечательного явления, а кто или что послужило причиной возникновения – теперь и неважно...

Алмаз: В каждом из нас живут вирусы, огромное количество разнообразных видов уживается между собой и с нами, как носителями. Но иногда они перестают быть инертными и тогда возникают эпидемии, которые уносят в небытие миллионы жизней за короткий срок. Есть ли гарантия того, что G-сеть в один прекрасный, нет, для нас это будет ужасный момент, что-то решит по поводу нужности человечества на Земле и не последует ли за этим такой техногенной катастрофы, результатом которой станет очищение планеты от самого опасного для неё вида? Экология это ведь попытки совместить несовместимое: разрушение биосферы человечеством в попытках удовлетворить свои запросы. Мы ведь всё ещё больше уничтожаем, чем создаем. А коммуникаторы, которые Гульмира приписывает G-сети на самом деле являются проектом СОЧ и в полном объеме используются только в России, остальные только примериваются к народному самоуправлению...

Галина: Проекты СОЧ через пять-семь лет снимут проблемы с продовольствием в Азии, возможно и в Африке. Есть проекты и по защите биосферы, нужно только сломать активное сопротивление корпораций, связанных с добычей полезных ископаемых. Многие страны смогли осознать себя не просто «сырьевым придатком» Евросоюза или США, а свободными членами мирового сообщества, способными самостоятельно решать свои проблемы. И в этом только G-сеть может стать решающим фактором, пассионарии из корпораций скоро это осознают, может быть именно под воздействием G-сети, которая сократит их число и заставит тратиться на первостепенные нужды. Есть ведь в природе и пробиотики, которые восстанавливают иммунный баланс организма человека, удерживая активизацию вредных вирусов на безопасном уровне. Будем надеяться, что G-сеть как раз и является таким аналогом, сумеет удержать человечество от самоуничтожения.

Степан: Будем надеяться, что это так. Но, как участник программы по исследованию G-сети, могу только надеяться. Вполне полагаю, что создателей вирусов, породивших G-сеть можно считать пассионариями. Мы отошли от обсуждаемой темы, теперь я к ней вернусь. Пассионарность по Гумилеву не является благом или вредом, это естественный процесс развития этногенеза. Исторические примеры, приведенные им в качестве подтверждения, лишь показывают, что развитием своим человечество обязано каким-то внешним воздействиям. Я с этим спорить не собираюсь. Сколько гипотез существует о влиянии Вселенной на жизнь Земли - сразу не сосчитать, возможно, есть и

достоверные. Но мне кажется, что стоит поставить первый вопрос дискуссии и перед G-сетью, пусть соберет и обработает все данные по теории пассионарности и даст свою оценку. Тогда и посмотрим, насколько мы близки к истине и стоит ли в дальнейшем поднимать эту тему.

Алексей: Согласен с основным тезисом Бориса – пассионарии были в 20-м веке, есть и в 21-м. Насколько много их было собрано в лабораториях корпораций и военных ящиках – вопрос сложный, но вполне посильный для G-сети. Я предлагаю участникам диспута в течение трех дней высказать свое мнение по поводу тех параметров, которые могут описывать личность пассионария. Естественно, что в основу собранных критериев отбора войдут те параметры, которые можно вычленишь из текстов Льва Николаевича. Затем G-сеть проведет проверку по имеющимся базам данных на сотрудников и покажет результат. Конечно, при этом конфиденциальность будет полная, но вот количество пассионариев и их распределение по корпорациям и «почтовым ящикам» мы сможем проанализировать...

Алмаз: Задумка прекрасная, поддерживаю полностью. Постараюсь уже сегодня подготовить свои соображения, да и над формой для параметров надо подумать. Времени всегда не хватает, поэтому прощаюсь со всеми участниками и выхожу из форума.

Ирина: Да, Борис подал прекрасную идею, поддерживаю. И теперь у меня появились некоторые мысли по поводу того, что пассионарность это действительно безликое явление, не имеющее моральной составляющей. Все примеры, приведенные Гумилевым в своих работах, давали одну и ту же картину: пассионарии ломали существующий порядок в обществе, что приводило к возникновению новых наций, государств, империй или гибели старых. Но в 20-м веке раздел территорий закончился, новые государства перестали возникать, если не считать организации союзов уже имеющихся, и что оставалось делать пассионариям? Возможно, что последние попытки переделки мира, предпринятые в 30-40 годах прошлого века, были инициированы именно пассионариями. Закончилось это плачевно для населения большей части Европы и Азии. Но что оставалось делать тем, кто на подсознательном уровне, как это утверждал Гумилев, содержит искру пассионарности? Вполне вероятно, что такие люди, не получившие образования и не прикоснувшиеся к культурным ценностям, стали выражать свою активность в том виде, который был для них доступен: это преступность, бизнес и политика. Нам стоит направить поиски G-сети и в эти области. Ведь многие организаторы протестных движений, в том числе и относящихся к террористическим, вполне отвечают подобным критериям...»

Упоминание G-сети в таком контексте меня удивило. Самонадеянно со стороны участников форума рассчитывать, что G-сеть обязательно возьмется им помогать, хотя были прецеденты. Взять хотя бы День Памяти, введенный всего четыре года назад и позволивший исследователям, которых G-сеть сама отбирает, получить доступ ко всем архивам. Теперь история переписывается учеными с учетом реальных фактов, а не домыслов мемуаристов и требований политиков. Полезное дело, кто спорит. Только вот это вездесущее и неподконтрольное явление, наподобие стихийного, вызывает лично у меня множество опасений и догадок, делиться которыми я могу только с близкими людьми. В школе многие учителя и большинство учеников старше 10 лет считают возникновение сетевого интеллекта самым значительным событием нашего века, да и всей истории человечества. Я же отношу себя к небольшой группе скептиков, часто использующих в спорах цитату из Гомера: «Бойтесь данайцев, дары приносящих». Не отрицая коренных изменений, привнесенных в мир этим образованием, возникшим, как полагают многие исследователи, на базе компьютерных вирусов, созданных в военных целях, скептики уподобляют действие этого образования новой стихии, способной разрушить мир технологий, созданный за последние три века и отбросить человечество в Средневековье.

Да, мы избавились от многих страхов, теперь нет «ядерных» кнопок и наркотики можно получить только по рецепту врача, снижается бесконтрольное производство технологических «игрушек» и все конфликты в «горячих точках» нейтрализуются до уровня бытовой ссоры...

Но кто даст гарантию, что самопроизвольно зародившаяся система не решит взять на себя контроль рождаемости или развития технологий, угрожающих в отдаленном будущем самой системе? С другой стороны, введение таких мероприятий, как День Мечты, дает основания для оптимистического настроения, хотя и сильно напоминает возникновение новой религии, основанной уже не самим человеком, а системой, которую считают разумной. Разумная стихия - это конечно, преувеличение, но практически неограниченные возможности глобальной компьютерной сети, принявшей на себя функции «няньки человечества» вызывают вполне обоснованные опасения. И тут попытки военных и политиков, всеми способами старавшихся с момента зарождения G-сети поставить её под контроль или даже просто уничтожить, кажутся не такими уж бесполезными. Им очень хочется вернуть время, когда можно было уничтожать людей и ресурсы во имя интересов, о которых большинство и не догадывалось. Я не хочу возвращения прошлого, когда финансовые и политические кризисы всё сильнее раскачивали лодку, в которой человечество плыло по течению времени.

Нет, мне больше по душе тот мир, в котором есть уверенность в будущем, есть проекты СОЧ и видны перспективы, где человечество перестает ценить только вещи и начинает ценить себя. Но как-то неприятно ощущать себя подконтрольным, хотя, как говорили в прошлом, каждый получает то, чего достоин. Может, через пару десятков лет G-сеть решит, что контроль над человечеством уже не нужен и переключится на другие задачи. И, судя по растущему влиянию и расширению деятельности СОЧ, к которой G-сеть относится положительно, такая вероятность весьма высока. На то и стоит надеяться.

Время было уже полночь, когда я решил укладываться спать. Утро вечера мудренее. Результаты диспута можно будет посмотреть уже вместе с учениками. Сбранного материала хватит на то, чтобы предполагаемое обсуждение было интересным.

Алматы, 2013

Спасибо за прочтение.

Автор надеется найти издателя для этой и последующих книг.

Отзывы можно высылать на E-mail: **olbant@yandex.ru**